

ББК 67.401

УДК 351.73

И 11

Эта книга о чекистах Прикамья, о тех, кто в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны в тылах и на фронтах охранял безопасность народа, его армии, родной страны с гордым именем — Советский Союз.

ISBN 5-93785-001-7

© ООО «Раритет-Пермь», 2000.

© РУ ФСБ по Пермской области, 2000.

Все дальше и дальше уходит от нас победная весна 1945 года. Дорогую цену заплатила наша Родина, весь наш народ за счастье жить под мирным небом. Миллионы людей полегли на полях сражений, неимоверные страдания выпали на долю тех, кто ковал Победу в тылу. Светлая память погибшим, вечная благодарность живым - святой долг каждого из нас.

Мы гордимся полководцами Великой Отечественной. В городах и селах страны стоят памятники героям былых сражений. Но был фронт, где битвы не сопровождались грохотом орудий, славными атаками и всенародной известностью воинов. А этот тайный, невидимый фронт характерен не меньшим драматизмом и мужеством, чем открытое противостояние. Имена его бойцов из-

вестны далеко не всем. Однако в немалой степени именно им мы обязаны Победой. И в глубоком тылу врага, и на незанятой им территории днем и ночью шел бой. С одной стороны - вся мощь фашистских секретных служб, с другой - органы государственной безопасности Страны Советов.

Гитлеровцы сосредоточили на советско-германском фронте 130 разведывательно-диверсионных групп и команд, 60 специальных школ, которые за годы войны подготовили и забросили на территорию СССР тысячи агентов. Однако, несмотря на их тщательную подготовку, немецко-фашистской разведке не удалось собрать достаточно полную информацию о военном и морально-политическом потенциале нашей страны, подорвать оборонную мощь государства, парализовать партизанское движение.

Опираясь на широкую поддержку и помощь народа, чекисты за годы войны пресекли деятельность нескольких тысяч вражеских агентов, в том числе 1850 агентов-парашютистов в тылу страны. Была захвачена 631 радиостанция, более 80 из них использовались для радиоигр и передачи противнику дезинформации. Только в результате этой работы удалось выявить 400 агентов и сотрудников германской разведки.

В ходе битвы под Москвой, в зоне боевых действий и в тылу Западного фронта было обезврежено более 200 агентов и 50 разведывательно-диверсионных групп. Это позволило советскому командованию скрытно сосредоточить севернее и южнее Москвы большие резервы войск. Контрнаступление Советской Армии в декабре 1941 года явилось полной неожиданностью.

Подобных примеров можно привести немало. В тылу врага действовало свыше двух тысяч оперативно-чекистских групп. Они уничтожили более 200 тысяч гитлеровцев, пустили под откос три тысячи эселезнодорож-

ных эшелонов, получили данные на 1260 агентов немецкой разведки, готовящихся к заброске и заброшенных в наш тыл.

✓ Определенную лепту в борьбу с гитлеровской Германией и ее разведывательно-диверсионными органами внесли и чекисты Прикамья. Так сложились обстоятельства, что в далекой от государственных границ Пермской области немецкие разведчики побывали официально перед самой войной. В апреле 1941 года в Пермь для посещения авиационного завода приезжала немецкая делегация во главе с военно-воздушным атташе германского посольства в Москве полковником Г. Ашенбреннером. В это время на заводе запускался в производство новый мотор авиаконструктора А. Д. Швецова.

Пермские чекисты вместе с работниками завода приняли соответствующие меры, чтобы исключить ознакомление членов немецкой делегации с новым изделием предприятия.

Деятельность фашистских спецслужб была направлена и на такие тыловые области, как Пермская, потому что именно здесь в значительном количестве производилось вооружение для армии. На первом этапе войны фашистские разведорганы особенно стремились подорвать веру народа в способность оказать достойное сопротивление врагу. Они делали ставку на лиц, недовольных советской властью. В частности, на заключенных, оказавшихся на оккупированной территории. Гестапо проводило массовые вербовки таких людей для проведения в нашем тылу фашистской пропаганды. Уже в 1941 году в области было выявлено и привлечено к ответственности несколько таких лиц.

Осуществлялась заброска фашистской агентуры и по воздуху для шпионажа и диверсий на территории области.

✓ В октябре 1943 года в районе станции Семеново Горьковской области был заброшен с самолета немецкий агент Никонов с заданием осесть между Пермью и Свердловском и заниматься сбором сведений об оборонных объектах Урала. Никонов был задержан пермскими чекистами во время следования по железной дороге в Пермь.

✓ В 1944 году сотрудники Пермского управления проводили поиск группы диверсантов, заброшенных немцами на территорию области с заданием проведения диверсионных актов на Горнозаводской железнодорожной магистрали.

За самоотверженную работу во время войны ряд оперативных сотрудников управления были награждены орденами и медалями, почетными грамотами, ценными подарками и именным оружием. В их числе полковник А. А. Тарасов, подполковники П. И. Власов, С. Н. Бельтюков, А. И. Гудошников, М. П. Колясников, А. П. Корнилов, М. И. Иванов, майоры И. В. Кокорин, А. И. Иванов, Г. Я. Леонов, старший лейтенант З. П. Ожиганова и другие.

✓ Во время войны на территории области кроме областного аппарата управления действовали около 50 периферийных аппаратов контр-разведки, в состав управления входили подразделения военной цензуры. Обстановка в области контролировалась, исходя из условий военного времени. Ин-

формация о положении в области регулярно направлялась в Центр, а также в советские и партийные органы.

Многие сотрудники управления уходили добровольцами или по распоряжению наркомата продолжали службу в органах военной контрразведки, в 1943-1946 годах называвшейся СМЕРШ. Большинство чекистов, ушедших на фронт, проявили мужество, героизм и отвагу в боях за Родину, за что отмечены правительственными наградами.

Среди них Валерий Павлович Соколов, уроженец села Архангельское Кудымкарского района, в 1944 году успешно действовавший в тылу противника в качестве заместителя командира по разведке оперативно-чекистской группы «Стремительная». За мужество и отвагу он награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны».

Другой наш земляк, Яков Еромолаевич Оглезнев из села Степаново бывшего Фокинского района, являясь начальником контрразведки 5-й Гвардейской воздушно-десантной бригады, во время десантной операции проявил бесстрашие, отвагу и мужество, за что был награжден орденом Ленина.

Самоотверженно действовал в сложных боевых условиях начальник отдела контрразведки СМЕРШ 14-й Гвардейской стрелковой дивизии, уроженец Чернушинского района Иван Григорьевич Володин. За боевые подвиги он был награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды.

Выполняя священный долг перед Родиной, многие бывшие сотрудники Пермского управления отдали свои жизни.

Это гвардии майор Александр Демидович Шляпников, начальник ОКР СМЕРШ механизированной бригады, награжденный орденами Красного Знамени и Отечественной войны II степени. Погиб в 1945 году в Германии.

Капитан Евгений Ефимович Васильев, старший уполномоченный особого отдела 379-й стрелковой дивизии. В 1943 году на Волховском фронте он погиб как герой при отражении танковой атаки фашистов. Посмертно представлен к награждению орденом Красного Знамени.

Младший лейтенант Николай Гаврилович Бражкин в 1942-1944 годы находился в партизанском отряде. За образцовое выполнение задания по организации партизанской борьбы на территории Ленинградской области награжден орденом Красной Звезды. В 1944 году погиб при выполнении спецзадания.

Среди участников сражений с врагом достойно проявили себя и пермяки, проходившие службу в пограничных войсках.

У Это уроженец Большой Сосновы, бывший пограничник, а во время войны - отважный партизанский командир Михаил Иванович Наумов, совершивший три беспримерных рейда по тылам противника, за что удостоен звания Героя Советского Союза и ему, капитану, было присвоено генеральское звание.

В соединении под командованием Наумова находился наш ветеран Владимир Дмитриевич Гончаровский, сражавшийся в составе разведотряда, награжденный орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

По-геройски встретил врагов командир отделения пограничной заставы неподалеку от Бреста Алексей Новиков, уроженец села Кын Лысьвенского

района. 22 июня 1941 года застава приняла тяжелый бой. Младший сержант А. Новиков огнем из пулемета почти сутки сдерживал наступление врага на своем участке границы. Погиб, но не отступил.

✓ Рядом с Н. И. Кузнецовым в отряде Героя Советского Союза Д. Н. Медведева, а затем в отряде особого назначения Героя Советского Союза Н. А. Прокопюка, воевал наш земляк, молодой чекист Григорий Саралулов. 23 июня 1944 года при прорыве через линию окружения, в ходе тяжелого боя он героически погиб.

Имя нашего земляка-березниковца Героя Советского Союза Геннадия Братчикова по праву занимает равное положение с именами выдающихся разведчиков: Рихардом Зорге, Львом Маневичем, Николаем Кузнецовым. Находясь четыре года в тылу врага, разведывательная группа Братчикова передала в центр более 450 ценных сообщений о передвижении войск противника, о формировании новых армий и укреплениях. Погиб Братчиков в 1945 году в Польше.

В Березниках выросла отважная радистка Вера Бирюкова, героически погибшая при выполнении боевого задания.

Многие пермяки, оказавшись на оккупированной территории, включились в подпольную борьбу с врагом.

✓ Под руководством нашего земляка из Краснокамска, младшего лейтенанта Красной Армии Василия Кочкина, действовала подпольная группа в оккупированных Великих Луках. В арсенале группы были диверсии и саботаж. Много сил он и его товарищи уделяли агитационной работе, укрепляя веру в победу у местных жителей.

Оказавшись в немецком плену, Алевтина Николаевна Щербицина также действовала как подпольщица, затем была переправлена в отряд Д. Н. Медведева. В этом отряде как врач сопровождала группы на боевые задания, лечила раненых. Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «Партизану Отечественной войны» II степени.

Можно продолжать приводить примеры самоотверженности и героизма пермяков, проявленных как в открытых сражениях, так и на невидимом фронте. Многие, к сожалению, до сих пор остаются неизвестными и забытыми. Но мы, живущие ныне, не имеем права забывать их.

55 лет Великой Победе. Но набат грозных событий продолжает стучать в наших сердцах. Склоняя голову перед подвигом отцов, храня благодарную память об отдавших жизнь за Родину, мы знаем - эта память священна, а подвиг - бессмертен.

Время не остановишь. Ветераны, славная когорта старых чекистов, уступают место молодым. Нет сегодня войны, но задачи, стоящие перед органами безопасности, не менее ответственные и сложны. И не менее крепка связь поколений, прочны наши традиции. Те, кто сейчас охраняют покой страны и народа, знают, на какой важный участок они поставлены. Они помнят о славных страницах истории и сами пишут сегодняшнюю. И делают это не менее профессионально, чем их предшественники.

С. П. Езубченко

ЭТО БЫЛО В АПРЕЛЕ

Гусаров чувствовал себя превосходно: наконец-то он исполнил просьбу чекистов! Удалась встреча, ничего не скажешь. Разговор получился стоящий. Послушать его, участника XVIII Всесоюзной партийной конференции, хотелось многим, собрались все, кто находился в этот час в управлении госбезопасности. Объявили доклад - об итогах прошедшей конференции ВКП(б), но Николай Иванович сразу попросил считать его не докладчиком, а так, собеседником. Чекисты хорошо знали первого секретаря обкома партии. Они заулыбались в ответ на его просьбу. Контакт был установлен.

Сейчас всплывали в памяти не собственные утверждения, а вопросы, которые ему были заданы. Не ради ли этой возможности и оторвались товарищи от своих непростых дел? Первый же из них - начальник оперативного отдела и член партийного бюро Архипов, сидевший напротив, слушавший Гусарова, положив ногу на ногу, словно напоказ выставив свои ослепительные сапоги, как-то совсем по-домашнему, негромко спросил:

- Как вы думаете, война будет скоро?

Все притихли, посерьезнели, приготовились не упустить ни слова. Гусаров окинул чекистов взглядом, положил на край пепельницы дымившуюся папиросу, выпрямился в кресле и ответил негромко:

- Думаю, скоро.

По залу прошла плотная волна тишины. И сотрудники в летах, хлебнувшие еще гражданской войны, и чекисты-первогодки, - каждый по-своему переваривал это слово: «скоро».

Встал один из молодых, краснея и ероша волосы, обратился к Николаю Ивановичу:

- Как вам представляется наша задача в этот тревожный момент?

Гусаров тоже поднялся с места, сделал шаг-другой, в раздумье переспросил:

- Как? - посмотрел в зал, затем в окно и, рубя воздух рукою, ответил решительно: - А так: все силы, все умение, весь талант - на охрану безопасности нашего родного государства!

Выйдя из управления, Николай Иванович знаком отпустил машину, дремавшую у подъезда. Далеко ли до обкома - Театральный сквер перейти, только и всего. Он с удовольствием двинулся пешком, намеренно замедляя шаг.

- Не помешаю? - рядом шел Архипов, тот самый, кто задал вопрос о войне. Он ступал осторожно, даже как-то церемонно, оберегая от случайных брызг свои сверкающие сапоги. - Разрешите вопрос?

Николай Иванович еще более замедлил шаг, повернулся в сторону Архипова, готовый его выслушать.

- Положение в Европе архитрудное. Гитлер совсем потерял разум. Я тоже думаю, что война будет скоро. А нас предупреждают, что в Пермь, возможно, прибудет делегация немецких авиационных специалистов. Как можно такое допустить? Слепому же ясно, что это разведчики!..

Гусаров предостерегающе поднял руку:

- Только без эмоций! Не берусь утверждать, что время самое подходящее для подобного визита, но уж если быть таковому, то чекисты, надо полагать, знают, что делать. Коли к нам с миром, так и мы с миром, ну, а если... Авиационные специалисты, говорите? Значит, их волнует наш моторостроительный, КБ товарища Швецова. Яснее ясного... Ну, тороплюсь, - он протянул Архипову руку, - желаю успехов.

Остаток пути Гусаров довершил один, глубоко, с удовольствием вдыхая пряную апрельскую свежесть, обещая себе бросить наконец курить. «Немецкие авиаспесцы? - подумал он вдруг беспокоинно. - Сейчас, когда Швецов так подавлен, когда у него в КБ практически остановлена работа?»

Так и не связав в одну нить встревожившие его обстоятельства, Гусаров прошел мимо козырнувшего ему постового милиционера, поднялся по широкой обкомовской лестнице, устланной ковровой дорожкой, и вошел в свой кабинет.

Привычная обстановка возвратила спокойствие, уверенность. Он заглянул в настольный календарь, прочитал собственную запись: «10 апреля - пленум обкома. Первые итоги выполн. реш. XVII конф. ВКП(б). Доклад». Наморщил лоб, вспомнив, что еще не приступал к работе: надо торопиться. Увидел свежие номера многотиражки моторостроительного завода, присел, стал их листать.

Последний раз он был на заводе четырнадцатого марта. Его пригласили на общезаводское партийное собрание, попросили рассказать о Всесоюзной партконференции. Там, в Москве, ему, кандидату в члены ЦК партии, довелось выступить с большой трибуны. Здесь задача была скромнее: соотнести заводские дела с партийными решениями. Едва ли не во всех речах звучали горделивые нотки: досрочно дали квартальный план, изо дня в день выполняется суточный график. Что ж, это неплохо, совсем неплохо, но только почему не чувствуется настоящего загляда вперед? Почему не ощутима связь того, чем живет коллектив, с тем, что происходит в мире?

В тот раз он говорил долго, вровень с докладчиком. Голос его и без микрофона был слышен на всех параллелях старого деревянного клуба. «Работаете ритмично? - обращался он к коммунистам. - Честь вам и хвала! Но, как поется в песне, если завтра война? Сохранится ваш ритм или нет? Кто ответит? - помолчал несколько секунд и сам же

ответил: - Никто. А между тем на дворе сорок первый год, да, да, и Гитлер прет без оглядки. Зря, что ли, Всесоюзная партконференция подчеркнула особую необходимость развития оборонной промышленности?»

Он умел зажечь людей. По-иному стали выступать после Гусарова. Резко критиковали наркомат за остановку работы по «двухрядной звезде» Швецова, досталось заводским руководителям за обширный парк устаревшего оборудования, горячо говорили о бдительности. «Другой коленкор, - довольно отметил Гусаров, - о самом насущном толкуют». И когда попросили его подвести итог, он сделал это охотно. «Двухрядная звезда»? Он лично обратился по этому вопросу в высшие инстанции. Устаревшие станки? Если не заменят их, то заменят заводских руководителей. Бдительность? С этим качеством не рождаются, бдительными становятся.

Тогда, кстати, договорились рассмотреть в парткоме вопрос «О сохранении военной тайны на заводе», после чего перенести его в цеховые партийные организации.

Что это, не отклик ли на тот разговор? Он припал к полосе заводской многотиражки, увидев заголовок: «Храни военную тайну». И так и этак считать можно. Это материал о только что вышедшей книге. Выделены слова: «Сохранение военной, государственной, партийной тайны - священная обязанность каждого советского патриота». Очень правильные слова...

Вдруг Гусаров снова беспокойно подумал: «Авиаспецы из Германии? Швецов не должен быть в неведении».

Вот уже несколько месяцев Гусаров настойчиво пробивал в верхах вопрос о «двухрядной звезде». Иногда ему казалось, что какой-то рок витает над этим авиадвигателем. Его рождение, даже только проект, были восторженно встречены на известном совещании работников авиационной промышленности в Кремле. Немедленно открыли финансирование новой работы. С еще не родившимся двигателем связывались радужные надежды на будущее, конструкторы истребителей и бомбардировщиков с нетерпением ожидали появления опытных образцов.

По существу, Швецов создал первенца семейства мощных двигателей воздушного охлаждения, способных безотказно работать на больших высотах. Почему «двухрядная звезда»? Потому что цилиндры нового двигателя располагались в два ряда по лучам двух одинаковых звезд. Но от своих предшественников новичок отличался не этим, а малой лобовой площадью. Конструкторы многих стран бились над таким решением, которое бы обеспечило выбор наилучших форм фюзеляжа, уменьшение лобового сопротивления самолета. Но реализовать эту задачу, которая в моторостроении значилась под номером один, удалось впервые Швецову.

В самый разгар работы пришло известие о прекращении финансирования «двухрядной звезды». Аркадий Дмитриевич был буквально

ошеломлен. Никто не понимал, чем продиктовано такое решение. Лишь через несколько недель сообщили из наркомата, что это связано с переводом завода на выпуск новой продукции - двигателей водяного охлаждения. Но не ясно было, зачем понадобилась новая специализация. Круг замкнулся.

Гусаров первый поддержал Швецова. Они не раз встречались и в КБ, и в обкоме, подолгу засиживались в домашнем кабинете Николая Ивановича. Его уверенность, что все случившееся - печальная ошибка и что рано или поздно она будет исправлена, и радовала, и пугала Швецова. «Только не поздно! - горячо говорил он Гусарову. - Наш двигатель нужен уже сегодня». Но Николай Иванович и сам отлично это знал. Свои соображения он изложил в обстоятельной записке, направленной в ЦК.

Вдруг захотелось Гусарову услышать голос Швецова, сказать ему доброе слово, подбодрить.

- Как жизнь, Аркадий Дмитриевич? - спросил он по телефону. - Рады весне?

Швецов был не в настроении и ответил мрачно:

- Какая это жизнь? Чувствую себя пассажиром в зале ожидания.

- А у меня есть новости, - загадочно сказал Гусаров.

... В КБ недоумевали: что стряслось? Последние месяцы главного конструктора, пожалуй, ни разу не видели улыбающимся; понятно, ранен человек, извелся в догадках. А тут - словно вернулось старое доброе время - помолодел, как-то даже повеселел главный. Уж не сдвинулась ли «двухрядная звезда» с мертвой точки?

Не сдвинулась, нет. Это опять Гусаров. Он так красочно разрисовал Швецову приезд германских авиаспецов, так лихо поведал о том, как наши не дали себя провести, что Аркадий Дмитриевич только подивился его дару устного рассказчика. Когда стало ясно, что никто никуда не приезжал, а только собирается приехать, Швецов безудержно расхохотался.

- Разве зря они лезут к нам? - уже серьезно спросил Гусаров. ✓

Аркадий Дмитриевич сразу же подумал о своей «двухрядной звезде». «Черт возьми, их приезд может служить веским доказательством «потустороннего» интереса к этому двигателю. Но... неужели они думают, что возникшие у нас сложности облегчат им задачу?»

Эта догадка остановила Швецова. Он вышел из-за стола, приблизился к окну, снова подумал: «Неужели?»

Вспомнил, как прошлой весной, будучи в командировке в Германии, он постоянно чувствовал себя в фокусе посторонних глаз. В заводском цехе, в конструкторском центре, на улице, в отеле - повсюду кто-то наблюдал за ним, следил за каждым его жестом и шагом.

В Берлине Швецов жил в первоклассном отеле «Адлон». Однажды вечером, когда в городе была объявлена воздушная тревога и в ожида-

нии появления английских бомбардировщиков гостям предложили спуститься в бомбоубежище, он не подчинился распоряжению. Уже через несколько минут что-то щелкнуло в замочной скважине, открылась дверь, и на пороге появился портье. Он ничуть не смутился, напротив, спокойно повторил распоряжение администрации.

Когда часа через полтора Аркадий Дмитриевич возвратился в свой номер, по едва видимым приметам он понял, что здесь кто-то побывал. Книга, которую он решил почитать перед сном, лежала не на подушке, куда он ее бросил, а на ночном столике. Чуть сдвинута была скатерть на столе. Насторожил слабый запах табака, никогда не ускользающий от некурящего человека.

Выходит, предстоит новая встреча со старыми знакомыми? Если они пожалуют, гарантировать им хлеб-соль никто не сможет.

Аркадий Дмитриевич улыбнулся. Вспомнилась байка, рассказанная однажды Гусаровым. Неполных шестнадцати лет, будучи бойцом отряда по борьбе с бандитизмом, он как-то сочинил рапорт на имя командира. Написал: «Предлагаю изъять у кулаков соль, тогда они не смогут встречать бандитов хлебом-солью». А командир наложил резолюцию: «Предлагаю изъять и хлеб, тогда у них вовсе отобьет охоту к встречам».

Однако шутка шуткой, а чувствуется какой-то сдвиг в пользу «двухрядной звезды». В том смысле, что она нужна своему времени. Ведь если говорить начистоту, то кадры истребительной и штурмовой авиации воспитывались на моторах воздушного охлаждения. Не за горами война, и переключать завод на новые двигатели, переучивать летный состав именно теперь - значит нанести авиации серьезнейший вред. Что же касается достоинств нового двигателя, то они в русле лучших мировых достижений.

- Быть «двухрядной звезде»! - к собственному удивлению громко провозгласил Аркадий Дмитриевич. Теперь уверенность Гусарова стала и его уверенностью.

В ближайшую пятницу Архипов собирался отметить свой день рождения. Трубить большой сбор он не предполагал (не полувековой юбилей!), а хотел пригласить только самых близких друзей и вместе с Сашей и их годовалым Валентином «зафиксировать факт своего тридцатипятилетия».

Александра Борисовна возражала: надо собраться на день раньше, не то непременно что-нибудь помешает. Он обвинил жену в суеверии, но согласился. И вот сегодня они ждали гостей.

Архипов мог бы одновременно отметить и семилетие своей службы в органах ЧК. Ему нередко приходило на ум, что с того майского дня 1927 года, когда его, двадцати с небольшим лет, приняли в партию, у него совсем не стало свободного времени. Так было в родных тульских

краях, где он пребывал ремонтным рабочим службы пути, так было в Москве, где он стал чекистом, так оно ведется в Перми, куда он прибыл по назначению пять лет назад.

Товарищи уважали Архипова. Он был энергичен, опытен, решителен. На совещаниях у руководства его выступления бывали кратки и предельно четки, и так уж повелось, что чаще всего одобрялись его предложения.

У себя в отделе Архипов был кумиром. Ему прощали и вспыльчивость, и посещавшее его порой высокомерие. Постоянная готовность к действиям, безотказность в любом деле плюс личное мужество стояли в глазах товарищей куда дороже. Да и сам облик его был привлекателен. Проницательные глаза, глубокая складка меж бровей и казавшаяся чужой ямка на подбородке делали его лицо запоминающимся.

Сегодня Георгий Глебович блаженствовал. Наслаждаясь бездельем, он потихоньку стащил с уже накрытого стола аппетитный кусочек мяса, затем прилег на тахту, взял еще утром читанную газету.

✓ - Саша, - крикнул он жене, возившейся на кухне, - послушай объявление: «Поступил в продажу телефонный справочник на 1941 год. Продается на Центральной телефонной станции...» Ты слышишь? И еще: завтра пойдет «Лебединое озеро», так что собирайся! А сегодня в «Художке» идет «Валерий Чкалов», может, успеем на последний сеанс? Чего молчишь?

Вошла жена, удивленно посмотрела на Архипова в позе бездельника, по лицу ее пробежала тень.

- Нафантазировал? Театр, кино... К телефону тебя!

В одну секунду он соскочил с тахты, шагнул в коридор, схватил трубку:

- Архипов слушает!

Ему передали приказ: срочно явиться в управление госбезопасности.

Номер гостиницы германского посольства, где проживал полковник Генрих Ашенбрэннер, окнами выходил на улицу Веснина. Он знал, что это его временная пристань, в Москве осталось ему служить недолго, и потому безропотно сносил сложности гостиничного бытия. Однако очевидны были и плюсы. «Постоялый двор», как он называл посольское общежитие, находился в центре Москвы, можно было, не прибегая к коммунальному транспорту, а лишь пройдя по Бульварному кольцу, выйти к самому посольству, которое издавна находилось на улице Станиславского.

Он гордился своим знанием Москвы. В отличие от коллег, да и от многих москвичей, улицы называл только их новыми именами. Для него не существовало ни Денежного переулка, ни Леонтьевского переулка, а были улицы Веснина и Станиславского, переименованные в честь знаменитого архитектора и еще более знаменитого деятеля театра.

Ранг военно-воздушного атташе давал полковнику Ашенбреннеру определенное положение в обществе, а то обстоятельство, что служба его протекала в Москве, делало его и вовсе заметным. Он, конечно, не мог не знать, что постоянно находился в поле зрения тех берлинских ведомств, от которых зависела не только карьера, а сама жизнь человека, но добрый бог пока его миловал. Он исправно делал свое дело, собирал доступную ему информацию и хвалил себя за смелость суждений.

Он не разделял мнений ни военного атташе генерала Кестринга, ни его помощника полковника Кребса о военных возможностях русских. Когда в прошлом году они возвращались в одном автомобиле с военного парада на Красной площади, Кребс, явно стараясь угодить своему шефу, бросил: «Детские игрушки». Тот согласно улыбнулся, а Ашенбреннер промолчал, но подумал: «Поразительная недалёковидность!»

В самое последнее время это ощущение особенно усилилось. Неожиданно и срочно вызвали в Берлин генерала Кестринга, вскоре был вызван в министерство иностранных дел сам фон Шуленбург. Эти поспешные выезды посла и военного атташе предвещали какие-то события. Хотя о чем еще, как не о войне, может идти речь, когда граница до того насыщена войсками и боевой техникой, что походит на замершую линию фронта.

- Поживем - увидим, - вслух сказал на хорошем русском языке Ашенбреннер. Он взглянул на часы, мысленно пожурил себя за пристрастие к праздному лежанию и стал собираться. Тонко зажужжала электробритва, приятно освежила плечи тугая струя воды; он надел свежую рубашку, быстро повязал галстук и оглядел себя в зеркале.

- Что день грядущий мне готовит? - опять по-русски спросил он себя, подражая известному московскому тенору.

План у него был такой: обычные свои полчаса погулять по бульвару, затем позавтракать в приглянувшемся кафе и где-то около полудня явиться в посольство. Он уже надел плащ и взял в руки шляпу, когда раздался осторожный стук в дверь. На пороге стоял посольский шофер. Он слегка поклонился Ашенбреннеру и, безучастно глядя ему в лицо, быстро проговорил:

- Герр оберст, вас срочно требуют. Автомобиль у подъезда.

Коротка дорога до посольства. В машине Ашенбреннер едва успел перебраться в уме события последних дней и, не остановив ни на чем внимания, подумал: «Что-нибудь из Берлина».

Посольский особняк в этот утренний час чем-то походил на театральную декорацию. Массивная дверь и причудливый балкончик над нею наделяли фасад стилями двух различных эпох. А увенчанные лепными украшениями двенадцать окон на обоих этажах смывали это различие. Красивый особняк, но какой-то игрушечный.

Машина, миновав постового, въехала во двор, и Ашенбреннер то-

ропливо вошел в здание. На лестнице его встретила секретарша. Приложив палец к губам, она отвела его в сторону и шепотом сообщила:

- Прибыла важная персона из Берлина. Не то от Канариса, не то от Шелленберга. Ожидает вас в кабинете.

Ашенбреннер вдруг почувствовал, как он жутко голоден. Но было уже не до завтрака. Он тут же снял плащ и шляпу, передал их секретарше и, мельком взглянув на себя в зеркало, направился в кабинет, где его ждал таинственный гость из Берлина, представлявший то ли военную разведку, то ли разведслужбу гестапо.

Час-полтора или дольше длилась беседа за дверью, обитой кожей? Скорее всего Ашенбреннер не ответил бы на этот вопрос. Он вышел из кабинета осунувшийся, даже как будто постаревший, потер пальцами лоб, словно вспоминая, куда ему нужно идти, вопреки своим правилам натошак выпил стакан минеральной воды, стоявшей неподалеку на столике, и только после этого направился к себе. Секретарша сразу поняла, что ему не до вопросов, и только спросила:

- Герр оберст приготовил поручения?

Он не очень-то вежливо махнул рукой, и она моментально скрылась за дверью.

«Вот пришел и мой черед», - думал тем временем Ашенбреннер. Он даже про себя в суеверном страхе не называл то ведомство, которое почтило его своим вниманием. «В интересах великой Германии», - каков аргумент! Но ничего не возразишь, если не хочешь однажды проснуться или, лучше сказать, не проснуться в родном Берлине, в доме на Вильгельмштрассе, 8 *. И он промолчал. Он согласился.

Палец нащупал сигнальную кнопку у ножки письменного стола. С блокнотом и автоматическим пером вошла секретарша. Кратко, будто экономя слова, он сообщил, что завтра с группой авиационных специалистов выезжает на Урал. Отправление с Курского вокзала. Поезд Москва - Пермь.

Домой, в гостиницу, Ашенбреннер возвращался в смятении. «Почему такая спешность?» - спрашивал он себя в который уже раз.

Берлинский гость на этот вопрос ответил так: «Чтобы успеть подготовиться ко дню рождения фюрера, который намечается провести как национальный праздник - с приемом официальных лиц страны пребывания, с речами перед колонией проживающих здесь соотечественников. А день этот, как известно, двадцатого апреля». Но такая мотивировка лишь для отвода глаз. Посол перед отъездом сказал, что возвратится не скоро, и дал понять: ничего этого не будет. Дезинформация и разведывательные цели - понятно, но не потому ли такая поспешность, что Германия остановилась у последней черты и вот-вот начнется война с Россией?

В этот вечер он лег с больной головой. А рано утром к посольской

* - в этом здании находилось гестапо.

гостинице подошел автомобиль. «На Курский вокзал», - коротко приказал Ашенбреннер.

Поезд, которым следовала группа германских авиационных специалистов, отошел от платформы точно по расписанию.

Явившись по вызову в управление госбезопасности, Архипов ознакомился с сообщением, полученным из Центра. И сразу же приступил к разработке операции.

Из характеристики директора Пермского моторостроительного завода Германа Васильевича Кожевникова:

«За период работы на моторостроительном заводе показал себя дисциплинированным, растущим командиром, организатором производства, имеет достаточный кругозор в партийной и хозяйственной работе, инициативный, технически грамотный специалист, повышающий систематически свои знания. В партийном коллективе завода пользуется заслуженным авторитетом. Принимает активное участие в партийной жизни, являясь членом партийного комитета завода, членом РК ВКП(б), членом обкома ВКП(б). Партии Ленина и социалистической Родине предан.

Секретарь райкома партии Ларионова».

Из автобиографии Германа Васильевича Кожевникова:

«Я родился в июне 1907 года в Ташкенте. Отец до самой смерти работал на Ижевском заводе токарем. Мать при его жизни была домохозяйкой, а после работала кухаркой. Сестер и братьев не имею.

С двенадцати лет работал слесарем на Среднеазиатской железной дороге, жил в Ашхабаде. Окончил вечерний рабфак и в сентябре 1929 года был командирован на учебу в Московское высшее техническое училище. Потом перешел в Московский авиационный институт, на моторный факультет. В рядах ВЛКСМ находился в 1923-1932 годы. В 1930 году Краснопресненским райкомом ВКП(б) гор. Москвы принят в члены Коммунистической партии.

В 1932 году на факультетском партийном собрании выступил с политическим неправильным заявлением, якобы организация ОРСов (отделов рабочего снабжения) противоречит кооперативному плану В. И. Ленина. Свою ошибку немедленно признал, но за непартийное выступление мне был объявлен выговор без занесения в личное дело. В 1939 году указанный выговор парткомом моторостроительного завода снят.

По окончании института в 1934 году призван в РККА. Имею звание военного инженера второго ранга. В течение пяти лет выполнял представительские обязанности на моторостроительном заводе, а в феврале 1940 года назначен его директором...»

Германа Васильевича Кожевникова за глаза называли двужилым. Он мог полдня пробыть в своем кабинете, потом посетить цеха, побы-

вать в партийных органах, провести совещание, отправиться домой в восьмом, а то и в девятом часу вечера, а в полночь снова появиться на заводе, чтобы лично понаблюдать работу конвейера в это сонное время суток. И ничего, утром он бывал неизменно бодр и выглядел вполне отдохнувшим. Возраст, что ли, помогал выдерживать такую нагрузку? Тридцать четыре года было директору.

Простившись за полночь с Архиповым, Герман Васильевич приветливо махнул ему рукой и проводил взглядом автомобиль, отъехавший от заводоуправления. Теперь надо было основательно обдумать все то, что он услышал от Архипова, потому и решил отправиться домой пешком. Собственно говоря, его не только ввели в курс дела, но и познакомили с планом действий. На основе этого общего плана он намеревался прикинуть свой собственный, предусмотрев роль конкретных людей в конкретных обстоятельствах, осуществление разных мер производственного и иного порядка.

Итак, с однодневным визитом прибывает группа авиационных специалистов из Германии. Официально цель их поездки - ознакомление с передовым в Советском Союзе моторостроительным заводом, который работает на всю авиацию. Следовательно, прием надлежит организовать так, как подобает в подобных случаях. Но это - официально. На самом же деле их задача - осмотреть опытное производство, где в ожидании государственных испытаний стоит «двухрядная звезда» Швецова. Уже само наличие скрытой цели говорит об истинном лице прибывающих гостей. Тем не менее надо соблюсти внешние приличия, чтобы не вызвать эксцесса, и в то же время необходимо решительно перекрыть доступ к нашим секретам.

Именно так была оценена складывающаяся обстановка, когда Кожевников беседовал с Архиповым. Тот несколько раз повторил: «Бдительность и еще раз бдительность!». Сам собою напрашивался вывод: надо сделать все необходимое и возможное, чтобы не дать врагу осуществить свой замысел. Для этого придется...

Дома Кожевников взял чистый лист бумаги, разграфил его на три части и крупно надписал: «Первое. Второе. Третье». В одну графу он внес фамилию главного инженера, в другую - начальника производства, в третью - директора заводской фабрики-кухни. Именно от этих людей, по замыслу чекистов, зависел самый первый, подготовительный, этап операции.

Главный инженер завода Виктор Павлович Бутусов был фигурой колоритной - что внешностью своей, что биографией. Среднего роста, атлетического склада, чуть рыжеватый - это он получил приглашение Горького рассказать на страницах журнала «Наши достижения» о том, как «постепенно становился коммунистом, новым человеком»; это он стоял рядом со Сталиным на трибуне Мавзолея в скорбный час похорон Серго Орджоникидзе и от имени московской инженерии произнес

слово прощания; это он выступал у памятника Пушкину в столетнюю годовщину смерти поэта; это он был членом правительственной комиссии по перелету Владимира Коккинаки из СССР в Северную Америку.

Бутусов родился на Средней Волге. Восемнадцатилетним деревенским парнем он добровольно записался в Красную Армию и в Конармии Буденного прошел всю гражданскую войну. В деда своего, что ли, полного георгиевского кавалера, пошел он храбростью? Молодой рубака был награжден почетным революционным оружием.

Потом была Москва. Работа и учеба, да еще забота о девяти братьях и сестрах, которых увез из голодающего Поволжья. Затем, в 1930-м, он стал коммунистом, еще через год получил диплом инженера. А еще через шесть лет его, уже видного специалиста авиационного моторостроения, награжденного орденом Красной Звезды, командировали в Соединенные Штаты Америки представителем СССР по закупке оборудования. Там он пробыл долгих три года. Правда, с кратковременными отлучками в Англию, Францию и Германию, где, как и в Америке, изучал моторостроительное производство.

В начале 1940 года Бутусов был отозван на Родину, а перед праздником Октября его вызвали в Кремль. Сталин, Ворошилов и Микоян приветливо встретили, поинтересовались здоровьем. Поскольку жалоб не последовало, то сразу и приступили к основному вопросу. Чем окончилась та беседа? Тем, что в ноябре Виктор Павлович принял обязанности главного инженера пермского завода.

Кожевников отлично знал одиссею Бутусова, и сейчас, выйдя из-за своего стола ему навстречу, он с удовольствием пожал руку этому славному человеку. Главный инженер внушал ему уважение и симпатию.

Казалось, ничто не могло обескуражить Бутусова. Когда директор обрисовал ему положение дел, он помедлил самую малость и сказал:

- Бриллиантовая идея - помочь им просчитаться.

Кожевников усмехнулся: любимое выражение главинжа - «бриллиантовая идея».

- Что вы имеете в виду? - поднял он брови.

- Возникли некоторые соображения, - ответил Бутусов. - Через час смогу аргументировать. - Он обеими ладонями разом пригладил волосы и взглянул вопросительно: - Не будем терять драгоценные минуты?

- Жду вас через час, - ответил Кожевников.

В назначенное время к директору явился начальник производства завода. Потом по вызову пришел заведующий заводской фабрикой-кухней.

Пассажирский поезд, в котором находились германские авиационные специалисты, следовал по расписанию.

Из окна третьего этажа Театральный сквер казался огромной гравюрой, исполненной вдохновения реалиста. Как-то по-особому ясно

гляделись большие тополя, выстроившиеся вдоль аллеи; у еще безжизненных цветников копошились рабочие «Горзеленстроя», колдуя над оттаивающей почвой; детвора на маленьких своих велосипедах и самокатах смело бороздила лужицы, сверкавшие на солнце. Покоем и добротой веяло от всего этого, хотелось долго и молча рассматривать медленный приход весны.

Стенные часы показали шестнадцать ноль-ноль, и все, кто был вызван на этот час к руководству управления, словно нехотя оторвались от окон и направились в кабинет. Лирический настрой уступил место деловой сосредоточенности. Совещание с участием оперативных работников началось.

Архипов, едва получил слово, сразу же приступил к делу. Он говорил не торопливо, но и не нарочито замедленно; взятый им темп позволял слушателям без напряжения следить за его мыслью, фиксировать внимание на цифрах и фактах, самое важное раскладывать на полочках собственной памяти.

Никто ничего не записывал. Ничто дважды не повторялось. Раскрывая задачу, Архипов переводил взгляд с одного лица на другое.

Вот рослый и крепкий блондин Аркадий Павлович Корнилов. Только через год ему исполнится тридцать, а он уже по праву считается опытным работником. Не зря приняли в партию. И чекистом он стал не по случаю: многое пережил-переживал. Только подумать: в родной своей деревне Поспелово, что против Набережных Челнов, был он торговым работником, потом стал слушателем бухгалтерской школы в Елабуге. В полном смысле слова сбежал оттуда - наскучило; перебрался в Горький, чтобы получить специальность по душе, а душа-то и запросила чекистской работы. Возвратился в родные края, окончил школу ГПУ. С той поры и начал отсчитывать стаж.

А вот рядом Максим Васильевич Прадедович. Он чуть постарше Корнилова, но в партии уже почти десять лет. Рассудительный, неторопливый, основательный. За плечами у него и крестьянский труд, и культурно-просветительная, и милицейская, и комсомольская работа. Все это было в его родной Белоруссии. А восемнадцати лет от роду, в Сибири, стал он чекистом. Тюмень, Тобольск, Свердловск... Вот уже восемь лет работает в Перми, и как работает! Иногда кажется, что он старше, чем на самом деле. Должно быть, потому, что выработался у него этаким стиль - сначала все взвесить скрупулезно и лишь потом объявить свое мнение. Года еще не прошло, как наградили его знаком «Почетный чекист».

Или Иван Ликарионович Беляев. Он тоже чекист-ветеран - с 1929 года в органах. Начиная на границе, демобилизовавшись, вернулся в родную Пермь, пришел как коммунист в горком партии и заявил: «Располагайте мною». Куда девать чекиста? Его и направили в органы, что

называется, по специальности. Превосходно работает! Что ни праздник - непременно получает благодарность в приказе.

Все эти люди и их товарищи, такие же, как и они, через какие-нибудь сутки с небольшим окажутся лицом к лицу с вышколенными разведчиками из фашистской Германии. Это будет поединок особого рода - без выстрелов и погони. В этом поединке главным будет хладнокровие и расчет.

- Итак, товарищи, прошу задавать вопросы, - сказал Архипов и повторил: - Прошу... Аркадий Павлович?

Корнилов поднялся, кивнул утвердительно:

- Да, имеется вопрос. Почему, собственно говоря, надо показывать им наш завод? В чем дело? С одной стороны, мы видим в них разведчиков, и правильно видим, а с другой стороны, все-таки даем возможность познакомиться с заводом, с его производством. Разумно ли это?

Вопрос Корнилова как бы ставил под сомнение правомерность всего того, о чем так основательно говорил тут Архипов. Эта прямота его порорибила, он сорвался:

- Я смотрю, среди нас всего один разумный человек - товарищ Корнилов. А знаете ли вы, что это обдумывалось в Москве, у нас? Или для вас это несущественно?

С Архиповым случались подобные вспышки. Недаром в управлении говаривали: «Не будь на нем слоя грубости - цены бы ему не было». Корнилов же, как ни в чем не бывало, переждал этот срыв и повторил свой вопрос: следует ли вести фашистов в заводские цеха?

На сей раз Архипов, не повышая голоса, совершенно спокойно ответил:

- Будь моя воля, я бы, как и вы, не пустил их на завод. Но это вопрос большой политики. Ведь в прошлом году товарищ Швецов посетил их заводы. Повторяю: если мы сориентируем людей, чтобы они проявили высокую бдительность, то опасность будет сведена к нулю.

- Но позвольте, - взял слово Прадедович, - не скажете ведь вы им, как неразумным детям, «туда нельзя», когда они наострят лыжи в цеха опытного производства?

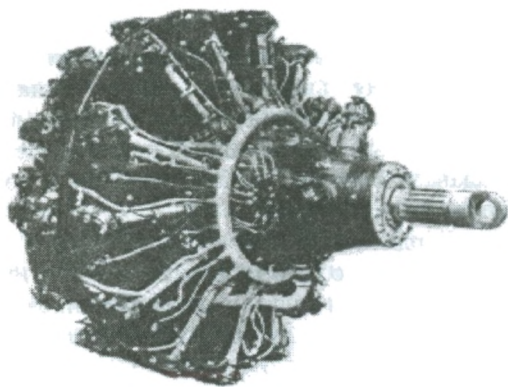
- А кто сказал, что данное производство имеется на данном заводе? - искусно выразил удивление Архипов.

Присутствующие облегченно засмеялись. Ну, коли так, тогда совсем другое дело. Поднялся Беляев:

- С этим вопросом ясно. А где гарантия, что у кого-то из них, а быть может и у всех, где-нибудь в пиджачных пуговицах не вмонтированы фотокамеры? Техника-то, слава богу! Цейс, надо думать, не спит.

- Надо думать! - весело подхватил Архипов. - Но и мы с вами не спим тоже. Необходимо сделать так, чтобы они не сфотографировали ничего неположенного, подчеркиваю, ни-че-го...

Других вопросов не было. Разошлись в хорошем настроении.

«Двухрядная звезда» А. Д. Швецова, которую так и не удалось увидеть немецкой разведке.

Пассажирский поезд, в котором находились германские авиационные специалисты, прибывал по расписанию.

Гостей встретили на перроне вокзала и сразу же усадили в заводские легковушки. «Специалистов» было семеро да встречавших столько же, так что понадобилось пять автомобилей; один за другим они покинули привокзальную площадь.

Долгая дорога, казалось, не утомила гостей, они пожелали сразу отправиться на завод.

В заводоуправлении им предложили умыться, перекусить, но они отказались, мол, как говорят у русских, время - деньги.

У Ашенбреннер с неподдельным интересом разглядывал только что представленных заводских руководителей - рослого и чуть хмурого главного конструктора Швецова, властного и, похоже, напористого директора Кожевникова, добродушного и привлекательного главного инженера Бутусова.

«Обыкновенные люди, - думал он неторопливо, - у них своя жизнь, свой мир, и другого им не нужно. Если быть войне, их не одолеть...»

Он почувствовал на себе чужой взгляд, резко повернул голову и встретился глазами со своим спутником - бритоголовым анемичным человеком. Еще на Курском вокзале, когда вся группа собралась вместе, запоздавший сотрудник посольства сообщил, что сейчас явится последний, седьмой, член делегации, консультант по экономическим вопросам. И явился этот бритоголовый, с палкой орехового дерева. Очень скоро Ашенбреннер понял, что его приставили с определенной целью.

Встретившись с «консультантом» взглядом, Ашенбреннер принужденно улыбнулся, поднял руку и постучал ногтем по своим часам, мол, следовало бы поторопиться.

За проходной завода не было ни приветственных речей, ни цветов. Сопровождаемые Кожевниковым, Швецовым и группой главных специалистов, немцы проходили по цехам, цепко приглядываясь к самоновейшим станкам, придерживая шаг у готовых узлов на сборке двигателей воздушного охлаждения, задирали головы, оценивая высоту пролетов.

Что-то почти неуловимое выдавало в них военных людей: то ли четкость движений, то ли полное отсутствие интереса к тому, как работа-

ют люди, а может быть, и подчеркнутая сдержанность, которая выглядела чрезмерной для штатских. Во всяком случае, их отлично сшитые костюмы и одинаковые галстуки были прозрачной ширмой.

Гости не вступали с рабочими в разговоры, глядели как бы сквозь них. Рабочие, когда немцы задерживались у их станков, углублялись в свое дело и только потом, когда те шли дальше, молча смотрели им вслед. Не очень-то было понятно, какая надобность в том, чтобы немцы, наверняка фашисты, ходили по заводу, глазели, куда им заблагорассудится. Только присутствие Швецова и Кожевникова заставляло думать, что в этом нет ничего страшного, так надо.

В дальнем пролете сборочного цеха, почти на самом выходе из него, немцы вдруг сбавили шаг, а потом и вовсе остановились. Их внимание привлекли узлы и детали двигателей водяного охлаждения. Только что они наблюдали массовую сборку «воздушки», и вдруг - «водянка» в считанных экземплярах! Как же так? Следует ли полагать, что двигатели водяного охлаждения находятся в стадии освоения? И означает ли это, что радушные хозяева познакомили своих гостей с новейшей продукцией завода?

Швецов вспомнил, как еще несколько недель назад распорядился убрать узлы «водянки», присланные как образцы в преддверии предстоявшего их освоения. Кожевников тогда поморщился, но распоряжения главного конструктора не отменил. А Бутусов, присутствовавший при этом, словно бы в шутку сказал: «Отдайте их мне на память». Теперь ясно... Он и перебросил их сюда.

- Вы спрашиваете, - Аркадий Дмитриевич по-немецки повторил вопрос, - находятся ли двигатели водяного охлаждения в стадии освоения? Но, господа, во всех иных случаях мы бы вам показали готовые двигатели, а не узлы.

Кожевников, прослушав перевод, тут же подхватил:

- И, следовательно, господа, вы получили счастливую возможность познакомиться с тем, чего мы пока еще не выпускаем, а только должны начать выпускать.

Немцы довольно переглянулись. «Консультант» улыбнулся главному конструктору, директору и двинулся дальше.

«Молодцы наши, хорошо поработали, - про себя усмехался Швецов. - Сообразили ведь сократить по «воздушке» задел! Попробуй теперь представить обычную загрузку - просто невозможно. Ну а что касается «водянки», выходит, и она сослужила нам службу. Гости-то всерьез приняли ее за нашу новую продукцию».

Немцы ходили по заводу без усталости, с энергией людей, которые знают, что самое интересное их ожидает в конце пути. Чувствовалось, что это «самое» не дает им покоя, из-за него они и отправились за тридевять земель от своего дома. Было видно, как угасает их деланное внимание к обыкновенным вещам. Сейчас могло произойти непредвиденное.

- В центральную лабораторию! - требовательно сказал «консультант», обращаясь к переводчику. Тот, мельком взглянув на директора, остановил всю группу и, обаятельно улыбаясь, объявил немцам: «Господа, программой не предусмотрено знакомство с центральной лабораторией завода, но, идя навстречу...»

↓ Все направились в лабораторию. Ашенбреннер молча шел рядом с «консультантом» и боковым зрением видел, как тот что-то на ходу перекладывал из одного кармана в другой, то ли чего-то опасаясь, то ли к чему-то готовясь.

Кожевников, шагая со всей группой, озабоченно думал: «Они, конечно, рассчитывали на отказ. Не вышло. Куда же еще они теперь запросятся?»

«Если все кончится так, как задумано, на банкет не пойду. Устал. Да и с какой стати? - размышлял Швецов. - Пить с ними водку? Слуга покорный! В прошлом году там, в Германии, пришлось чокнуться с Месершмиттом. Б-р-р-р, будто змеею облобызал...»

В центральной лаборатории смотреть, а особенно рассматривать было нечего. Мерительный инструмент, электрическая аппаратура, микроскопы - все это выглядело обыденно и привычно. Добрую четверть помещения занимала мощная рентгеновская установка германского производства. Сейчас на ней работала группа заводских металлургов, и немцы, увидев это, похоже, забеспокоились, занервничали.

Бутусов еще вчера сказал: если они запросятся в ЦЛ, то меньше найдут, чем потеряют. Развивая свою мысль Кожевникову, он импровизировал: «Представляете? Гости входят в лабораторию, а там у нас на стенах (специально для наших заочников) развешаны схемы русских дореволюционных авиадвигателей - вся родословная, воспроизведена по вузовскому учебнику. Уж будьте спокойны, гости не пройдут мимо. А покуда поймут, что это секрет полишинеля...»

Сейчас, когда вся группа вошла в центральную лабораторию, и, бросив взгляд на стену, увешанную схемами, немцы остановились, Кожевников подумал о Бутусове: «Ну и ну!» Словно по шучьему велению, они рассредоточились вдоль схем и стали пожирать глазами, наверняка и тайно фотографировать все эти «наглядные пособия».

Кожевников вздохнул с облегчением: «Ну, теперь, кажется, все». Ашенбреннер был ошеломлен. «Такая безмозглость! Выставить на всеобщее обозрение схемы... Неужели они так и не поняли, кто к ним пожаловал в гости?»

Осмотр лаборатории не занял и десятка минут. От посещения других цехов немцы отказались. Тут им и объявили, что подошло время прощального ужина.

В заводууправлении всю группу ждал хорошо сервированный стол.

Из донесения начальнику оперативного отдела управления госбезопасности по Пермской области тов. Архипову:

«Из бесед с рабочими цеха сборки сложилась следующая картина.

Войдя в цех в сопровождении работников завода, немецкая группа вроде бы не проявила особого интереса к окружающему. На самом же деле у них, похоже, были распределены обязанности. Едва переступив порог, один из немцев стал незаметно считать количество пролетов, другой - прикидывать высоту цеха. Обратил на себя внимание бритоголовый с палкой; он редко на нее опирался, больше держал в руках в вертикальном положении, оберегал. Можно предположить, что в палке вмонтирована миниатюрная фотокамера.

Замешательство вызвали у немцев доставленные на сборку комплекты узлов и деталей для двигателей водяного охлаждения. Попытки немцев отделиться от группы не были отмечены... А. Корнилов».

Застолье уже продолжалось больше часа. Пожилой официант быстро убирал пустые блюда и графины, а его молодой коллега с той же быстротой ставил на стол новые закуски и вина. Гости никак не могли оторваться от прекрасных маринадов и солений, и потому все не утихал перезвон бокалов. Становилось душно. Над головами плыли клубы табачного дыма.

Ашенбреннер с аппетитом выпил водки, съел салат из свежих огурцов и помидоров, редкостных в апреле. Сидевший рядом Кожевников предложил хорошую папиросу, щелкнул зажигалкой. Хотелось тишины, чтобы осмыслить этот уходящий день, самому себе ответить на важные вопросы. Ведь если подходить формально, то он, Генрих Ашенбреннер, главная персона среди присутствующих здесь соотечественников. Как-никак, один из атташе посольства, полковник. Почему же это его не греет? Почему хочется ему быть незаметнее? Не потому ли, что приставили «консультанта»? Как все сложно и противоречиво! И как неотвратима власть тех сил, которые решили его сломить перед отъездом в этот далекий город. Как-то теперь сложится жизнь? Если начнется война...

Он встретился взглядом с «консультантом», уловил молнии в его глазах и, взяв в руки бокал, сам поднялся. Все притихли, как приличествует в ожидании тоста, а Ашенбреннер, помедлив самую малость, неожиданно воскликнул:

- Prosit!

- На здоровье! - эхом откликнулся переводчик.

Теперь Ашенбреннер избегал взгляда «консультанта». Как нередко бывает в застолье, Кожевников, не произнесший и десятка слов, вдруг оказался в центре внимания. Привлекло его имя.

- Русский Герман? Немецкий Герман! - выкрикивал один из гостей.
- Кто есть кто?

«Консультант» учтиво наклонился в сторону Германа Васильевича:

- Не из немцев?

- Должен огорчить: из русских, - ответил директор.

Заводские рассмеялись и даже два-три раза хлопнули в ладоши.

Наполнив свой бокал, «консультант» поднялся с места, каким-то офицерским жестом оправил на себе пиджак:

- Господа, в этот прощальный час хочется со всей искренностью сказать: мы не жалеем, что отправились в такой далекий путь. Скажу больше: мы довольны встречей с вами, нас порадовало все то, что вы откровенно нам показали. Предлагаю этот тост за здоровье нашего дорогого фюрера и верного друга России Адольфа Гитлера! Хайль!

Четверо из делегации, носившие значки со свастикой, в один голос рывкнули «хайль». В этот самый миг погасла люстра, и все погрузилось в темноту. Тост был сорван.

Когда через минуту снова засияли лампы, официанты внесли на огромном блюде жареного поросенка. Внимание было переключено. Снова послышался перезвон бокалов. «Как теперь сложится жизнь?» - ухватился за прерванную мысль Ашенбреннер. - В Берлин пойдет донесение, меня отзовут, а там... Правда, если начнется война, им будет не до того. Хотя бы началась война! А может, выкинуть сейчас что-нибудь такое, что бы изумило «консультанта»... Но что? Что?»

Он почувствовал внезапно, как что-то больно уперлось ему в бок, увидев палку «консультанта», поднял глаза на него самого и, следуя за его взглядом, заметил, что Кожевников выбирается из-за стола. Ашенбреннер тоже поднялся со своего места и попросил у директора завода папиросу.

- Я как раз за папиросами, - виновато ответил Кожевников, - к себе в кабинет, сейчас вернусь.

Он отворил дверь и вышел в коридор. Тут же за ним вышел Ашенбреннер.

Делать было нечего. Кожевников ключом открыл свой кабинет, у порога нашарил выключатель и пропустил вперед гостя. Не предлагая ему сесть, он достал из шкафа новую пачку папирос, что-то походя переставил на письменном столе и вдруг сообразил, что не видит новый телефонный справочник, городской, вышедший из печати только на днях.

От Ашенбреннера не ускользнуло замешательство Кожевникова, и он, как бы подчеркивая свое спокойствие, заложил руки за спину. И выдал себя. Левый карман пиджака сразу принял форму выпуклого прямоугольника.

- Прошу, - жестом пригласил Кожевников к дверям Ашенбреннера.

Часа полтора еще длилось застолье. Немцы пили и ели с такой старательностью, словно получали за это сдельную оплату. Заводские не

удивлялись, они знали, что в Германии введена карточная система; даже их гостям, занимавшим у себя дома определенное положение, видимо, пришлось познакомиться с жесткими ограничениями. Что ж, пусть едят, не жалко! Ведь не тот друг, кому кусок даешь, а тот, кого второй раз накормишь.

«Консультант» встал, и остальные немцы встали. Переводчик пригласил их следовать за ним, к подъезду заводууправления, куда уже подали автомобили, чтобы отправляться на вокзал.

На перроне не было ни приветственных речей, ни цветов. Поезд ушел по расписанию.

Проводив последнюю машину, Кожевников поднялся к себе в кабинет, включил верхний свет, сел к столу.

✓Осторожно постучав в дверь, вошла уборщица, протянула ему телефонный справочник - в банкетном зале нашла, на полу.

Кожевников взял справочник, машинально раскрыл его, затем закрыл, положил перед собою. «Выронил он его с пьяных глаз или нарочно бросил? Теперь это уже никогда не узнать».

Было около полуночи. Кожевников по телефону связался с Гусаровым. Несмотря на поздний час, первый секретарь обкома был на месте.

- Ну, как? - спросил он у директора завода.

- Нормально, - ответил Герман Васильевич.

- Завтра побеседуем, - по-деловому сказал Николай Иванович. - Пища для размышлений есть? Это хорошо, что есть. С «двухрядной звездой» просматривается сдвиг, так что предстоит очень много работы. Устал, говоришь? Не имеешь права, коммунист Кожевников, дорогой мой товарищ. Ну, тороплюсь, до завтра!

Герман Васильевич положил трубку, расслабился в кресле, прикрыл глаза. Напряжение дня ушло, и сразу услышал он могучие гулы испытательной станции. Живет завод, работает! Теперь уже не за горами тот день, когда во весь голос заговорят о «двухрядной звезде», пройдут ее государственные испытания, и наконец-то заводской коллектив «распечатает» серию. Большое будущее у этого двигателя! Ему жить, работать, воевать...

Архипов вышел из управления глубокой ночью. Он пересек трамвайную линию, остановился и вдруг решил, что пойдет домой не привычным кратчайшим путем, а вкруговую, по центральным улицам. Было прохладно. Напористый ветер из-за Камы забирался под шинель, заставлял ускорить шаг.

Улица Ленина в этот час была безлюдна. Город спал крепким утренним сном. Еще не скоро прогремывает первый трамвай, не скоро начнут развозить свежую выпечку по хлебным лавкам. Пусть себе спит город. И ему тоже хочется спать. Очень хочется спать...

Словно во сне появился перед ним вышедший из машины Гусаров.

- Знаю, знаю, - опередил он Архипова. - Сообщили ваши товарищи. Молодцы, чекисты!

- Я с работы, домой, отдохнуть, - устало сказал Архипов.

- А я уже отдохнул - и на работу, - бодро отозвался Гусаров. - Ну, тороплюсь. Желаю успехов!

И они расстались.

А в девять ноль-ноль в служебный кабинет начальника оперативного отдела один за другим вошли Корнилов, Прадедович, Беляев и другие чекисты, участвовавшие в событиях минувшего дня. Архипов, подперев рукою подбородок, молча смотрел на товарищей, которые шумно рассаживались по своим обычным местам. Когда воцарилась тишина, он энергично встал, словно стряхнув с себя усталость, и, без надобности постучав карандашом по настольному стеклу, сказал:

- Здравствуйте, дорогие товарищи чекисты.

За этим необычным для него обращением было скрыто волнение, которое не вязалось с присущей ему вспыльчивостью, и всех, кто сейчас находился в кабинете, охватило доброе чувство к этому человеку.

Годы совместной работы сблизили, и чекисты без труда понимали истинный смысл взглядов и интонаций друг друга. Обращение начальника отдела означало многое: и удовлетворение выполненной работой, и благодарность за умелые действия, и как бы уверенность в том, что и дальше они будут все вместе.

- Закуривайте, - против обыкновения предложил Георгий Глебович. Но никто не закурил. Он улыбнулся, положил на место карандаш и сел. И сразу в кабинет вернулась обычная обстановка деловой строгости.

- Подведем итоги, - сказал Архипов, и все приготовились слушать. - Прежде всего, отмечу, что операция проведена успешно. Фашистские разведчики так и не получили доступа к «двухрядной звезде». Это стало возможным исключительно благодаря четким и умелым действиям нашей оперативной группы, а также высокой бдительности и конкретной помощи работников моторостроительного завода. Еще и еще раз мы убеждаемся: сила чекистов в их прочной связи с народом...

Совещание было долгим. Разошлись в тринадцать ноль-ноль.

Через полтора месяца «двухрядная звезда» прошла государственные испытания.

Еще через месяц началась война.

В долгие военные годы не было, наверное, такой минуты, когда бы над огромным фронтом не грохотали боевые машины со знаменитым пермским мотором.

Хорошо, что еще тогда, в апреле сорок первого года, чекисты и моторостроители не допустили врага к «двухрядной звезде».

П Р И К А З А Н И Е

НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ НКГБ ПО МОЛотовСКОЙ ОБЛ.

г.Молотов.

№ 17

"17" мая 1941 г.

С 19 мая 1941 года установить для личного состава всех отделов Управления НКГБ по Молотовской области следующий распорядок рабочего дня:

С 10 час.утра до 17 часов и вечерние занятия с 20 час.до 1 час.включительно.

Для повышения идейно-политического уровня предоставить сотрудникам УНКГБ один раз в неделю свободный от работы вечер - суббота.

Рабочий день в субботу установить с 10 час.утра до 19 часов вечера непрерывно.

Обращаю внимание всего коллектива УНКГБ на необходимость максимального уплотнения рабочего дня,поднятия производственно-чекистской дисциплины,улучшения качества работы и использования предоставленных вечеров,для повышения идейно-политического уровня,по прямому назначению.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКГБ по М/О
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

И.А.Шенников
(ПОДАШИНИК).

П Р И К А З

НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ НКГБ ПО МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ЗА 1941 ГОД

г. Молотов

№ 23

"11" июня 1941 года

В связи с начавшимися военными действиями между Советским Союзом и Германией, в соответствии с приказом Народного Комиссара Государственной Безопасности Союза ССР тов. МЕРКУЛОВА, -

П Р И К А З Ы В А Ы:

1. Весь оперативно-чекистский состав УНКГБ Молотовской области считать мобилизованным.

2. Прекратить предоставление отпусков сотрудникам УНКГБ и отозвать на работу всех сотрудников, находящихся в настоящее время в отпуску.

~~3. Участвующий порядок рабочего времени во всех аппаратах УНКГБ Молотовской области отменяется.~~

4. Воспретить уход из Управления всему составу без разрешения Начальника соответствующего отдела или его заместителя.

После получения разрешения Начальника отдела на отлучку, каждый сотрудник обязан отмечать часы ухода у секретаря отдела с указанием: на сколько времени отлучается, адрес и № телефона, где будет находиться в этот период.

5. Начальнику АХЗО тов. КОСМАЧЕВУ обеспечить круглосуточную работу буфета.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКГБ ПО МОЛОТОВСКОЙ ОБЛ.
КАПИТАН ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ
ПОТАШНИК

А. Семериков

Ф. Недобезжкин

С. Черных

Г. СУЛЕЙМАНОВ

АГЕНТ СЛЕДУЕТ ПОЕЗДОМ

«Пермь, УНКГБ.

В семь сорок восемь московского времени 10 октября 1943 года в органы госбезопасности явился с повинной агент германских военных разведорганов «Васильев», который сообщил о десантировании вместе с ним трех парашютистов на территории Горьковской области. Третьего следом за «Васильевым» должны были выбросить в районе станции Семеново, имеет задание осесть между Пермью и Свердловском, получил фиктивные документы на имя Ворсина.

Приметы «Ворсина»: рост 167, 30-32 лет, шатен, волосы зачесывает назад, хорошо вырисовывается лысина, шрам на нижней губе, походка косолапая, ноги кривые, одет в форму капитана интендантской службы, имеет при себе фибровый чемодан черного цвета.

Немедленно, обеспечив оперативный контакт с УНКГБ Горьковской и Кировской областей, организовать розыск и задержание «Ворсина», не допустить его оседания и легализации в районах сосредоточения оборонных предприятий Урала. Центр».

Капитан Недобезжкин, вернувшись в свой кабинет, внимательно перечитал только что полученную ориентировку. В течение часа, как требовала резолюция начальника областного управления, следовало разработать и доложить подробный план оперативно-розыскных мероприятий.

Раскрыл атлас железных дорог, нашел станцию Семеново. «А, - вспомнил он, - луковое раздолье!» Осенью тридцать девятого Недобезжкин, получив перевод по службе из города Калинина в Пермь,

повез жену на новое местожительство. Зинаида неохотно покидала родные ей края, считала, что едет в Сибирь, которая, по ее разумению, начиналась где-то сразу за Горьким, в дремучих керженских лесах. В Семеново она хмуро глянула в окно вагона и ахнула от изумления. Вдоль поезда ходили местные, с ног до головы увешанные могучими луковыми связками.

В тверской стороне, на болотистых землях этот слезоточивый овощ не удавался. И Зинаида просто ошалела от лукового изобилия, баснословной дешевизны. Она вытащила Федора на перрон, нагрузила его (добро, ехал в штатском) тяжеленными фиолетовыми и светло-желтыми плетями. С той запомнившейся станции ожила его женушка, перестала Сибири бояться.

Набрасывая план мероприятий, Недобежкин предусмотрел создание подвижной оперативной группы, которая должна стать заслоном на ближних подступах к Перми, постоянный контакт с горьковскими и кировскими транспортниками-чекистами и многое другое. Но главную роль в поисковой операции он отводил Верещагинскому оперпункту, выдвинутому на западную границу области. В создании его Недобежкин в свое время проявил особую настойчивость. «У нас штаты военного времени, лучших людей передали военной контрразведке, - доказывали ему, - надо держать наличные силы в кулаке, не распыляться». «А разве плохо, - возражал он, - если этот кулак будет вытянут вперед?» В сентябре сорок первого управление направило в Верещагино двух опытных оперативников, они получили там жилье, переезжали семьи.

Поезд простучал колесами по входным стрелкам, ворвался на свободный путь, заскрежетал тормозными колодками.

Семериков пошел вдоль состава, прощупывая цепким взглядом платформы с зачехленными танками. Охрана бодрствует, буксы не дымят, груз закреплен. Внимание привлек шум, возникший в середине поезда, и он ускорил шаг. Навстречу боец с винтовкой за спиной вел упиравшегося мальчишку.

- Товарищ капитан, - обрадованно закричал боец, заметив Семерикова, - возьмите «зайца»! Замерзнет, на север едем!

Семериков быстро подошел, взял парнишку за руку.

- Давай сюда путешественника. А куда груз направляется - не кричи об этом на всю станцию.

Боец виновато вытянулся.

«Зайца» привел на оперпункт, усадил на диван, сел рядом.

- Кто таков, почему в воинском эшелоне? - строго спросил он, разглядывая парнишку в упор. Одежка на нем перелатанная, но ухоженная. Ясно - бежал из дому, воевать охота.

- Вовкой зовут, - нехотя выдавил парнишка, озираясь. - В Ленинград еду, отец у меня там, если живой.

- Не рановато ли собрался? Блокада полностью еще не снята. Где жительство имеешь?

- В Сивинском районе. Воспитательница наша, Марь Никодимовна, померла летом. И Варька-сестренка померла.

-А, - вспомнил Семериков, - ты из тех блокадных...

Минувшей зимой он вместе с районным начальством встречал этот печальный эшелон. Ждали ослабленных ленинградских детей, вывезенных через Ладожское озеро. Не думалось, что придется выносить из вагонов на руках чуть живые, легонькие тельца, толсто укутанные во всевозможную одежду. Мария Никодимовна, высокая и костлявая старуха в старомодных ботинках (позднее он узнал, что ей не было и тридцати лет), не давала относить в сторону окоченевшие трупики, хваталась цепко за них, молча роняла крупные слезы из запавших глазниц. Явственно вспомнил Семериков, как нес к саням мальчика в просторной шапке-ушанке, лицо пепельно-серое, глаза закрыты. На ходу прикоснулся ухом к бледным губам - дышал парнишечка. Не Вовка ли это был?

- Шапка твоя где? - спросил он и, перебарывая нахлынувшую жалость, резко встал с дивана, отвернувшись, зашарил на полке шкафа. Вытащил форменную фуражку, смахнул рукавом пыль с лакированного козырька.

- Бери, носи, не теряй. От тетки твоего осталась. Зимой на фронт уезжал. Хороший был человек.

Пронзительно зазвонил телефон. На проводе - его непосредственный начальник и старший товарищ - Федор Семенович Недобежкин.

- Семериков? Один в кабинете? Прими экстренное.

Семериков с присущей ему аккуратностью записывал содержание ориентировки о розыске «Ворсина». Подобные сообщения об объявленных в государственный розыск преступниках поступали часто. Их словесные портреты он и его боевой помощник Черных заучивали, имели в виду, «прочесывая» поезды и вокзалы. И только поставив точку, Семериков сообразил, что на этот раз ориентировка адресована прямо-таки сотрудникам оперпункта.

- Слу-у-шай, Федор Семенович, - враз заволновался он, - этот, упавший с неба, на Пермь нацелен, Верещагино ему не миновать. Вот спасибо тебе, Федор Семенович.

Недобежкин, слышно, ухмыльнулся.

- Спасибо абверу или там «Цеппелину» скажешь за небесный подарок. Срочно бери своего Черных, подключай милицию и военизированную охрану. Чтобы комар через сито не проскочил. Понял? Партийные органы проинформируй. Сообщай мне о ходе розыска. Все.

- Дела-а, - он выглянул из кабинета, крикнул в коридорчик:

- Черных!

Хлопнула дверь соседней комнаты, старший лейтенант Черных появился у входа.

- Видишь этого товарища, Сергей Александрович? Сведи к моим, пусть покормят и спать уложат. Возвращайся бегом. В ближайшие сутки дома не появимся.

Черных и Вовка ушли. Семериков сел за телефон, потребовал усиления бдительности от начальников станций и их подчиненных, обратил особое внимание на появление военного с приметами «Ворсина».

Возвратившегося вскоре Черных он ознакомил с ориентировкой. Тот удовлетворенно поцокал языком, пробежал глазами текст. С таким «патретом» интенданту не затеряться. Волосы может сбрить, шрам на губе щетинкой прикрыть, а ухватик кавалерийский куда денешь?

- Надо полагать, - сказал Семериков, - горьковчане усиленно прочесывают район предполагаемой выброски агента. Недобежкин намерен держать прямую связь с опергруппой, выехавшей на станцию Семеново. Какова наша задача? Прикинем варианты.

Нашли исходную точку на карте, сошлись головами над служебным расписанием поездов. Так. В нашу сторону четыре пассажирских. Проходят они через Семеново вечером и ночью. Приземлился «Ворсин», или как его там, около шести утра. Значит - что? Затаился в станционном поселке и ждет первого поезда. Ну-ка, что там вечером идет? Ага, свердловский. До нас ползет почти двое суток. Успеем подготовить встречу.

- Если бы так! - возразил Черных. - Болтаться в поселке он не станет. Когда «Васильев» явился с повинной? В семь сорок восемь. Прошло еще с полчаса самое малое, пока наши взяли станцию под наблюдение. А прыгнул он с самолета когда? Считай, почти три часа «Ворсин» был вне всяких подозрений. Неужто не воспользовался? На его месте я бы проскочил на товарняке до Котельнича и въехал в город Киров с поездом северного направления. А там бы еще пересадочку сделал, чтобы нам головы задурить.

- Я бы, я бы, - проворчал Семериков. - С товарняка его на ближайшей станции снимут. Офицер на тормозной площадке! И пересадки не в его интересах: каждый раз трясти фальшивыми документами, добывать с большим трудом билеты. Давай все же держать на прицеле свердловский, отбывающий из Семеново десятого вечером, точнее - через (он взглянул на часы) три часа шестнадцать минут. До его прихода чистить станем все поезда горьковского и северного направлений. Идет?

Выйдя из оперпункта, они посетовали на безлунный темный вечер, на отсутствие батареек к карманным фонарикам, о коих хозяйственники управления обещали побеспокоиться еще на той неделе. Черных по-

шел в депо инструктировать железнодорожников, Семериков направился к Бурдину, начальнику линейного отделения милиции. Предстояло плотным частоколом перекрыть путь агенту противника на Урал.

Около полуночи Семериков и Черных в сопровождении двух милицийских работников выехали в Балезино, что в Удмуртии, где проходила граница между Горьковской и Пермской железными дорогами, начиналась зона их оперативного обслуживания. Проверяли пассажиров, ориентировали на розыск «Ворсина» работников станций и перегонов.

В Балезинском райотделе НКГБ шифровка с приметами агента уже была получена, оперативные работники действовали не зная отдыха.

Из кабинета начальника райотдела майора Широбокова Семериков заказал срочный разговор с Недобежкиным. Пока ночные телефонистки соединяли с Пермью, договорился с майором о совместных действиях. Широбоков, поколебавшись, дал согласие на проверку собственными силами двух поездов, следующих за свердловским.

- Поможем, - сказал майор, - хотя и сильно измотаны мои ребята. Встречай в Верещагино, капитан.

Дали Пермь. Недобежкин сообщил, что час назад говорил с горьковчанами. С «Ворсиным» пока неясность. Проческа местности вокруг Семеново никаких следов не дала, кроме одной зацепочки. Жительница села Васильевка имела встречу с военным, спрашивавшим дорогу на Семеново. Жаль, приметы не зафиксировала в сумерках. Из Васильевки люди ходят в магазин на разъезд Захарово. Думай, Александр Андреевич, где он мог выскочить.

- Не ветра ли в поле ищем? - высказал сомнение Семериков.

- Люк в самолете заклинило, парашют отказал, струсил, наконец...

- Ты эти настроения выбрось, - возмутился Недобежкин. - С балезинскими территориальщиками сконтактировался? Добро. Полезет «Ворсин» через Верещагино, обязательно полезет.

В Верещагино возвратились под утро. Семериков, отпустив ребят по домам, прошел в комнату милиции при вокзале. В дежурке дремали, сидя на длинном топчане и чемоданах, десятка полтора военных. Разглядел погоню и малость струхнул. Растерзают... Завидев его, дежурный милиционер шустро вскочил и отпраповал:

- Товарищ капитан, по вашему приказанию...

Семериков прервал его взмахом руки, но было уже поздно. Офицеры услышали, заворочались. Один из них, молодой, с узкими черными усиками, подскочил к Семерикову.

- Ты, капитан, заплатишься за свои фокусы! Бесцеремонно снимать с поезда... Я следовал за генералом по личному распоряжению товарища Сталина. Это произвол! - срывающимся на визг начальственным голосом кричал шеголеватый капитан.

Семериков, успевший оглядеть всех собравшихся, поднял руку, требуя внимания.

- Товарищи, это не произвол и не фокус, а вызвано оперативной необходимостью. Разыскивается опасный государственный преступник, скрывающийся под формой советского офицера. Сами понимаете, на лбу у него не написано. На вас подозрений нет, приношу извинения.

Военные запереглядывались, раздался голоса, как же теперь быть, чем оправдаться перед командирами.

- Все будет сделано в лучшем виде, - заверил Семериков.

Пока он, мысленно поругивая чересчур усердных помощников, возился с капитанами, оформлял справки о причинах задержки, настал полдень. Заглянув домой на обед, он узнал, что Вовка не стал дожидаться решения своей судьбы, еще утром удрал, видимо, на товарняке. С домашнего телефона Семериков позвонил в линейное отделение милиции, распорядился о задержании парнишки в чекистской фуражке.

Свинцовая тяжесть минувших бессонных суток давала себя знать. За столом в кабинете он подремал минут по десять урывками. Связывался по телефону со станциями, а также со своими коллегами, работавшими западнее Балезино. «Ворсин» пока нигде не «проклянулся», хотя все билетные кассиры, десятки других работников транспорта предполагали его приметами.

В прихожей послышалось гулкое топанье сапог, и в кабинет вошел знакомый машинист. В ватнике, подпоясанном узким ремешком, из-под низко надвинутого козырька форменной фуражки - орлиный нос.

- Фотей Иванович! - Семериков обрадованно вышел из-за стола, поздоровался за руку. - Проходи, садись...

- Некогда, - буркнул машинист. - «Феликс» на заправке. Слушай, такое дело.

Фотей сегодня утром привел воинский эшелон в Балезино, отцепился, обратного груза не нашлось. Ждал выходного сигнала, чтобы возвращаться резервом. Тут подходит к паровозу военный. В чем дело? От поезда, говорит, отстал. Чемодан с вещами и документами уехал, надо догонять. Возьми, браток, на паровоз. И деньги сует - пачку тридцаток.

- Тут я, знаешь мой характер, - продолжал Фотей, - послал его куда следует.

- Эх, Фотей Иванович...

- Понял уж, что промашку дал. Надо было взять на паровоз да сюда к тебе доставить. За кипятком, говорит, выскочил, а в руках ни котелка, ни чайника. Подозрительная личность.

Фотей ушел, озадачив Семерикова. Станный военный. Не «Ворсин» ли избрал такой метод передвижения? Нет, не укладывается по времени, рано ему быть в Балезино. Если только он, не дожидаясь в Семеново или Захарово пассажирского поезда, заскочил на тормозную

площадку грузового. Такой вариант, между прочим, и предусматривал Черных. А он, Семериков, привязался к свердловскому поезду и упорствует, будто шпион телеграммой его оповестил.

Семериков встал и зашагал по кабинету. Ах, как он самоуверен! Выстроил версию прямолинейно, без запасных вариантов. Грузовые поезда, конечно же, идут без особых задержек, часто обгоняя пассажирские. «Ворсин», стремясь как можно быстрее оторваться от места приземления, мог зацепиться за любой проходящий поезд. А не забрался ли он в санитарный? Мы же совсем забыли такую возможность.

Приоткрыв дверь кабинета, он кликнул своего боевого помощника и прошел к столу. Позвонил дежурному по станции. Санитарные поезда? Нет, за минувшие сутки не пропускали ни одного. Есть ли на подходе? Предупреждения не было - значит, в текущие сутки не ожидается.

Зашел Черных. Семериков рассказал ему о подозрительном военном, который пытался сесть на паровоз Фотей Ивановича. Как думает Сергей Александрович, похоже это на «Ворсина»? Сомнительно. А с другой стороны, не уловка ли врага? Изобразив отставшего от поезда, он, не рискуя липовыми документами, может покрыть приличное расстояние. Сигнал надо проверить.

- Вот и я так думаю, - заключил Семериков. - Фотей Иванович на экипировке стоит. Сбегай, уточни приметы. Кочегар-беляночка у Фотей глазастая. Я, пока ходишь, начну проверку по линии.

Позвонил в Балезино. Дежурный линейного поста милиции сказал, что нет, отставшие от поезда военные к нему не обращались. Около десяти часов утра? Он заступил с двенадцати, рядовой Пантюхин до него дежурил. Найти Пантюхина и выяснить? Есть!

Что скажет Пантюхин? Зафиксирован отставший или нет? Его мысли прервал требовательный звонок. Капитан Недобежкин из Перми:

- Как настроение, Александр Андреевич? Крепись, дорогой. Закончим войну - отоспимся. Что у тебя новенького?

Семериков докладывал, поглядывая на часы. Где сейчас «небесный» капитан? Проследовал Котельнич, на подходе к Кирову, по его расчетам. Но есть большие сомнения. Упустил Семериков из виду грузовые и санитарные поезда...

- Не старайся объять необъятное, - посоветовал Недобежкин.

- Бестоварные, санитарные и прочие средства передвижения мы чистим на подходе к Перми. Не отвлекайся, работай по своей версии, она руководством управления одобрена, - подбодрил Федор Семенович.

Семериков облегченно вздохнул. Положил трубку на рычаг - звонок из Балезино. Милиционер Пантюхин доложил, что к нему в указанное время действительно обращался пассажир поезда Москва - Новосибирск старший лейтенант Синюхин. Была дана телеграмма в Верецагино о снятии вещей с поезда. Приметы? Обыкновенные, товарищ

капитан. Ноги? В сапогах. Нет, не кавалерист, на погонах пушечки.

Ага, вещи должны быть здесь. Семериков собрался было позвонить верещагинскому дежурному, но тут вернулся Черных, с порога дал знак отбоя, сел к приставленному столику.

- Беляночка у Фотеля востра-а! Обрисовала того военного - будь спок. Ноги, спрашиваю, не ухватию у него? «Что вы, - отвечает, - ноги стройные, походочка четкая, военная. Да поглядите сами: вон по перрону вышагивает. Можете лично его ноги проверить».

- Н-ну? - удивился Семериков. - Здесь, собственной персоной старший лейтенант Синюхин?

- А! - скис Черных. - Ты все наперед знаешь.

- Не огорчайся, - успокоил Семериков. - Радоваться надо зоркости людей наших.

Он посмотрел на часы, стал надевать шинель.

- В райком спешу, к первому. Ты малость отдохни и сходи в депо. Проинструктируй по-новой все поездные бригады, какие там окажутся. Приметы сообщи. Приведи пример бдительности Фотеля Ивановича. Вернусь - поедем навстречу свердловскому.

В Балезино (вторая поездка за сутки) прибыли в пятом часу утра. Внимательно осмотрели спавших на скамейках и на полу вдоль стен пассажиров. Черных занялся выяснением, не попадал ли кто в поле зрения милиции. Семериков связался с райотделом НКГБ. Майор Широкобов подтвердил готовность проверить поезда, следующие за свердловским.

Дежурная в фуражке с красным верхом вышла на перрон и звякнула в старинный колокол. Пора на выход. Семериков повторил дислокацию. Начинают вчетвером с головы поезда. «Зри в ноги, - напомнил Черных сопровождающим их милиционерам, - ноги у него ухватом». Да, согласился Семериков, примета верная.

На первый вагон потратили около часу. Пассажиры спали, как сурки. Пока-то расшевелится, зевая и поругиваясь. С такими темпами до самой Перми проверка затянется. Стали поднимать людей решительней - в следующем вагоне за полчаса управились. Заскочили в спальный прямого сообщения. Черных заколебался. Надо ли генералов будить, время напрасно терять? Семериков настоял на своем. Чистить надо все, чтобы потом сомнений не было и лишней работы. В первом же купе оказался генерал.

- Иди к черту, - сказал он, не поднимая головы, когда Семериков встал в дверях и предложил приготовить документы для проверки. Заметив, что настырный капитан стоит и не собирается идти туда, куда его посылают, он приподнялся на локте: - Я - директор Энского завода, это - мои военпреды. Не свети в глаза, убери свой вонючий фонарь.

Семериков доверительно прошептал:

- Извините, товарищ директор. Ищем весьма опасного преступника. Как раз на ваш завод нацелен.

Директор недоверчиво хмыкнул:

- Заливай подшипники! Ко мне, на мой завод? У меня такие ребята - мышь не проскользнет. Э, постой, капитан, чего с керосинкой ходите, не дают, что ли, электрические? Батареек нет? - он полез, побряхтывая, в чемодан, вытащил горсть плоских батареек. - Держи гостинец из Москвы. Иди, лови кого надо.

Оставалось пройти шесть вагонов, когда под колесами застучали входные стрелки. Семериков глянул в окно - да, Верецагино уже. Скользнул взглядом по перрону. Эге, нашлась пропажа. Стрелок воензированной охраны, заплетаясь в полах тулупа, вел за руку Вовку. Семериков подозвал Черных.

- Продолжайте втроем с Семушиным и Мамаевым. Я сойду. Вовка нашелся. Да и бalezинских товарищей надо встретить. Ни пуха...

С каждым проверенным вагоном убывала надежда. Версия Семерикова не оправдывалась, шарили в пустом поезде. Пересадку «Ворсин» наверняка сделал, похоже, Семериков это понял, только не признается. Вовка появился, видите ли, беспризорник ему важнее живого шпиона. Расщедрился - отдал следующие поезда соседям. А он, Черных, тянет верную пустышку. Ладно, задание он выполнит, дойдет до хвостового кондуктора.

На станции Чайковская стояли утомительно долго - пропускали на запад эшелоны с танками, пушками и самоходными установками. «Вперед, на Берлин!» - размашисто выведено мелом на стенке теплушки. Сердце Черных заныло ревностью. Дойдут ребята до Берлина, чужие страны и народы повидают. И он мог быть с ними, если бы не упрямство тех, кому попадали его рапорты.

Пока стояли на станции, обошли два вагона. Остался последний, хвостовой. В тамбуре наткнулись на раскрасневшуюся проводницу - подкидывала уголек в топку.

- В Семеново садился кто? - поинтересовался Черных. - Или в Захарово? Кто вошел в Котельниче? Быстро...

Проводница повернулась всем корпусом к нему, покачнувшись, оперлась на стенку.

- Выходят и заходят. Станций много, я одна. Пассажиры у меня хорошие, «зайцев» нету.

Черных услышал запах водки, прошел в вагон. Раз выпила - значит, «заяц» поднес, не иначе.

Проверяли тщательно, поднимали каждого пассажира. Что за народ едет! Время к обеду, а все спят, еду экономят. В предпоследнем купе взглядом зацепился за мужчину на нижней полке справа. Тот, слышав топанье сапог, отвернулся к стене и начал натурально всхрапы-

вать. «Заяц», - догадался Черных и кивнул старшине Семушину на пассажира. Старшина прошел в купе, потрогал за плечо мужчину в бязевой нижней рубашке.

- Ваш билет, гражданин!

Тот - ноль внимания. Посвистывает в обе ноздри, поджав к животу ноги в диагоналевых офицерских галифе. Старшина переглянулся с Черных, протянул руку, снял с крючка китель, висевший в изголовье. Мелькнули узкие интендантские погоны с четырьмя звездочками

- Встаньте, гражданин, довольно дрыхнуть! - рявкнул старшина.

Капитан послушно вскочил, сел на полке. Глаза чистые - не спал, притворялся. Черных ошупал его взглядом снизу вверх. Бог ты мой! Ухватик законный. Шрам на нижней губе. Волосы жидкие, лысинка на темечке... Какая встреча! С верхней полки свесил лохматую голову пассажир в галифе:

- Повежливей, старшина. Как с офицером обращаешься!

Старшина не повернул головы.

- Прошу не вмешиваться. Это, к вашему сведению, безбилетный пассажир, звания тут ни при чем.

Интендант виноватым голосом начал оправдываться:

- Билета действительно у меня нет. В кассе не было. Поймите, не к теще на блины едем в горячее военное время.

- Предъявите ваши документы, - отчеканил Черных, сдерживая рвущуюся из груди радость. Ай да Семериков! Точно рассчитал маршрут «небесного» капитана. - Где сажались? В Захарово, значит... Куда следуете?

Старшина прижал к груди китель, провел по нему рукой сверху вниз и отдал капитану. Тот полез в нагрудный карман, протянул офицерскую книжку. Старшина передал ее Черных.

- Тэ-э-эк-с... Значит, Ворсин Сергей Викторович, - вслух прочел Черных для старшины, чтобы не было ни капли сомнений. - Место службы... Помощник командира девятьсот двадцать седьмого запасного артполка по интендантской службе. Одевайтесь, капитан, в вагоне свежо.

Капитан поднялся с полки, стал натягивать китель. Старшина нагнулся и погладил карманы галифе. Ничуть не смутившись от нахальства милицейского старшины, капитан сел и потянулся под полку за сапогами. Стоп! Старшина отвел его руку, выгреб ногой сапоги, вынул портянки и потрянул голенищами вниз.

- Где табельное оружие? - спросил Черных. Краем глаза он отметил, что рядовой Мамаев надежно подстраховывает их, держит руку на расстегнутой кобуре.

- Зря копаешься, служивые, - миролюбиво ворчал капитан. - Пора знать, что в тыловую командировку оружие не положено. Тем более - полк-то запасной.

Он неторопливо обулся, умело завернул портянки, притопнул каблук-ками.

- Понимаю, товарищи, служба у вас. Не сержусь за обыск. Может, присядем за столик? За наших, за геройское форсирование Днепра?

Старшина решил подыграть:

- Об чем разговор, товарищ капитан! За такое грех не выпить. Только сначала штраф за безбилетный проезд давайте оформим.

Черных остановил проходившую мимо проводницу:

- Начальника поезда сюда. Мигом! - И, обращаясь к «Ворсину», добавил: - Нехорошо, товарищ капитан. Проводницу подпоили. Ее с работы снимут, а дома семеро по лавкам, муж на войне погиб. Я понимаю, отблагодарить человека надо. Без билета посадила. Но не водкой же, согласитесь.

Старшина взял чемодан капитана, перекинул на руку его шинель. Черных освободил выход.

- Пройдете в служебное купе, - сказал он радушно. - Небольшая формальность, к сожалению, необходима. Постараемся устроить вас в более приличный вагон.

В Шабуничах старшина Семушин выскочил на перрон и сунул в руки дежурной записку от Черных.

- Срочно, милая, отправь телеграфом.

Старший лейтенант Черных сообщал в Пермь Недобежину, копия - Верещагино, Семерикову: «Встречайте Перми везем капитана поезд 86 вагон 14».

Семериков в это время ожидал прибытия следующего пассажирского поезда, чтобы встретить бalezинских чекистов и, если потребуется, вместе с ними закончить проверку вагонов. Запасная версия о возможной пересадке агента в Котельниче или Кирове держала Семерикова здесь, на прокопченном перроне. Хотя исход операции, он был уверен, уже решался на подходе к Перми, куда с каждым оборотом колес приближался свердловский поезд.

Основательно готовился капитан Недобежкин к первой встрече с германским шпионом. Приказал своим подчиненным по ниточке разобрать его одежду - нет ли в подкладке ампулы с ядом, адресочка или пароля для связи с возможным резидентом.

Проведенный в служебном купе поезда личный обыск «Ворсина» дал следствию неопровержимые улики. В черном чемодане оказались 10-ваттная радиостанция, шифры и расписание связи, без малого сто тысяч рублей денег и пистолет с полной обоймой. Почему оружие в карман не положил, держал на дне чемодана, запертого на ключ? Не собирался пускать его в ход, надеясь на крепость легенды? Документы ему, кстати, выправили не тяп-ляп. Недобежкин лично проверил. Запасной артиллерий-

ский полк дислоцировался под Пермью, в Бершетских лагерях, и там действительно ожидали капитана Ворсина, который был откомандирован из фронтового резерва. Тут противник поработал основательно. Ликвидировал подлинного Ворсина или выкрал документы? Запрос об этом в соответствующий отдел контрразведки СМЕРШ отправлен час назад.

Разработан и утвержден начальством подробный план допроса. Разложены на приставном столике вещественные доказательства, изъятые при обыске. Он приказал ввести арестованного парашютиста.

«Ворсин» был в натальной рубашке, галифе и сапогах. Китель его, видимо, еще на досмотре. Строгим жестом Недобежкин указал ему на стул посреди кабинета.

- Итак, гражданин Ворсин, вы взяты с поличным. Рация и шифры доказывают принадлежность к агентуре вражеской разведки, то есть налицо преступление, предусмотренное Уголовным кодексом РСФСР. Шпионаж в пользу иностранного государства, с которым мы находимся в состоянии войны. За это, как вам должно быть известно, высшая мера наказания.

Следователь внимательно посмотрел в глаза арестованного, надеясь увидеть в них испуг, страх, ненависть. Нет на земле человека, который спокойно и буднично шел бы на расстрел. Все живое хочет жить. Но глаза «Ворсина» привели Недобежкина в некоторое замешательство.

- Товарищ капитан, - радостно заговорил арестованный. - Я не боюсь, я рад умереть на родной земле. Насчет «вышки» меня предупреждали в разведшколе, пугали пытками. Но разве можно чем-то запугать того, кто прошел их концлагеря, видел газовые камеры? Этот чемодан я сам собирался притащить сюда, если бы не задержали в поезде...

Недобежкин недовольно прервал подследственного. Продуманный в деталях план допроса (и одобренный начальством) начинал давать «просадку», как дом, из-под которого вынули фундамент. Добровольно и честно признается «Ворсин» или играет спектакль, сочиненный в германской разведшколе?

- Я вам не товарищ, гражданин арестованный. А насчет повинной - дешевый прием. Кто хотел раскаться в содеянном, тот немедленно явился в органы государственной безопасности после выброса из самолета. Отвечайте на вопросы. Кто вы такой и каким образом завладели документами капитана Ворсина?

Арестованный скис. Неровным, бесцветным голосом, подробно и без путаницы рассказал о себе. О подлинном Ворсине ничего сказать не может, не знаком, документы на его имя получил перед вылетом из Орши вместе с легендой. Сам он - Никонов Сергей Александрович, родился и вырос в Мотовилихе. Здесь у него мама, брат работает на авиамоторном заводе. Хотел с ними повидаться, проститься и - сюда с по-

винной. С сорокового года, как пошел в армию, не был в Перми.

«Расфилософствовался! - думал Недобежкин, аккуратно заполняя протокол допроса. - Надеялся спасти свою шкуру, выслужиться перед фашистами, положение занять. Как же, не пень деревенский, три курса института прошел до армии. Да, Никонов, изменником Родины ты стал потому, что не был настоящим солдатом, верным воинской присяге, за свою жизнь дрожал».

Никонов между тем продолжал повествование, старался подчеркнуть, что, как ни соблазняли, он не пошел служить в армию генерала Власова, погубившего 2-ю ударную армию и его, Никонова, в том числе. А согласие на сотрудничество с вражеской разведкой он дал единственно для того, чтобы вырваться из лагеря смерти и найти возможность отомстить за товарищей, погубленных в болотах под Любанью и за колючей проволокой концлагерей.

Федор Семенович слушал и не представлял себе: как можно сдаваться в плен, когда ты поставлен защищать свою Родину, когда за твоей спиной - матери, жены, дети! Патроны кончились - бей прикладом. Выбили из рук винтовку - зубами рви ненавистного врага.

В Туркестанской долине, где рядовым красноармейцем служил Федор Недобежкин в начале тридцатых годов, тоже бывали в схватках с озверевшими басмачами-головорезами критические моменты. И жажда мучила в знойных песках, и в окружение отдельными отрядами попадали. Но ведь не было случая, чтобы кто-то трусливо поднял руки. Потому что бились за правду и справедливость на земле.

Вот его, Недобежкина, возьми. Что бы было с ним, круглым сиротой, при старой власти? Чекисты определили беспризорника в детский дом. Сыт, обут, обогрет. Потом учеба в техникуме, комсомольская работа. Когда ему предложили служить в органах, он согласился без колебаний. Чекистам, которые вывели беспризорника в люди, он будет признателен всю жизнь. И в смертный бой готов идти, если понадобится. А этот ищет оправданий своей трусости, идейной бесхребетности. Противно слушать.

Недобежкин вызвал по внутреннему телефону своего помощника Виктора Широкова. Молча подал ему записку, подчеркнув слово «немедленно». Виктор, которого Недобежкин настойчиво приучал к ночным бдениям, был свеж и подтянут, несмотря на второй час ночи. А ведь тоже почти двое суток не спал, участвовал в создании оперативного заслона на подступах к Перми.

- Слушай, Никонов, - вернулся он к допросу, перейдя на «ты». - Сказки тут про белого бычка не рассказывай. Следствие ждет правдивых показаний. И версия с оттягиванием явки с повинной рассчитана на простачков. Ну, где тут логика? Сначала он повидает мамочку, потом, поплакавшись, пойдет сдаваться в органы и прине-

сет мамочке новое зло. Родственникам германского шпиона ведь не поздоровится. И брата кто будет держать на заводе? Ты это предвидел и зла им не желал, надеюсь. Поэтому и намеревался, откушав домашних шанежек, отправиться в арtpолк и заниматься шпионской деятельностью. Разве не так?

«Не так, не так», - качал головой Никонов и молчал. Разговор для него потерял всякий смысл. Ему не верили.

Недобежкин терпеливо ждал, отложив авторучку. Сейчас подследственный расхлупится, начнет рвать на груди рубаху. Но Никонов молчал, безвольно опустив руки, склонив голову на грудь. Недобежкин встал и походил возле стола, открыл и закрыл сейф, шумно звякая ключами. Арестованный не поднимал головы. Не переиграть бы взятием на испуг. Если он действительно прошел через ад фашистских концлагерей, напугать его трудно. Надо менять тактику.

- Ладно, Никонов, - сказал он, - допустим, было все так, как ты показываешь следствию. Проверка определит, где истина и вымысел. Но есть одно обстоятельство, которое позволит судить о твоей искренности тут же. Какой тайный знак ты должен был дать хозяевам, если бы вышел в эфир по принуждению?

Никонов встрепенулся, ожил.

- Есть такой знак, това... гражданин следователь. Шифровки я должен был подписывать псевдонимом «Мар». В случае же работы по принуждению советских органов контрразведки - поставить подпись «Мария».

Недобежкин подробно записывал. Арестованный, не ожидая наводящих вопросов, рассказал о полученном задании. Его хозяев интересовало все, что касалось авиастроения: новые марки моторов, их мощность, количество серийной продукции, применяемые сплавы. Недобежкин знал, что гитлеровская разведка с довоенного времени проявляла усиленный интерес к пермским авиадвигателям. Заброска агента-радииста говорила о том, что врагу так и не удалось заручиться надежным источником информации.

- Задание-то, скажем прямо, не по Сеньке шапка, - сказал Недобежкин, выслушав. - Ну как бы ты, артиллерист, стал собирать сведения об авиации? В институте на кого учился? Учитель русского языка и литературы. В технике ни бельмеса. Брата-инженера, небось, стал бы вербовать?

Никонов возмутился:

- Ничего я не собирался для врага вынюхивать. Мне бы только вырваться к своим да пушку в руки. Покрошил бы гадов!

В кабинет стремительно вошел Широков, положил бумагу на стол, с юношеским любопытством оглядел живого шпиона и нехотя вышел. Следователь пробежал глазами бумагу. Гм, вот тебе раз. Мать Нико-

нова, в прошлом учительница, с первого месяца войны работала на заводе в литейке, и, по всему, не ради хлебной карточки. Ежемесячное выполнение норм - почти триста процентов, на заем подписывается одна из первых. Сдала обручальное кольцо в фонд Победы. Отец - член партии, погиб при ликвидации аварии в мартеновском цехе. Брат работает, ого, в конструкторском бюро А. Д. Швецова...

А это что на обороте листа? Ну, Виктор, ну, Широков, гвоздь-парень! В глухую ночь такие сведения добыл. На обороте листа была копия извещения райвоенкомата о том, что Никонов Сергей Александрович, героически сражаясь за социалистическую Родину, пропал без вести в феврале 1942 года. И номер полевой почты Виктор успел расшифровать - принадлежал Северо-Западному фронту. Там и случилось это со 2-й ударной армией.

В конце ночи Недобежкин прервал допрос, устало склонился над аккуратно заполненными листами протокола, подводя итог сделанному. Хотелось верить, что Никонов не враг, что нанести ущерб Советскому государству не намеревался. Но ведь и добро делать не спешил. Зная, что агенты, сброшенные с того же самолета, нацелены вражеской рукой, не встревожился, не попытался сообщить о них. Почему? Где гарантия того, что «Мар» не вышел бы в эфир, не будь захвачен в пути следования? Вопросы, вопросы... Только тщательная проверка и перепроверка даст исчерпывающие ответы. Хорошо то, что удалось вызвать Никонова на откровенность и он вроде готов выложить все, что знает.

А знал Никонов немало полезного для органов госбезопасности. На последующих допросах он в мельчайших деталях (вот память оказалась цепкая) обрисовал всех, кто учился при нем в гитлеровской разведывательной школе, кто был заброшен в советский тыл до него и кого готовили после.

... Между тем, ничего не знали о дальнейшей судьбе «Ворсина» по условиям конспирации ни Семериков, ни Черных. Они продолжали нести вахту на Верецагинском оперпункте, обеспечивали секретность прохождения воинских эшелонов, чистили поезда в поисках других, еще не разоруженных агентов германской разведки.

Недвижно лежал в сейфе начальника оперпункта завернутый в газету новенький пистолет «ТТ». На его рукоятке - пластинка с выгравированной надписью: «Семерикову Александру Андреевичу от Наркомата госбезопасности СССР». Это именное оружие, полученное за организацию розыска «Ворсина», через много лет станет экспонатом в музее чекистской славы ФСБ по Пермской области.

Через сорок лет после описываемых событий я встретился в Перми с Александром Андреевичем Семериковым и Сергеем Александровичем Черных. Ветераны были уже на пенсии, жаловались на болезни, но па-

мать их, натренированная профессией, сохранила в деталях многие события давних военных лет. Они охотно вернулись в октябрь 1943 года, восстановили такие подробности поимки «Ворсина», которых, естественно, не было в архивно-следственном деле.

Поговорили о детях и внуках, вспомнили неутомимого начальника Недобежкина Федора Семеновича, посетовали, что следы его затерялись. После войны Недобежкин был направлен на Южный Сахалин, потом переброшен в Харьков, там, видимо, и вышел на пенсию. Вовка-беспризорник был стараниями Семерикова устроен в детский дом, над которым шефствовали пермские чекисты. Вырос из него хороший специалист, доктор технических наук, живет в Ленинграде. Молоденький лейтенант Виктор Широков вырос до начальника управления, генерал-майор.

А «Ворсин» принес немало пользы в борьбе чекистов с германским разведорганом «Цеппелин». Почти до конца войны он участвовал в мероприятиях по дезинформации противника, регулярно выходил в эфир и передавал «ценные» разведывательные сведения с Урала. Это была одна из самых успешных радиоигр НКГБ за годы войны.

ПРИКАЗАНО СЛУЖИТЬ РОДИНЕ

В предыдущем очерке автор пишет об умелых действиях сотрудника Виктора Широкова. Под этим именем показан молодой чекист Николай Щербинин. Он в 1943 году принимал непосредственное участие в операции по задержанию заброшенного на территорию Горьковской области и направляющегося в Пермь для выполнения задания немецкого шпиона Никонова.

Щербинин не думал работать в органах госбезопасности. Его планы были связаны с железнодорожным транспортом. В 30-е годы он учился в школе ФЗУ, закончил техникум железнодорожного транспорта, в 1937 году начал работать сначала на

Красноярском ПВРЗ (паровозовагоноремонтном заводе), затем инженером производственного отдела Треста ПВРЗ Востока.

В 1940 году переведен начальником цеха на Пермский паровозоремонтный завод.

Война изменила его судьбу. Так Николай Иванович Щербинин рассказывает о своей чекистской деятельности:

- Был 1942 год, я работал начальником цеха на заводе имени Шпагина, занимался строительством бронепоездов. По окончании последнего вся его команда была сформирована из заводских добровольцев.

Но мне так и не суждено было стать его комиссаром. В Ленинском райкоме партии неожиданно предложили пойти на работу в органы НКВД на железной дороге. Я начал отказываться, но тогда время было другое - откажешься, сказали мне, положишь партбилет на стол. Попросил день на раздумье и стал думать, почему именно на меня вышли. А дело, видимо, было так...

При строительстве бронепоезда я под свою ответственность изменил конструкцию командирской башни. Она - по проекту главного бронетанкового управления - была четырехгранной. Собрать такую неудобно. Я предложил сделать ее шестигранной. Расчеты показали, что в таком варианте сокращается сила поражения. Но, видимо, кто-то донес в НКВД, что идет нарушение конструкции. Меня вызвал, как сейчас помню, сотрудник Брюхов и начал расспрашивать: кто мне разрешил подобное самоуправство. На мое счастье из Москвы приехал военный представитель, который смог оценить новшество. Потом, кстати, я узнал, что в Чусовом, где тоже строили бронепоезда, также сделали шестигранную башню.

И вот ночь я думал, а на следующий день мне позвонили прямо в цех и сказали, чтобы шел в органы. Я как был в железнодорожной форме, так и пришел. Было это 30 октября 1942 года.

Мне открыли большой шкаф и сказали: «Вот дела, берите и знакомьтесь».

Война. Выбирать не приходилось. Коли надо служить Родине, значит надо. И Николай Щербинин начал службу со всей ответственностью. В подтверждение - имеющиеся в его личном деле документы.

Из аттестационного листа на присвоение специального звания - сержанта госбезопасности оперуполномоченному Транспортного отдела НКВД Щербинину Николаю Ивановичу от 4 февраля 1943 года:

«... Политически развит, идеологически устойчив, дисциплинирован, задания выполняет аккуратно. С большим желанием осваивает методы чекистской работы, быстро ориентируется в обстановке и проявляет инициативу в оперативной работе. В общественной жизни принимает участие, в быту скромен. Взаимоотношения с окружающими нормальные».

Ему, как профессионалу-железнодорожнику, сразу же были переданы дела и многие проверочные материалы по вопросам безопасности, а также по техническому состоянию дорог и подвижного состава.

В ведении пермяков был участок железной дороги от станции Шаля до Балезино. В задачу чекистов входило обеспечение безопасности движения, секретности военных перевозок.

В транспортном отделе НКВД числилось всего 50 человек. Николай Щербинин возглавлял группу из десяти сотрудников, которые должны были обеспечивать продвижение воинских эшелонов с Урала, Сибири и Дальнего Востока на фронт. Каждый эшелон, помимо военного коменданта, сопровождал сотрудник НКВД.

Задача ставилась жестко: воинский состав должен за сутки пройти не менее 700 километров - и точка. Оперативному работнику давались особые полномочия, определенные Государственным Комитетом Обороны. Они требовали безусловного обеспечения движения воинских эшелонов за счет, в случае необходимости, задержки других поездов. Каждые четыре часа Щербинин, как старший группы, докладывал по правительственной связи в НКВД СССР о положении дел.

В феврале 1943 года случилось крупное ЧП. На перегоне Пермь - Верещагино потерпел крушение воинский эшелон с танками. 17 платформ сошли с рельсов и ушли под откос. Николай Иванович немедленно доложил о случившемся в Москву и принялся с железнодорожниками предпринимать меры по восстановлению движения.

Через час позвонили из приемной наркома внутренних дел:

- С вами будет говорить товарищ Берия.

У телефона пришлось ждать минут двадцать, пока не раздался голос всесильного наркома:

- Что случилось?

Прослушав рапорт, Берия поинтересовался:

- Сколько потребуется времени на устранение?

- Часов 18-20.

Берия тоже долго не размышлял:

- Чтобы через 8-10 часов эшелон был отправлен. И имейте в виду: для фронта ваша жизнь ничего не стоит.

Понятно, что после такого «ободрения» работа по ликвидации последствий катастрофы шла без заминок. Быстрому ее ходу, помимо двух восстановительных поездов, способствовало наличие на месте крушения резерва новых железнодорожных шпал. Когда платформы кранами были поставлены на рельсы, из шпал сделали клетки, и танки, заправленные горючим и сопровождаемые экипажами, своим ходом заехали на них. (Все машины, кроме одной, остались неповрежденными.)

В общем, через 12 часов эшелон был отправлен. Об этом сообщили в приемную Берии. Секретарь коротко сказал: «Я доложу». И все.

Ордена Щербинин не получил, но и голова с плеч не полетела.

Причину крушения установили. Диверсии, как можно было предположить, в данном случае не было. Имел место излом рельса - аж на двенадцать частей. Платформы оказались слишком тяжелые - по 60 тонн каждая.

Много других эпизодов того напряженного периода войны осталось в памяти Николая Ивановича. Среди них участие в операции по розыску заброшенной в наш глубокий тыл группы диверсантов, в за-

дачу которой входило совершение диверсий в Пермской области.

Он был среди тех, кто организовывал розыск диверсантов, действовал в группе захвата, в прочесывании местности в предполагаемом районе выброски.

После окончания войны Николай Иванович, уже опытный оперативный работник, был переведен в транспортный отдел НКГБ в городе Омске.

С 1947 года он на руководящей работе в Омском, Амурском, Вологодском управлениях НКГБ, КГБ. В 1958 году окончил Высшую школу КГБ.

В 1963 году его перевели в Пермь, где он работал до выхода на пенсию в 1985 году, в том числе с 1971-го по 1985-й начальником Пермского управления.

Из аттестации от 19 сентября 1985 года:

«Генерал-майор Щербинин Николай Иванович за весь период рекомендовал себя зрелым, обладающим необходимыми организаторскими способностями руководителем. Имея большой опыт руководящей и оперативной работы, умело направляет служебную деятельность на решение задач по обеспечению государственной безопасности области».

Боевой и трудовой путь Николая Ивановича отмечен орденами Боевого Красного Знамени, двумя - Трудового Красного Знамени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и многими другими медалями, грамотами и ценными подарками.

ПРЕДПИСАНО - НА ВОСТОК

Двойственные чувства одолевали Георгия Яковлевича Леонова, когда он в марте 1942 года ехал в поезде Владивосток - Москва в Пермь. Кажется бы, он должен быть доволен, что едет домой, к своей семье, возвращается в управление. Не прошло и года с тех пор, как он уехал из Пермской области, а какие большие изменения произошли за это время.

Служба в органах госбезопасности у Георгия Яковлевича складывалась нормально. С должности управляющего районным отделением Госбанка пришел он туда в 1939 году, во время обновления кадров. Многих сотрудников тогда увольняли и привлекали к ответственности за нарушение

законности, за фальсификацию дел в 1937-1938 годах. В органы контрразведки приходили новые люди, готовые бороться с действительными врагами государства. Среди вновь пришедших был и Леонов, назначенный поначалу помощником оперуполномоченного Фокинского районного отделения НКВД по Пермской области. Как наиболее подготовленный, знающий обстановку в районе, умеющий работать с людьми, положительно проявивший себя и как оперативник, Георгий Яковлевич в 1940 году был назначен начальником Фокинского районного отделения, а в 1941 году заместителем начальника отдела в городе Кизеле.

С этой должности в июне 1941 года он был направлен в Московскую школу НКГБ. Переживал, оставляя семью. Перед самым отъездом привез жену Агнию Ильиничну из роддома с новорожденной дочкой. В такой ситуации следовало помогать жене, однако служба есть служба.

Учеба началась в тревожное время. При первом знакомстве в начале июня 1941 года начальник курса, поздравив с началом обучения, заявил: «Хорошо будет, если вы благополучно закончите курсы, воз-

можно, вам придется доучиваться на фронте, по всему видно - война будет».

Так и получилось, учеба была прервана уже 16 июня. Слушателей школы направили в Эстонию, выселять, как тогда говорили, «социально-опасного элемента». Леонову пришлось участвовать в этом деле. Ему было поручено доставить на вокзал в Таллинне бывшего офицера буржуазной Эстонии. Выселяемым оказался мужчина лет 45, семья его состояла из трех человек: он, жена и тринадцатилетний сын. Семье было предложено собраться, взять с собой, что посчитают необходимым, и ехать на станцию. Такое предложение, понятно, было воспринято без энтузиазма, но каких-либо эксцессов не произошло.

«Перед войной в Эстонии действовали шпионско-повстанческие, националистические, профашистские организации. Антисоветское подполье ставило цель оказания вооруженной помощи немцам во время войны Германии с Советским Союзом. Органами НКВД было выявлено и обезврежено 33 немецких агента, арестовано 3178 и выселено 5978 участников указанных организаций и враждебно настроенных граждан».

(Из сборника документов «Органы госбезопасности в Великой Отечественной войне», т. 1, стр. 231, 248.)

20 июня слушатели курсов вернулись в Москву. Прошедшая операция несколько омрачила настроение, однако в то время это воспринималось как необходимость.

21 июня был выходной, Леонов и его товарищи по курсам знакомились с Москвой, посмотрели футбол, а утром все изменилось, началась война.

На первых порах у слушателей не было сомнений в нашей победе, никто даже мысли не допускал, что враг дойдет до Москвы, но с началом войны все были переведены на казарменное положение. Привлекались для выполнения некоторых поручений.

24 июня всех собрали в здании НКГБ и каждому были выданы ордера на арест жителей Москвы, на которых имелись компрометирующие материалы. Леонову было поручено арестовать преподавателя института имени Баумана. Преподаватель был приглашен к ректору, где ему предъявили ордер и объявили об аресте. После этого он был доставлен в Бутырскую тюрьму. Какие на него имелись материалы, Леонов не знал.

28 июня 1941 года учеба в школе была прекращена. Слушателей зачислили в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН). Из числа чекистов, приехавших на учебу со всей страны, был сформирован первый полк бригады. Другие подразделения соеди-

нения формировались из студентов физкультурного и других институтов Москвы. Соединение разместили на стрельбище «Динамо» в Мытищах. Там оно и находилось до 14 октября 1941 года: полевая военная подготовка.

В сентябре полк выезжал в Саратовскую область для участия в выселении немцев Поволжья. Леонову поручили доставить к месту сбора, на станцию, семью жителя Демьяновского района (недалеко от Саратова). Когда приехали за ними, хозяин брился. Ему объявили о цели приезда. Тот поинтересовался, куда они будут переселяться. Леонов не мог дать ответ, так как сам не знал об этом. Переселяемым разрешалось брать с собой все, кроме недвижимости, которую необходимо было сдать местным властям. По этому поводу у Леонова был конфликт с начальником местного райотдела. Он пытался запретить брать сундуки. Леонов против этого возразил, так как при инструктаже указывалось, что можно брать вещи в любой упаковке. Выселение проходило в течение одного дня. После возвращения из Саратовской области Леонову разрешили съездить к семье в город Салду Свердловской области, где жена и дочь проживали у родственников. Затем служба в бригаде особого назначения продолжалась.

14 октября 1941 года полк был поднят по тревоге и на электричке направлен в Москву, на Красную площадь. Там, при проливном дожде, Леонов и его сослуживцы в течение всей ночи находились у мавзолея Ленина, не зная причины. Уже позже стало известно, что в эту ночь с 14 на 15 октября увозили тело Ленина. В связи с угрожающим положением под Москвой, его перевозили в Тюмень. Делалось это скрытно, чтобы не нагнетать панику.

Затем роту, в составе которой был Леонов, разместили в Доме Союзов. В этот самый критический период бойцы полка должны были постоянно находиться в полной боевой готовности. Спали не раздеваясь. Перед ними стояла задача: защищать подступы к Кремлю со стороны улицы Горького при прорыве немцами оборонительной линии Москвы. Для этого в подвальных помещениях гостиницы «Москва» запасли значительное количество оружия и боеприпасов. Кроме того, бойцы первой роты некоторое время назначались для патрулирования и дежурства на окраинах столицы.

В последующем бригада участвовала в создании минных заграждений на наиболее угрожаемых направлениях прорыва противника. Ежедневно бойцы (всех в роте называли бойцами) выезжали на бортовых машинах и ставили мины в районе Яхромы, на Дмитровском шоссе, по обеим сторонам канала Москва-Волга. Немцы пытались помешать минированию: обстреливали минеров, направляли через канал мелкие группы для прорыва. Их удавалось ликвидировать. Были потери и с нашей стороны.

Такой запомнилась Георгию Яковлевичу обстановка в столице в октябре 1941 года: «Начиная с 4 октября, с момента наступления гитлеровских войск на Москву, настроение в городе было паническим. Люди заполнили железнодорожные вокзалы - Ленинградский, Ярославский, Казанский, Савеловский. Целыми семьями и в одиночку пытались эвакуироваться из столицы в любой регион страны, подальше от войны. Распространились слухи, что Москву в ближайшее время захватят немцы. В учреждениях города жгли деловые бумаги, и обгоревшие документы валялись прямо на улице. Начальник высшей школы НКГБ СССР комбриг Давыдов до того перепугался, что находящиеся в матрезерве армейские сапоги приказал изрубить, а другое имущество и документы погрузил на машины и уехал по шоссе Москва-Горький.

В Москве появились сигнальщики, которые при налете немецкой авиации подавали сигналы бомбить наиболее важные государственные объекты.

Принимались меры по наведению и поддержанию порядка в столице. Был издан Указ Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения».

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 19 октября 1941 года Москва была объявлена на осадном положении, были созданы районные комендатуры. Двадцать шесть человек из чекистского полка были направлены в них. Леонова определили помощником коменданта Сокольнического района. В распоряжении комендатуры находился батальон солдат, ей было подчинено и управление милиции. Силами комендатуры осуществлялось патрулирование улиц, выявлялись и пресекались преступные действия, поддерживался порядок в районе, контролировалось передвижение воинских частей. В ноябре-декабре много воинских частей шло через Сокольнический район на защиту Москвы. Представители комендатуры сопровождали эти части к месту назначения.

Пришлось Леонову испытать и бомбежки. В октябре-декабре 1941 года и январе 1942 года немецкая авиация часто бомбила Москву. Были потери не только среди военнослужащих, но и мирного населения. Как помощнику военного коменданта, Леонову приходилось контролировать обстановку в районе, особенно в период таких налетов. В одну из бомбежек он был контужен.

По несколько раз в сутки днем и ночью районные комендатуры докладывали о положении дел Управлению городского коменданта.

В феврале 1942 года обстановка в Москве существенно изменилась, немцев удалось отбросить. Леонов и его товарищи неоднократно просились в особые отделы на фронт. Однако получали отказ.

И вдруг в марте 1942 года - вызов в кадры НКВД. Леонову объявили, что он должен вернуться в Пермь.

В первые годы войны территориальные органы лишились многих опытных сотрудников. Для обеспечения безопасности оборонных объектов сил явно не хватало. Руководство Пермского управления неоднократно обращалось в Центр с просьбой вернуть Леонова. Поэтому он и ехал не на запад, а на восток.

Десять месяцев прошло с тех пор, как он покинул уральскую землю, где вырос, начал трудиться, где был призван в органы государственной безопасности. За это время пришлось многое испытать. На себе прочувствовать обстановку передовых рубежей обороны в Подмосковье, увидеть своими глазами все страшное, что несет война, полнее представить значимость борьбы с врагами не только на фронте, но и в тылу. Георгий Яковлевич понимал, насколько важна на фронте поддержка тыла, обеспечение армии всем необходимым.

С приближением к Перми мысли, естественно, переключились на предстоящую работу. Разные были предположения, однако тогда он еще не мог представить, какой ответственный участок ему будет поручен.

По прибытии Георгий Яковлевич сразу же направился в управление. С волнением входил он в знакомое здание. Внешне оно не изменилось, так же, как и прежде, похожие на часовых, стояли у входа скульптурные фигуры солдат, однако молодой вахтер более внимательно рассмотрел удостоверение, прежде чем поприветствовать прибывшего.

Леонова ждали. После доклада в кадрах он в этот же день был принят начальником управления Матвеем Моисеевичем Поташником. Привычный по довоенным совещаниям кабинет начальника управления тоже не изменился: портрет Сталина на стене, те же два ряда стульев, обитых сукном, тот же стол с приставным столиком, за который Поташник пригласил, вернее, приказал, правда, не сразу, сесть Леонову. Но некоторые изменения все же были. Прибавилось телефонов. Еще одно новшество отметил Георгий Яковлевич - карту Советского Союза с флажками по линии фронта. Как же далеко удалось дойти врагу! Но был признак, вселяющий надежду: флажки от Москвы передвинуты на Запад. Леонов представлял, чего это стоило защитникам столицы.

Георгий Яковлевич коротко рассказал о событиях критического периода, о своем участии в осуществлении оборонных мероприятий, о работе по поддержанию порядка, о своем желании поехать в действующую армию.

Разговор был прерван звонком телефона правительственной связи.

Судя по ответам - «Есть, товарищ министр», - звонил сам Берия. Требовал ускорить комплектование диверсионных групп для действий в тылу противника. Поташник отвечал, что люди уже подобраны и изучены, готовы к отправке. Закончив разговор, Поташник позвонил начальнику КРО и пригласил его через 15 минут зайти со всеми материалами по делу «Д».

Затем беседа с Леоновым была продолжена. Георгию Яковлевичу показалось не совсем обычным, что высокомерный и не всегда корректный с сотрудниками Поташник так подробно говорил с ним о положении дел с кадрами в управлении. Он отметил, что многие сотрудники откомандированы в воинские части и отправлены на фронт, много пришло молодых, неопытных. Людей не хватает. Поэтому руководство управления и обращалось в Центр, чтобы вернули Леонова. Руководству известно, что он зарекомендовал себя положительно.

Из аттестации от 12 января 1942 года на сержанта госбезопасности Леонова Георгия Яковлевича:

«... С первого июня 1941 года учился в ВКШ НКВД в г. Москва. 12 ноября откомандирован в распоряжение комендатуры г. Москва и назначен помощником военного коменданта Сокольнического района.

В комендатуре Сокольнического района показал себя положительным и дисциплинированным работником, принимал активное участие и проявлял инициативу в организации службы военных патрулей по охране района.

Лично регулярно проверял службу этих патрулей и на местах давал конкретные указания.

В деле выполнения постановления Государственного Комитета Обороны - «О введении осадного положения в г. Москва» - приложил максимум сил и энергии и показал себя хорошим работником.

Леонов Георгий Яковлевич заслуживает присвоения очередного звания - младший лейтенант государственной безопасности.

Военный комендант Сокольнического района города Москвы майор Поручиков».

В ходе беседы начальник упомянул об этой аттестации и высказал надежду, что Георгий Яковлевич справится и на том ответственном участке, на который он определен. А определили его в Закамск для обслуживания важнейшего оборонного объекта. Более подробно задачу должен объяснить заместитель начальника экономического отдела Иван Денисович Ключко.

↓Беседа с Ключко состоялась в тот же день.

- На комбинате вырабатываются нитроглицериновые пороха для реактивной артиллерии - «катюш». Ваша работа будет оцениваться не по количеству арестов, а по обеспечению секретности и особенно безопасности предприятия, - объяснял Иван Денисович. - Мы не заст-

рахованы от проникновения вражеской агентуры, чрезвычайных происшествий. Необходимо все сделать, чтобы предотвратить выход из строя такого важного для обороны страны объекта.

В России подобное бывало. В 1914 году, за три недели до начала первой мировой войны, по заданию немецкой разведки был взорван Казанский пороховой завод. Это был огромный ущерб для обороны.

С таким напутствием Георгий Яковлевич и отбыл в Кировский район Перми, где и проработал с марта 1942-го по апрель 1946 года сначала старшим оперуполномоченным, а затем заместителем начальника отделения.

Вот как он описывает свою деятельность в тот период:

«Учитывая, что предстояло иметь дело с высококвалифицированными специалистами в области пороховой промышленности, а также специфику предприятия, мне пришлось детально изучить технологический процесс производства выпускаемой продукции. Пришлось читать литературу по порохам и изучать основные компоненты, идущие для их производства. Райотдел только создавался, обстановка была очень тяжелая. Не хватало оперативных работников, все приходилось начинать с нуля. Начальник райотдела Н. И. Бурков по характеру был очень сложным и тяжелым человеком. Иногда днями не показывался на работе, а если приходил, то уже «тепленьким». Сам лично оперативной работой не занимался.

Дела на заводе не ладились. В коллектив влилось много новых людей, которым пришлось осваивать это сложное и опасное производство. Происходили частые аварии из-за поломки оборудования. Не хватало электроэнергии. По этой причине были остановки и прекращался выпуск продукции для фронта. В каждом таком факте приходилось тщательно разбираться. Одновременно через руководство завода принимать меры к устранению недостатков.

Ежедневно в 8.00 я докладывал по телефону в зашифрованном виде об ежедневной выработке различных видов порохов. Кроме того, раз в пять дней письменно сообщал управлению о состоянии дел на объекте и о выполнении плана по выпуску готовой продукции.

Нам были известны случаи, когда руководство завода неправильно информировало министра боеприпасов о причинах снижения выработки. Мы же указывали совершенно иные причины. В связи с этим директор завода Бидинский неоднократно получал от министра замечания за необъективную информацию.

Бидинский знал, что более точные сведения идут от органов, но при встрече с нами не подавал виду, только говорил: «Опять досталось от министра». Следует заметить, что за все годы войны наши

отношения с ним и другими руководителями завода были вполне нормальные, деловые.

Много приходилось заниматься третьим цехом, где производились черные пороха. Здесь очень часто происходили взрывы, а в результате бетонные здания превращались в груды камней. По каждому случаю проводились оперативно-следственные мероприятия по установлению причин взрывов и выявлению виновников. Причинами были нарушения технологии, а в некоторых случаях ее недостаточная отработка. Такие расследования занимали очень много времени.

Весной 1942 года объем работы значительно увеличился за счет поступившего из управления следственного дела на группу руководящих работников комбината «К». По этому делу проходили: главный инженер завода Зобелев, главный технолог Михалев, главный энергетик Филатов, начальник парокотельного цеха Синицин. Они были арестованы еще в начале войны за вредительскую деятельность. Доследовать дело поручили мне. Пришлось вести допросы, передопросы, очные ставки, создавались различные комиссии для проведения экспертиз.

В конечном счете вредительская деятельность обвиняемых не подтвердилась. Они были осуждены за халатность на небольшие сроки. А я получил упрек за якобы неумелое ведение следствия.

Кировский район, где мне волей судьбы пришлось работать во время войны, представлял собой совершенно неблагоустроенный рабочий поселок. Во всем поселке имелся один 195-квартирный кирпичный дом, около пятнадцати деревянных двухэтажных домов барачного типа с печным отоплением, столовая, средняя школа и детский сад. Здесь разместились многотысячные коллективы, прибывшие с Украины и Ленинградской области. Несмотря на тяжелейшие условия, люди жили и работали ради победы над врагом.

Все сотрудники райотдела трудились по 16 часов в сутки, но более всех доставалось мне. Как правило, домой приходил в шесть утра, на 2-3 часа.

Укомплектованность основных производств комбината новыми людьми осуществлялась только после тщательной нашей проверки и изучения каждого человека. Все списки, представленные отделом кадров, просматривались оперативным работником.

Во второй половине 1942 года завод значительно увеличил выпуск продукции для фронта. В ноябре правительство наградило группу его работников орденами и медалями за образцовое выполнение задания ГКО по выпуску боеприпасов для фронта. От нашего управления к правительственным наградам были представлены два человека: заместитель начальника ЭКО Иван Денисович Ключко и я. Ключко награ-

дили орденом Красной Звезды, а меня медалью «За трудовую доблесть». Я был очень рад, что Иван Денисович получил Красную Звезду. Опытный чекист, образованный, широко эрудированный человек, он постоянно в течение всего военного времени помогал нам в работе. Как-то в беседе со мной он сказал: «Ты находишься на очень остром участке, будь осторожен. Случись что-нибудь, никто вину на себя не возьмет, тебе придется отвечать лично».

Награждение многих работников комбината было подтверждением важности того дела, которому мы служили. Постоянно принимались меры по увеличению выпуска продукции. Однако фронту требовалось больше. Директор завода Давид Григорьевич Бидинский, выступая на партийно-хозяйственном активе в конце 1942 года, рассказал о таком факте: «Поздним вечером у меня в кабинете раздался звонок правительственной связи. Было сказано, что с директором завода будет разговаривать товарищ Сталин. В назначенное время разговор состоялся:

- Здравствуйте, товарищ Бидинский.
- Здравствуйте, товарищ Сталин!
- Товарищ Бидинский, ваше предприятие выпускает очень нужную продукцию. Ее применение на фронте приводит немцев в ужас. Изучите возможность увеличить ее выпуск. У вас будут ко мне вопросы?
- У меня нет вопросов.
- Желаю вам успехов, до свидания».

Высокая оценка Верховного Главнокомандующего, Председателя ГКО И. В. Сталина, данная заводу, выпускающему оборонную продукцию, от которой зависело положение на фронте, подняло настроение всего коллектива. После такого разговора резервы были найдены и выпуск продукции увеличился.

Естественно, к такому предприятию противник проявлял интерес. В начале 1943 года нам стало известно о том, что рабочий строительного батальона Юнусов частенько спрашивает о цехах южной группы и выясняет возможность перехода туда. На основании этих данных мы стали активно его изучать. В ходе проверки было установлено, что он, находясь на фронте, попал в плен и был завербован немецкой разведкой. Затем был заброшен в тыл для совершения диверсий на одном из оборонных заводов. Проведенные оперативно-следственные мероприятия подтвердили, что Юнусов - агент немецкой разведки. При допросе в присутствии прокурора Верещагина он сознался, а через некоторое время был арестован и осужден.

Не все удавалось предотвращать, на комбинате имели место происшествия, которые на первых порах воспринимались как вражеские действия.

В Весной 1943 года в цехе № 1 произошла страшная трагедия: отравилось 52 человека - слесари высокой квалификации и конструктор Николаев. В течение 6-8 часов 51 человек умер. В живых остался один Николаев, но и он впоследствии стал инвалидом.

Незadolго до этого был разоблачен Юнусов. Не действия ли это другого агента или группы агентов противника? Где же были чекисты, как могли допустить такое? Пришлось выслушать очень неприятные упреки и немедленно приступить к расследованию. На помощь прибыли следователи из управления, а расследование массового отравления людей было взято на контроль Центром.

В процессе следствия было установлено, что в одной из поступивших из США партий нитроглицерина оказалось несколько бочек этиленгликоля, который идет для выработки пироксилиновых порохов. Завод такие пороха не вырабатывал и заявки на его получение не давал. Поступил этот продукт непосредственно в первый цех. Один из рабочих вскрыл бочку, налил в стакан содержимое, попробовал и решил, что это ликер, который по ошибке заслан на завод. Он тут же сообщил об этом другим рабочим. Около бочки образовалась очередь, рабочие стали наливать ведра и пить стаканами. В это время в цехе был конструктор Николаев, который тоже выпил, но немного. У выпивших мгновенно поднялось давление, появились сильные головные боли, потеря сознания, наступила слепота. Медицина оказалась бессильна оказать какую-либо помощь.

Было выдвинуто несколько версий, в том числе и такая: возможно, этиленгликоль специально заслан для совершения такой диверсии. По другой версии проверяли, не является ли это ЧП результатом злоумышленных действий со стороны враждебных элементов с целью вызвать гибель большого количества квалифицированных рабочих на важном оборонном объекте. Проверялись и другие версии. Создавались комиссии, проводились различные экспертизы, анализы, в том числе и медицинские. Изучено большое количество документов о поставке сырья, используемого для производства порохов всех видов, а также дислокации предприятий пороховой промышленности.

В результате каких-либо умышленных действий не выявлено. Однако удалось вскрыть много нарушений в хранении взрывоопасных материалов. Оказалось, что на сырьевых базах не было должного порядка. Туда свободно могли заходить посторонние люди, а сами помещения нередко оставались незапертыми. Заместитель директора по общим вопросам Гуревич самоустранился от контроля за работой своих подчиненных и не интересовался положением дел на базах и складах. Начальник цеха №1 Горовой безответственно относился к исполнению

своих служебных обязанностей, часто на работу приходил в нетрезвом состоянии. Гуревич и Горевой были признаны виновными в происшедшем ЧП. Управление МГБ по материалам следствия написало докладную записку в обком ВКП(б) с предложением рассмотреть вопрос об их партийности и дать согласие на привлечение к уголовной ответственности.

В середине 1943 года завод значительно расширился за счет постройки новых корпусов. Увеличился и выпуск продукции, столь необходимой фронту.

Да и положение на фронте улучшалось - началось массовое изгнание немецких захватчиков с нашей территории. Настроение людей поднялось, на их лицах появились улыбки. Произошли изменения и в нашем отделе: был увеличен штат, улучшилось питание сотрудников за счет введения офицерских карточек, которые своевременно отоваривались, в том числе и американскими продуктами.

2 августа 1943 года выдалось на редкость теплым и солнечным. Мы решили сделать его выходным днем, первым выходным с начала войны. Часов в 12 дня я гулял по набережной Камы, любовался идущими по реке пароходами. В этот момент увидел бегущего ко мне сотрудника отдела. Я сразу же почувствовал: что-то случилось. Посланец сообщил мне о пожаре в цехе № 5. Буквально в считанные минуты я был уже на месте. Горела часть корпуса одного из блоков, где находились аккуратно сложенные в штабеля пороховые шашки для «катюш». Две шашки мгновенно воспламенились и через крышу здания, со свистом и воем, при высокой температуре вертикально ушли вверх. Создавалась реальная угроза, что пожар может перекинуться в другую часть корпуса, а за ним начнут взрываться остальные здания. Благодаря быстрым и умелым действиям пожарных команд и работников цеха пожар был ликвидирован.

Первый с начала войны нерабочий день был омрачен. Да, пожар был потушен, серьезных последствий не наступило. Однако не является ли это диверсией? Этот вопрос волновал меня, руководство отдела и управления. Приехал И. Д. Ключко. Он помог мне наметить меры по расследованию происшествия, дал соответствующие рекомендации. Были допрошены свидетели, провела работу специально созданная экспертная комиссия. Установили, что пожар возник от короткого замыкания. Достоверность этой причины подтвердил и прибывший из Пермэнерго независимый эксперт. Виновниками были признаны инженер по технике безопасности и электрик цеха. Они были наказаны в административном порядке.

Наступил 1944 год, а работы в отделе не убавилось. Люди трудились в прежнем режиме, без выходных. Райотдел переехал в новое доб-

ротное здание. Радостные сообщения с фронтов поднимали настроение и придавали силы.

В поступающих к нам материалах в основном сообщалось о серьезных неполадках в третьем цехе (черных порохов), в котором грубо нарушался технологический процесс, не соблюдались правила техники безопасности, была ослаблена трудовая дисциплина. По этим причинам и происходили взрывы. Начальник цеха Губа, зная об этих нарушениях, не принимал должных мер по их устранению и наведению порядка. Особенно много таких нарушений было в мастерской, которой руководил Иванов. Партийные органы стали предъявлять нам претензии, что мы слабо работаем, не принимаем мер к выявлению виновников происходящих аварий. Руководством управления была направлена группа сотрудников, которая провела официальное расследование по всем имевшимся фактам взрывов и происшествий. По результатам расследования виновным был признан начальник мастерской Иванов. За допущенные нарушения он был привлечен к уголовной ответственности.

Большое внимание обслуживаемому мной объекту уделялось со стороны основных подразделений областного управления. Особенно часто бывал в нашем отделе и оказывал практическую помощь заместитель начальника РО Иван Денисович Ключко. По наиболее серьезным чрезвычайным происшествиям приходилось докладывать непосредственно начальникам управления Матвеем Моисеевичу Поташнику, а затем Ивану Ивановичу Зачепа. Последний сменил Поташника в ноябре 1943 года.

Запомнился приезд Зачепа в начале 1944 года в отдел и посещение им комбината. Он побеседовал с сотрудниками отдела, подробно расспрашивал о положении дел на производстве, о взаимоотношениях с руководителями комбината. Затем посетили сам комбинат, где Зачепа был доброжелательно встречен Давидом Григорьевичем Бидинским. Они были знакомы по работе в Ворошиловградской области, где Бидинский был секретарем обкома, Зачепа - начальником управления НКВД.

Разговор шел по вопросам обеспечения безопасности и секретности на комбинате. Зачепа поинтересовался, насколько действенно влияние Кировского отдела. Бидинский высказал удовлетворение нашей деятельностью, сказал, что отдел помогает предприятию обеспечивать выполнение заданий по выпуску продукции для фронта, режим его секретности и предотвращать чрезвычайные происшествия. Это очень важно для такого необходимого фронту производства.

Затем Бидинский пригласил нас на ужин с коньяком и хорошими закусками. Это тоже осталось в памяти, так как стол очень отличался от того, что имело в то время большинство людей, в том числе и со-

трудники органов госбезопасности.

За четыре года моей службы в Кировском райотделе много было проверок нашей работы. Бывали периоды, когда проверки следовали одна за другой, что, конечно же, отвлекало от дела.

Про одну комплексную проверку стоит написать. Возглавлял бригаду заместитель начальника управления генерал-майор Филатов. Мы знали, что он является опытным, требовательным и строгим человеком. Пробывли они у нас четверо суток. Это время показалось нам вечностью. Генерал читал каждую бумагу от корки до корки, его интересовали все материалы по комбинату. За все дни проверки он не сказал нам ничего положительного. Это вызвало растерянность.

В конце проверки Филатов ознакомился с выводами приехавших с ним сотрудников. Итоговое совещание открыл начальник райотдела Семен Константинович Бухряков. О результатах доложил Филатов. Он проанализировал наши недостатки и упущения, а в заключение вдруг заявил, что работа отдела ему понравилась. Тон Филатова был очень благожелательным, и люди воспрянули духом.

За время войны мне пришлось работать с тремя начальниками райотдела. Самым сильным, хорошо подготовленным, знающим свое дело был Семен Константинович Бухряков. У нас сложились хорошие деловые отношения. Позднее (1947-1949 гг.) мы вместе учились в школе МГБ.

Я весьма признателен работникам областного управления МГБ Ивану Денисовичу Клочко, Александру Алексеевичу Тарасову, Ивану Ликарионовичу Беляеву за их постоянную помощь в работе. Не могу не упомянуть работников аппарата, с которыми в годы войны трудился плечом к плечу: Аликина, Подгорного, Иванова, Михайлова, Мартынова, Шишкина, Королева, Короза, Яресько, Андросенко, Завгороднего, Панкову, Петкевич, Валуева, Пархоменко. Это были настоящие друзья, надежные товарищи.

День Победы - 9 Мая встретил в Закамске. После объявления по радио о капитуляции Германии на набережной Камы собралось много людей, было всеобщее ликование, звучала музыка, пели песни и танцевали, многие плакали...»

ЗАМЕТКИ ЧЕКИСТА

Н. Гулин

В силу прежних своих служебных обязанностей и по долгу общественной работы мне доводилось не раз рассказывать о подрывной деятельности империалистических разведок против СССР.

Выступал я в рабочих коллективах леспромпхозов, в цехах промышленных предприятий Перми, среди нефтяников и тружеников сельского хозяйства Куединского, Чернушинского, Октябрьского, Уинского, Еловского районов области. На туристических теплоходах, курсирующих по Каме, Волге и Дону. И почти каждый раз слушатели спрашивали, как я пришел в органы государственной безо-

пасности. Нередко интересовались этим товарищи, знакомые. А недавно члены совета ветеранов областного управления КГБ попросили выступить в печати по этому вопросу.

Откровенно говоря, это предложение я не сразу принял, долго обдумывал его... Мне все почему-то казалось, что писать о себе не очень удобно. Коллеги мне сказали: скромность скромностью, но не забывай, что ты еще теперь и воспитатель, имеющий немалый жизненный опыт. Пусть почитают молодые, только начинающие нелегкий чекистский путь, может, и они найдут для себя малость полезного. Пиши все, что тебе приходилось делать, пиши и о своих ошибках, промахах в работе, говорили мне, это всегда пригодится... Я все сдерживался. Потом наступил момент, когда просто сам почувствовал важность данной темы. Пусть, думаю, это будут своеобразные показания, дополняющие рассказы других чекистов. Одно меня сильно волновало: смогу ли я все это написать...

И вот делаю это с чувством ответственности. Я не собираюсь кого-то поучать и не хочу быть назойливым советчиком, рекомендовать то, что давно многим известно. Но, находясь уже в пенсионном возрасте, решил вернуться памятью в то давнее время и просто поделиться некоторыми личными впечатлениями, мнениями, попытаться в меру своих

сил и возможностей воскресить то, что когда-то видел и знал, был, так сказать, свидетелем или являлся непосредственным соучастником отдельных событий. Мне хотелось показать, каким нелегким и вместе с тем необходимым был труд чекистов в годы Великой Отечественной войны...

Говорят, в жизни каждого человека есть свои волнующие, наиболее памятные даты. В своей биографии я выделил бы два главных события: это 1939 год - когда я, еще совсем молодой политработник, выполняя не только свой патриотический, но и интернациональный долг, вдали от родной земли впервые в своей жизни с оружием в руках защищал интересы Отечества в боях с японскими милитаристами у реки Халхин-Гол. За что, между прочим, был удостоен первой высшей государственной награды того времени - ордена Красного Знамени за № 7875. Ордена, который остался самым памятным, самым дорогим для меня.

«И год сорок третий - начало моей работы в органах военной контрразведки СМЕРШ, где довелось участвовать в борьбе с тем же противником на территории той же Монголии, но только другим видом оружия. Об этом периоде мне напоминают монгольский орден с символическим названием «Полярная Звезда» № 01943 и нагрудный знак «Почетный чекист МНР» № 687.

Это были самые веские, главные годы в моей биографии. Именно они оказали активное воздействие на формирование моих взглядов, способствовали прочной закалке моего характера. Это, по существу, была школа патриотизма, где я впервые познал трудности, лишения и, наконец, жгучую ненависть к врагу. Я не помню, где вычитал, что только то в человеке прочно и надежно, что всосалось в природу его в первую пору жизни. Оттого, может быть, и остались отпечатки некоторой внешней суровости. Но зато воспитавших во мне способность подчинять все сферы своего сознания общей цели.

Прежде чем писать о том, как я стал контрразведчиком, как все это случилось, наверное, лучше хотя бы вкратце напомнить обстановку в стране.

Грозное пламя войны с ее суровыми испытаниями уже третий год бушевало на советской земле. Находясь в заговоре с фашистской Германией, японская военщина готовилась напасть на нашу Родину. Уже в конце 1941 года она сосредоточила у советской и монгольской границ хорошо отмобилизованную армию в 767 тысяч солдат и офицеров. А всего держала под ружьем более семи миллионов военнослужащих, имела около 10 тысяч самолетов, 225 боевых кораблей... Японские агрессоры усиленно разжигали в народе дух реваншизма, вели яростную антикоммунистическую пропаганду, выдвигали территориальные пре-

тензии. Несмотря на советско-японский пакт о нейтралитете, постоянно нарушались морские, воздушные, сухопутные границы СССР и МНР. Угроза войны на Дальнем Востоке возрастала. Квантунская армия - главная ударная сила японского милитаризма - после захвата Маньчжурии стремилась подчинить себе Монголию как важный военный плацдарм для последующего вторжения на территорию Советского Союза. Но, боясь мощи Советского государства и помня сокрушительное поражение на Халхин-Голе, воздержалась от нападения против СССР, ограничившись лишь подрывной деятельностью против Красной Армии, снабжая гитлеровское командование шпионской информацией военно-экономического характера о Советском Союзе, не прекращая против него вооруженные провокации.

✓ Спецслужбы Японии бросили против СССР опытную и коварную разведку, в деятельности которой применялись самые разнообразные (официальные и неофициальные) приемы, способы и средства борьбы: дипломатические (под прикрытием посольств, консульств, военных атташе), радиоразведка, прослушивание телефонных переговоров, дешифрование закодированных сообщений, перлюстрация писем, воздушный шпионаж, а главное - заброска агенты.

Большая протяженность общих границ Монголии с Китайской Народной Республикой в определенной степени облегчала проникновение вражеской агентуры в МНР. Используя мирные добрососедские отношения в то время между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, японские разведорганы стали активно использовать китайских граждан, которые после вербовки и тщательной психологической обработки, в основном в антисоветском духе, засылались тайными путями в наш тыл для выполнения шпионских заданий. Этих агентов, как правило, не заставляли убивать, организовывать провокации, и тем более совершать какие-либо уголовные преступления. Их задача - разведка. Сбор военной информации.

Из достоверных источников, в том числе из допроса задержанных при попытке проникнуть на территорию Монголии, было известно, что значительная часть секретных агентов противника систематически тайно перебрасывалась в районы, непосредственно прилегающие к государственным границам МНР, и прежде всего из китайских городов Маньчжурии, оккупированной тогда японскими милитаристами.

Здесь сама местность способствовала лазутчикам. Эти чужаки через горы, степи, через сотни километров, пользуясь темнотой, скрытно пробирались то в одном, то в другом месте, карабкались из последних сил, судорожно прижимаясь к земле, когда поднимались песчаные бури. Они понимали: малейшая неосторожность, чуть сбился с указанного пути - провал. Другие проникали под видом кочевников, ищущих заб-

лудившийся скот, случались и переходы в поисках лучшей жизни, перебегали по причине якобы роста дороговизны, грабежей белокитайских солдат.

✓ Заброска вражеской агентуры осуществлялась главным образом в ночное время самолетами, нарушавшими воздушное пространство Монголии. Иногда нелегально переходили границу баргуты (монголы-скотоводы), живущие в Хайлатском округе северо-западной части Маньчжурии, переодетые в военную форму солдат монгольской армии.

Не раз оказывались в местах расположения советских войск агенты из числа русского белоэмигрантского контрреволюционного отребья, чаще всего маскировавшиеся под политруков и работников медицинского персонала Красной Армии. Перед советскими органами военной контрразведки стояла задача - оградить наши войска от шпионов, предупредить возможную утечку сведений о замыслах военного командования. Своевременно вскрывать и разоблачать попытки вражеской разведки нанести ущерб обороноспособности нашего государства. Вести борьбу с распространителями провокационных слухов.

Но для этого нужны были дополнительные кадры - люди, обладающие специальной морально-политической и высокой профессиональной подготовкой. А положение с чекистами в ту пору было тяжелым. Ощущалась их острая нехватка. Ранее существовавшего численного состава кадровых армейских разведчиков тогда, в обстановке войны, при значительном увеличении наших Вооруженных Сил, было крайне недостаточно. Поэтому многие вновь сформированные соединения и части на территории Забайкальского военного округа, прибывшие для выполнения интернационального долга в Монгольской Народной Республике, остались без чекистского прикрытия.

Необходимо было срочно пополнить аппарат военных контрразведчиков. И не только в количественном отношении. Эти кадры нужно было создать - тщательно отобрать лучших, самых надежных офицеров.

Так происходило пополнение корпуса армейских чекистов молодыми специалистами, в подавляющем большинстве едва перешагнувшими двадцатилетний возраст.

В 1941 году после окончания Военно-политического училища я продолжал службу в артиллерийских частях в должности военного комиссара - политического руководителя батареи. А когда потребовались артиллерийские командиры, по распоряжению политуправления 17-й армии был направлен на учебу на Высшие офицерские курсы «Выстрел». Сослуживцы в торжественной обстановке с добрыми напутствиями проводили меня к новому месту службы. Казалось, все было ясно. Однако вскоре планы мои круто изменились - в августе 1941-го в числе

других армейских политработников, бывших фронтовиков, меня откомандировали в управление контрразведки СМЕРШ Забайкальского военного округа города Читы.

Какого-либо права выбора места службы с ту пору нам не предоставлялось. Человек с армейскими погонями жил и работал там, где этого требовали интересы страны. Впрочем, иначе и быть не могло. После кратковременной встречи и беседы, которая, как я понял, в основном носила характер личного знакомства (так как вопрос о зачислении на работу в органы СМЕРШ в принципе уже был предreshен), кадровик - старший лейтенант Бугай - сказал: «На войне условия не выбирают... каждый должен находиться там, где он более всего нужен. Вы коммунист и должны понимать требование партии. Агитировать вас, думается, не надо, ваш опыт работы с людьми пригодится и в органах разведки...».

В сущность предстоящей работы меня не посвящали. Как-то сложится служба в новом качестве? Эти и другие вопросы волновали меня. Что ж, радости мало, но если надо, значит, надо... Без преувеличения скажу, слово «надо» для любого военнослужащего в то тревожное время звучало равносильно приказу.

Вскоре, после прохождения медицинской комиссии, нас собрали на беседу в большой актовый зал управления, где на красном полотне были начертаны слова Ф. Э. Дзержинского: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

Пока мы знакомились с обстановкой, на сцену поднялся, видимо, работник отдела кадров и объявил, что перед нами сейчас будет выступать начальник управления контрразведки СМЕРШ ЗАБВО генерал Салоимский.

Генерал-майор Салоимский - седовласый, высокий, сосредоточенный человек, был немногословен. Он говорил медленно, четко и убедительно, подчеркивая, что обстановка на фронте остается сложной. Внутри страны действует вражеская агентура. Японская разведка на Востоке проявляет особую активность. Поднимают голову буржуазные националисты, религиозные фанатики, возлагавшие свои надежды на гитлеровскую Германию. Поэтому нам предстоит напряженная учеба, по окончании которой придется работать в разных войсках и соединениях Красной Армии по пресечению вражеских действий. Некоторые будут направлены на освобожденную от оккупантов советскую территорию с задачей выявления диверсантов, изменников Родины, буржуазно-националистической агентуры и для борьбы с вооруженными бандами бывших фашистских пособников.

В зале наступила необычная тишина. Некоторые переглядывались, каждый, видимо, думал о своем, взвешивал личные возможности, при-

кидывал, сможет ли он оправдать столь серьезное доверие... В общем-то ни один из нас не усомнился в своих силах и способностях, и таких, которые бы дали задний ход, не оказалось.

Беседа длилась недолго. В заключение генерал высказал еще несколько напутственных слов, улыбнулся, как бы подбадривая нас, пожелал успеха в учебе, взглянул на часы и ушел.

Итак, спустя некоторое время все отобранные для работы в органах контрразведки приступили к регулярным занятиям. Потекли дни учебы. Программа обучения в школе контрразведки СМЕРШ была весьма насыщенной. Она включала и политические, и специальные занятия, даже несколько часов отводилось на строевую и стрелковую подготовку. А военная обстановка поторапливала, нужны были кадры... И это требовало от нас огромного напряжения сил, воли и настойчивости. Трудно казалось поначалу, ведь многим пришлось постигать все заново. Надо было, как говорят, переучиваться на ходу, привыкать к новым формам работы. Здесь мы почувствовали совершенно другую атмосферу, от нас требовалось строгое соблюдение конспирации.

Откровенно говоря, каких-либо представлений о всех «тайнах» и сложностях чекистской деятельности мы в то время не имели. Вернее, имели, но упрощенные: что-то когда-то прочли в книгах, газетах, кое-что узнали из фильмов или слышали в общих чертах из выступлений лекторов и только. Поэтому все, что полагалось нам знать, мы жадно впитывали, как губка воду. К тому же каждый из нас понимал, что готовимся к бою с сильным, хитрым противником, и в этой борьбе придется иногда решать задачи самостоятельно...

Надо сказать, учили нас профессиональному мастерству специалисты, которые имели за плечами солидный практический опыт в организации чекистской работы в войсках. Несмотря на занятость своими текущими делами, а дел у них было, что называется, невпроворот, времени и сил на наше обучение они не жалели, охотно делились всем, что знали, просто и доходчиво, на конкретных фактах, событиях, ситуациях раскрывали смысл чекистской работы, передавали нам свои секреты нелегкого труда, о которых нигде и ни в какой литературе не написано. Они советовали, как избежать возможных ошибок, показывали, где надо быть особенно осторожным и внимательным. Развивали смелость, находчивость и сообразительность. Даже частные беседы с ними способствовали расширению нашего кругозора и пополнению чекистских знаний. Короче говоря, старшие товарищи старались воспитать в нас, молодых, качества, обязательные для будущей профессии.

Много воды утекло с тех пор, но даже сейчас я вспоминаю своих первых учителей - добрых наставников, наделенных такими человеческими свойствами, как кристальная честность и правдивость,

высокая партийность и ответственность, привычка делать все на совесть.

Кто мне, как говорят, особенно запал в душу? Назову коммуниста - начальника следственного отдела управления контрразведки СМЕРШ ЗАБВО - майора Казакова. Была в нем какая-то удивительная любовь к подчиненным. Очень много он уделял внимания соблюдению законности, повышению культуры исполнения оперативно-следственных документов. Он часто говорил: «Прежде чем поставить свою подпись, убедись, что документ четкий, объективный и грамотно изложен...». При этом любил вспоминать Шекспира: «Где мало слов, там вес они имеют...».

Не менее ярким примером для нас был подполковник Власенко. Учил он оперативному мастерству, умению правильно анализировать факты и доводить дело до логического конца.

- Ценю нестандартно мыслящих, хватких, способных гибко решать сложные задачи, - говорил он. Некоторые его советы помню даже и сейчас: - Враг хитрый, а ты его перехитри. Чтобы успешно разоблачать врага и уверенно действовать против него, необходимо знать повадки противника: какой тактики он придерживается, какими методами и приемами пользуется. Другими словами, бить врага его же оружием.

Говоря об инициативе, Власенко подмечал: «Куда проще выполнять указания: сказали - сделал, а нет - там хоть трава не расти... Мол, хата моя с краю и я ничего не знаю. Нет, надо не просто подчиняться, а думать, как лучше выполнить указание, иметь смекалку, как говорят, солдатскую находчивость...».

Главное, я стал глубже понимать высокий смысл жизни, ее сложности. Учился разбираться в людях, отличать ложь от истины. Выработанная чекистская наблюдательность помогала отличать враждебные замыслы от случайных действий оступившегося, запутавшегося человека. Нас, новичков, естественно, интересовало множество сугубо практических вопросов, всем нам не терпелось поскорее проверить себя в новом качестве, испытать в серьезных делах. Поэтому мы получали определенные навыки и при выполнении конкретных практических заданий проходили как бы своеобразную «обкатку», участвовали в проведении оперативно-чекистских мероприятий по пресечению разведывательной деятельности отдельных дипломатов - сотрудников японского генконсульства в Чите, которые вели себя исключительно нахально, я бы сказал, даже нагло.

Они часто совершали кратковременные нелегальные автомобильные вылазки или «экскурсионные» пешеходные прогулки в поисках сведений, составляющих военную тайну. Эти «дипломаты» мотались по городу, чтобы изыскать возможность скрытно заложить в тайник кон-

тейнер с очередным разведзаданием, а вместо него изъять контейнер с информацией своего агента. Нередко они появлялись у оборонных объектов явно не с экскурсионными целями.

Не раз их останавливали при попытках проникнуть в закрытые для посещения иностранцев районы. Пользуясь разговорной русской речью, дипломаты часто маячили в вечернее время в городском саду. Под видом продажи авторучек, карандашей, точилок, зажигалок, дешевых дамских украшений японского производства старались расположить к себе хоть кого-нибудь из окружающих. Попытались завязывать связи с житейски незрелыми людьми, с военнослужащими, скомпрометировавшими себя в быту, которых в удобный момент склоняли к выполнению шпионских заданий или к измене Родине.

Не могу не вспомнить в этой связи такой случай.

Как-то утром дежурному по управлению контрразведки СМЕРШ позвонил неизвестный гражданин и сообщил, что два сотрудника японского консульства (у одного из них, что был повыше ростом, спортивная сумка через плечо), проникнув в поселок Песчанка, где располагался военный городок, по пути в сосновом бору фотографировали танки, артиллерийские орудия, казармы, а затем направились на берег реки Читинка, откуда хорошо просматривался аэродром. Вначале они загорали, изредка поглядывая на противоположный берег, а потом стали фотографировать самолеты. Все, что они делали в дальнейшем, человек, позвонивший нам, видел собственными глазами. Он указал и место своего нахождения.

Не теряя времени, к месту происшествия выехала группа оперативных работников, в состав которой включили и нас, курсантов. Это было, по существу, первым экзаменом. Каждый получил соответствующий инструктаж, четко знал о том, как вести себя в той или иной ситуации. Вариантов по задержанию нарушителей предусматривалось несколько, и в успешном осуществлении их мы не сомневались... Тем не менее многие наши действия из-за излишней поспешности, суетливости, желания сделать быстро, корректировались на ходу опытными чекистами.

К нашему появлению «спортсмены» (так называли мы их тогда) явно стремились скрыться от наблюдения, они колесили по улицам, петляли, как зайцы, воровато озираясь по сторонам, чтобы убедиться - нет ли за ними «хвоста», маскировались среди прохожих. Но как ни хитрили, а чекистов-контрразведчиков провести им не удавалось, из виду мы их не упускали, зорко следили за передвижением и точно разгадывали их замыслы.

Наконец прибыв к автобусной остановке, где было много народу, «спортсмены» попробовали вскочить на подножку подошедшего рей-

сового автобуса и уехать в центр города. Но стоявшие в очереди люди, возмущившись таким наглым поведением, оттеснили нарушителей порядка в сторону. Началась перепалка. Голоса раздавались все громче. Иностранцы поняли, что обстановка складывалась явно не в их пользу. Вскоре здесь (не случайно) появился сотрудник милиции с подкреплением и предложил участникам шумной баталии проследовать в отделение для выяснения обстоятельств нарушения общественного порядка.

Задержанные поначалу огрызались, вели себя высокомерно и даже отказывались сообщить, кто и откуда они. Но через некоторое время стали известны их настоящие имена и служебное положение.

В ходе разбирательства свидетели начали уличать «спортсменов», прямо говорить, что они фотографировали самолеты. Затем их попросили показать содержимое сумки, чтобы выяснить, нет ли в ней взрывчатки, так как ранее был уже предотвращен диверсионный акт (взрыв моста) на железнодорожном пути. В сумке у «спортсменов» были обнаружены портативный фотоаппарат и бинокль японского производства.

В это время у одного из них не выдержали нервы, и он сердито процедил: «Безобразие! Вы нарушаете полномочия аккредитованных дипломатических представителей. На незаконные действия мы будем жаловаться!» Но когда им показали фото пленку, на которой были отчетливо видны самолеты на аэродроме (что явилось неопровержимым вещественным доказательством сбора шпионской информации), они переменились в лице и сразу же умолкли. Теперь было бессмысленно продолжать игру.

Об этом происшествии тут же по телефону был поставлен в известность генеральный консул Японии в Чите. Прибыв к месту задержания своих соотечественников, чтобы снять с себя вину и показать, что он в данном случае не при чем, улыбаясь, объяснил, что это недоразумение, частная затея, с которой он внимательно разберется. «А сейчас, - заявил он, продолжая сиять лицемерной улыбкой, - я не могу сделать ничего больше, кроме как принести извинения за своих коллег». После чего удалился.

Но поскольку инцидент никак не относился к категории «случая», сверхлюбопытным джентльменам пришлось через некоторое время обратиться восвояси. Оба они были выдворены из Читы.

Как потом стало известно, дипломаты эти являлись кадровыми офицерами японских разведывательных органов.

Абвер (военная разведка и контрразведка Германии) после ряда неудач на фронте в 1943 году активизировал диверсионно-подрывную деятельность против СССР, стал заниматься массовой вербовкой новых агентов с последующей их заброской в наш тыл (в том числе и на

территорию Пермской области). В годы Великой Отечественной войны усилиями пермских чекистов с помощью местного населения было задержано и обезврежено агентов немецко-фашистской разведки -131, агентов других иностранных разведок - 28, предотвращено террористических актов -100.

Такую агентуру гитлеровцы набирали большей частью в лагерях советских военнопленных и на временно оккупированной местности, в основном из числа идейно опустошенных людей, предателей, изменников Родины, дезертиров, любителей «легкой жизни». Однако в надежности их не были уверены даже сами вербовщики, которые прекрасно представляли, что этим наскоро испеченным «помощникам» все-таки придется действовать в своих краях... И не случайно поэтому имелось немало случаев, когда некоторые из них, оказавшись на родине, бездействовали и никакой работы в пользу германской разведки не проводили. Другие, завербованные для проведения враждебной деятельности против СССР, добровольно являлись с повинной и заявляли органам власти о своей связи с иностранной разведкой.

Надо заметить, что бдительность в период Великой Отечественной войны была одним из важнейших факторов, способствующих разгрому немецко-фашистских войск и достижению Победы. В связи с этим вспоминаю тот, теперь уже далекий августовский день сорок третьего... В конце рабочего дня меня неожиданно вызвал начальник следственного отдела. Вручив несколько рукописных бумаг, сказал:

- Вот вам первое важное партийное поручение. Внимательно изучите эти документы. Вынесите постановление о принятии дела к своему производству и начинайте следствие...

Меня охватило волнение - самостоятельная работа!.. Смогу ли я? Пытался было объяснить свою неуверенность: мол, опыта у меня еще нет, то, другое...

- Ничего. Попробуйте! - сказал начальник. - Следователями, как и солдатами, не рождаются, ими становятся... Смело начинайте, составьте рабочий план первоочередных оперативно-следственных мероприятий и приступайте к допросу...

Потом, поглядев мне в глаза, добавил:

- Если понадобится какая-то помощь, заходите, не стесняйтесь, помогу... И еще вам мой совет - не давайте арестованному понять, что вы новичок. Учтите, что от вашего первого разговора многое зависит.

...На допрос я прибыл пораньше, чтобы сосредоточиться. Листая еще раз полученные «материалы», читаю довольно лаконичную справку, в которой буквально указывалось следующее: «11. ав. 1943-го, задержан дезекшир». И подпись - «мицинер Якылев». Конечно, этих «дан-

ных» было крайне недостаточно. И поэтому мне сразу предстояло выявить, кто совершил преступление (что представляет эта личность по своему классовому происхождению, социальному положению, по роду занятий), характер преступления (где, когда, при каких обстоятельствах оно совершено), причина, толкнувшая на преступление (намерение, цель) и т. д.

На первом же допросе задержанный назвал себя Груденковым. Он сразу рассказал о себе, о своей жизни. Делая вид, что «раскололся», стал давать показания о том, что он из семьи сектантов. Иногда просто из-за интереса посещал их тайные молитвенные собрания, но особой тяги, как он выразился, к ним не имел, не придерживался в быту религиозных традиций и обычаев. И вообще устойчивых религиозных убеждений у него якобы не было. Отец в прошлом за антисоветскую деятельность отбывал наказание в местах заключения...

Вот где собака зарыта, невольно мелькнула у меня мысль тогда. Единственный сынок... С младенчества впитывал в себя родительский образ жизни, нравоучения, взгляды на советскую действительность. И, несомненно, эти родительские взгляды сыграли в случившемся не последнюю роль...

Говоря об обстоятельствах дезертирства из части, он пытался убедить: дескать, во время одного из тяжелых боев с гитлеровцами на белорусской земле бойцы подразделения, в составе которого он воевал, дрогнули и стали отступать... Чтобы спасти свою жизнь, он бросил на поле боя личное оружие и бежал в тыл страны.

Формально преступник «признался», и после проведения некоторых других несложных следственных действий, казалось бы, можно было поставить точку, закончить дело и материалы следствия с обвинительным заключением передать в судебные органы для определения меры наказания виновному. Но я уже знал, что государственные и уголовные преступники зачастую в одном едины: в стремлении противостоять следствию и попытаться уйти от ответственности за более серьезное преступление путем признания деяния, не представляющего большой общественной опасности. И еще - выяснить в ходе допроса, чем располагает следствие, какими фактами. Вот такую тактику избрал и Груденков. Он хитрил, уклонялся от ответа на прямые вопросы, думал как-то выкрутиться, уйти от серьезного наказания. Время шло...

Вчитываясь в материалы дела, тщательно исследовав все обстоятельства, я пришел к выводу, что версия о дезертирстве была не только неубедительна, несостоятельна и, вероятно, кем-то придумана, но как следует не продумана. И тем не менее требовала еще проверки... Иными словами, нужны были свидетели, доказательства. И мне удалось их найти.

В частности, специалисты экспертно-криминалистического отдела дали заключение о том, что красноармейская книжка Груденкова оказалась старого образца и изготовлена была из бумаги другого качества. Обнаруживались и некоторые дефекты в печатном шрифте. Не подтверждался и призыв его в армию...

Во всем этом чувствовалась то ли спешка, то ли элементарная некомпетентность комбинаторов немецкой контрразведки. И все же, несмотря на все эти и другие неувязки, подследственный продолжал всячески изворачиваться, пытался отвести от себя отягчающие обстоятельства... И, честно говоря, в деле было еще слишком много тумана. «Неспроста эта залетная птичка оказалась в столь дальних краях», - мелькнула у меня мысль. Но предположения нужно было проверить, тщательно исследовать каждую улику, оценить малейшее сомнение. Словом, стояла задача - докопаться до истины.

И вот на одном из допросов я как-то интуитивно, напрямик, что называется, прямо «в лоб» спросил Груденкова: «Почему же ты у них-то оказался?» Такого вопроса он явно не ожидал, и это его насторожило.

- О чем это еще?

- Да все о том... Как они нашли такого послушного, как ты?

- Я все сказал, чего вы от меня хотите? - раздраженным тоном заявил Груденков.

- Не упирайся, ты все-таки наш, советский человек, чего от своих-то скрывать... Объясни по порядку - как они там тебя обманули?

- Я не понимаю, гражданин следователь, к чему вы это все клоните? На что намекаете?

- Не притворяйся, советую рассказать обо всем честно, не забывай - добровольное признание, правдивое показание дают шанс на снисхождение...

И я еще раз объяснил, что любому человеку, который ошибся и допустил какие-либо отклонения от норм поведения, советское законодательство даст возможность исправить ошибку. Но признание ошибок не освобождает от наказания в общественном, административном, дисциплинарном порядке.

- Мне нечего больше сказать...

- Нам важно знать их замыслы - куда они направляют свое острие и с какой целью? В твоих показаниях и вещественных доказательствах есть противоречия. Надо внести ясность.

Некоторое время он молчал, низко опустив голову, чтобы не выдать себя по глазам. Я хорошо понимал, что в его душе боролись противоречивые чувства - рассказать или умолчать?.. Как бы не проиграть... А поэтому я не нагружал вопросами, не торопил его с ответом, ожидая, когда

он сам заговорит и сам оценит свой поступок, осознает себя человеком.

Пока он обдумывал, я рассказал ему о зверствах, которые чинили фашистские изверги над нашим мирным населением, как они издевались над женщинами, детьми и стариками... Привел примеры мужества, отваги советских воинов, высказал свою искреннюю уверенность в неизбежности поражения гитлеровской военной машины...

Видно, доверительный тон тронул его, и он начал преодолевать колебания. Наконец наступил кульминационный момент. Напряжение его достигло предела.

Факты изобличали. Случилось то, что, собственно, и должно было рано или поздно случиться. Есть у молдавского народа пословица: «Кувшину не все время ходить по воду, когда-то он разобьется». Груденков, тяжело вздохнув, еще раз посмотрел на меня исподлобья и медленно, будто взвешивая каждое слово, заговорил: «Ну, ладно, пишите, что было, то было... расскажу все, как случилось».

Вкратце суть его объяснений сводилась к следующему. Находясь в бою в районе Белоруссии, воинская часть, где он служил, оказалась отрезанной от основных сил, понесла большие потери. Он, Груденков, в этом бою якобы был тяжело контужен, потерял сознание, а когда очнулся, понял, что находится в плену. Будучи в лагере, не раз вызывался на допрос к немецкому офицеру, который подолгу расспрашивал - откуда родом, кто родители, в какой части служил... А потом стал постепенно втягивать его в липкую шпионскую паутину, поручал выявлять в лагере политработников. После, снабдив деньгами и фиктивными документами на чужое имя (о непригодности к службе в армии), организовал ему «побег» из лагеря. В дальнейшем предполагалось пробраться в Забайкалье, устроиться на работу, а затем распространять среди людей панику, подрывать веру в победу. Намечалась на будущее и новая встреча...

Сознавая теперь, что замысел провалился, причину своей нескладной службы этот фашистский прихвостень стал объяснять тем, что он, дескать, молод, оступился. Пытался доказать, что у него не было иного выхода... Откажись - его бы расстреляли, как других. Оправдываясь, все больше твердил о любви к жизни, к Родине. Однако, когда родная земля была в беде и нуждалась в защите от врага, этот жизнелюб, нарушив военную присягу, бросил оружие и самовольно покинул свою часть, позорно бежал с поля боя. Другими словами, встал на путь предательства.

Груденков просил снисхождения, но ведь явиться с повинной в органы власти до задержания он не спешил, все на что-то еще надеялся.

И хотя в основном он признался в своей преступной деятельности, загадок и догадок оставалось еще много. Но довести до логического конца расследование данного преступления мне, к сожалению, не удалось...

Работа с арестованным в тот вечер затянулась, и доложить о вновь полученных показаниях кому-либо из старших по службе я не имел возможности. Надеюсь оформить объяснения Груденкова протоколом допроса на следующий день, я сложил черновые записи в папку, закрыл их в сейф, вызвал конвоира и сдал арестованного для водворения в камеру предварительного заключения.

Но тут случилось непредвиденное: как потом стало известно, во время следования через внутренний двор управления вдруг широко распахнулись въездные ворота и в момент, когда с улицы на территорию двора входила грузовая автомашина, Груденков на какой-то миг остановился, круто развернулся и стремительно бросился на сопровождавшего конвоира, сбил его с ног, а затем бешено рванулся к открытым воротам. Это было настолько неожиданно, что водитель грузовика и охранник, стоявший у ворот, были словно парализованы, растерялись и не могли что-либо быстро предпринять. А конвоир, на раздумья которому оставались какие-то доли секунды, видя, что арестованный вот-вот выскочит со двора и скроется в людском потоке, мгновенно выхватил из кобуры пистолет и после окрика «Стой!» выстрелил...

Предателю было всего 22 года. Но так и не переступил он порога своей родной хаты, не познал в полной мере радость жизни и труда. У него не хватило силы воли, чтобы бороться за право быть полезным людям, обществу... У него не было настоящей любви к Родине, а ведь он мог хоть как-то помочь в борьбе с гитлеровской Германией...

После окончания учебы, получив назначение к новому месту службы, мы разъехались в разные войска. И надо же такому случиться: судьба снова забросила меня в Монгольскую Народную Республику, опять свела со знакомыми по армейской службе местами. Другие мои товарищи были направлены в войска западных военных округов страны, а кое-кто в тыл врага для ведения разведки и помощи партизанам.

Конечно, судьбу не угадаешь. В юности у меня было огромное желание посвятить себя народному просвещению. Мечта была близка. Да ближе оказалась война. Она все смешала, перевернула, перечеркнула и мои планы, надежды. Не думал я тогда, что профессия чекиста навсегда войдет в мою трудовую биографию... Считал, что это временно: пройдут бои, вернусь в отчий дом и смогу осуществить свое желание. Не получилось. Но я ни раньше, ни теперь не вспоминаю недобрым словом то время и на свою офицерскую жизнь не сетую: этот период был насыщенным, интересным. Став сотрудником органов СМЕРШ, я получил доступ к важным источникам информации. Я и сейчас остаюсь чекистом, ощущая гордость за своих коллег...

...Монголия. Город Баин-Тюмень - здесь находился отдел контрразведки СМЕРШ 17-й армии. Оперативная обстановка выглядела тогда так: в центре расположения частей Красной Армии проживала самая крупная иностранная колония в Монголии, состоявшая из наших соотечественников, значительного количества эмигрантов из Китая, Японии. Небольшая часть их была занята на производстве и сезонных строительных работах. Подавляющее большинство - мелкие торговцы, ремесленники. Они, как правило, проживали в городах, приграничных населенных пунктах и небольших проезжих поселках. Куда ни зайдешь, всюду китайцы. Все лавки, столовые, часовые, сапожные и другие ремесленные мастерские принадлежали им. Некоторые из этих лиц были в прошлом судимы за контрреволюционные преступления.

Кроме того, в Маньчжурии, и в частности в Харбине, активно действовали такие антисоветские белогвардейские организации, как «Братство русской правды», «Трудовая крестьянская партия» и другие, которые при содействии спецслужб Японии засылали в города Забайкалья и Монголии свою многочисленную агентуру.

События, о которых я собираюсь рассказать, произошли в 1943 году.

Армейские чекисты обратили внимание на китайца по имени Ван Мин. Все называли его просто «Миша», считали простым, весьма услужливым человеком. Он часто появлялся в военном городке, свободно посещал квартиры семей офицеров и доставлял по их просьбе некоторые дефицитные вещи и продукты питания.

Было также известно, что Ван Мин поддерживал близкие отношения с военными шоферами, иногда оказывал им содействие в приобретении покрышек и кое-каких запасных частей для легковых и грузовых автомобилей. За это считали его нужным человеком. «Попробуй, достань что-нибудь на складе, а у него всегда есть», - говорили шоферы. Так появились у него знакомые, приятели и друзья.

Затем были получены сигналы о том, что Ван Мин неизвестно куда исчезает на длительное время, появляется и вновь скрывается по какому-то делам...

Эти и другие подозрительные в его поведении моменты дали основание для проведения более активных оперативных мероприятий по проверке. Немало творческой и разумной инициативы было применено при организации изучения этой личности, в том числе разработаны меры, препятствующие внезапному перемещению (откомандированию) военнослужащих, проходивших по связям «Миши».

Теперь очевидцы стали сообщать, что нередко в его доме, обычно вечером (чаще в субботу и воскресные дни) собирались любители «заложить за воротничок»: сначала узкий круг знакомых, потом стали приходить другие по случаю, так сказать, «обмыть» новые звания, дол-

жности или дня рождения. За выпивкой обменивались здесь свежими новостями, высказывали личные предположения, в общем, говорили о служебных делах, командировках, называли воинские части, кто уходит, а кто вместо них приходит, рассказывали, кто, куда и зачем выезжал. А кое-кто, потеряв контроль над собой, стремясь блеснуть своей осведомленностью перед товарищами, разбалтывал сведения, предна-значенные для строго ограниченного круга лиц.

Ну, а хозяин, как правило, молчал, никаких вопросов не задавал, занимался уборкой в комнате и делал вид, что оживленные разговоры клиентов его не интересовали. Однако, когда беседа представляла для него определенную ценность, он подливал и подливал им хмельного не только в долг, но и бесплатно.

Наконец в распоряжении контрразведчиков появился один важный документ, полученный от наших друзей за кордоном, из которого явствовало, что Ван Мин, в прошлом мелкий торговец, проживая в Хайларе, задерживался за торговлю наркотиками. Встречался с разведчиком... представителем японской военной миссии. После чего располагал крупными суммами денег. Занимался слежкой за иностранцами и инакомыслящими. Некоторые из них потом «исчезли» при весьма загадочных обстоятельствах... Словом, имеющиеся в отношении «Миши» материалы говорили о возможной причастности его к иностранной разведке.

Арестовали его, как помню, за распространение наркотических веществ морозной ночью 1943 года. В начале предварительного следствия «Миша» пытался отрицать очевидные факты. Часто изменял свои показания, лгал, заставлял исправлять в протоколе допроса отдельные выражения, формулировки, стремился затянуть следствие. И только через несколько месяцев кропотливой работы следователей и под тяжестью улик он был вынужден не только признаться в своей преступной деятельности, но и назвать сообщника.

В частности, поведал о том, что для сбора разведанных о частях Красной Армии использовал личные контакты с советскими и монгольскими военнослужащими, осуществлял скрытое визуальное наблюдение во время поездок по стране. Собранные сведения о дислокации советских войск и МНРА (пехотных, артиллерийских, танковых, авиационных частей), об их передвижениях и местах расположения складов боеприпасов передавал окопавшемуся в городе Улан-Баторе китайцу Ван Ю Дину. Тот оплачивал его труды и инструктировал по работе.

Теперь не вызывало сомнения, что речь шла о глубоко законспирированной агентурной сети противника, в которой Ван Ю Дин выполнял роль резидента.

Когда на одном из допросов я спросил «Мишу», почему при нали-

чий неопровержимых доказательств он длительное время запирался, «Миша» сказал, что еще в Хайларе при вербовке и перед заброской в Монголию японцы внушали ему: поскольку законы советских следственных органов запрещают применять методы пыток и других физических истязаний в отношении арестованных, на допросах следует больше молчать, воздерживаться от правдивых показаний.

«Никогда не высывайтесь с пояснениями! Главное выстоять. Никого не выдать...» - поучали инструкторы. Они запугивали: «Если со знаешься, русские тут же расстреляют. Не сознаешься - по решению суда отправят в трудовой лагерь или ссылку, а после отбытия определенного срока наказания ты вновь будешь выпущен на свободу».

«Миша», видимо, рассчитывал, что эти тактические действия помогут ему одержать победу в единоборстве со следователем. Но не удалось. А вот в отношении технологии допросов сотрудниками японских карательных органов он, в частности, заявил, что они не стесняются в средствах насилия и беззакония, знают, как причинить боль. Чтобы вытянуть нужные сведения у задержанного, его избивают в кровь, издеваются над ним.

Но вернемся к основным событиям. В ходе проверки полученных показаний было установлено, что Ван Ю Дин (связь «Миши») примерно тридцати пяти лет. Без гражданства. Обладает сильной волей. Решительный. Одинок. В домашнем хозяйстве все умеет делать своими руками. Действительно жил в Улан-Баторе в небольшой ветхой глинобитной хате, каких было много рядом с базарной площадью. Квартира его состояла из спальни, маленькой кухни, комнаты для посетителей и небольшого рабочего места, где были разбросаны кожа, хром, несколько пар изготовленных уже сапог, ботинок и другой обуви.

Ван Ю Дин свободно владел китайским, монгольским и русским языками. Вел замкнутый образ жизни. Ничем не увлекался. На первый взгляд безобидный, молчаливый человек. Внешностью не выделялся и ничем другим не обращал на себя внимания. Словом, ничего подозрительного в его поведении местными жителями замечено не было. Многие его знали как хорошего специалиста, большого мастера сапожного ремесла, который всегда был готов услужить клиентам.

Вскоре радиопеленгаторы разведотдела 17-й армии засекли писк «морзянки» какой-то радиостанции. Текст радиোগрам расшифровке пока не поддавался. Спустя некоторое время место, откуда вела передачи эта рация, было определено. Теперь стояла задача как можно быстрее разыскать и изолировать опасного преступника. Брать только живым - был приказ.

Операцию по захвату резидента готовил заместитель начальника следственного отделения контрразведки СМЕРШ 17-й армии капитан

Варюшенков - надежный, опытный чекист, ранее участвовавший в подобного рода мероприятиях, человек, обладавший большой физической силой. К выполнению задачи дополнительно были привлечены сотрудники СМЕРШ Улан-Баторского гарнизона и разведотдела...

По оперативным соображениям Ван Ю Дина пришлось брать ночью... А накануне, на всякий случай, за ним было организовано скрытое наблюдение. Известные адреса связей перекрыты. При обыске в момент ареста предусматривались меры, исключающие возможность использования оружия или ампулы с ядом. Словом, все детали данной операции были тщательно проработаны, обдуманы, как говорится, «от и до».

Была полночь. Кругом тишина. Стоял трескучий декабрьский мороз. Зная обусловленный способ постукивания в дверь и двусторонний пароль для связи, контрразведчикам удалось свободно проникнуть в квартиру Ван Ю Дина. Он был один. Когда распахнулась дверь и мы вошли в комнату, перед нами стоял выше среднего роста крепкий молодой мужчина в темном китайском халате. Одевая наручники Ван Ю Дину, капитан Варюшенков предупредил, чтобы тот не пытался совершить какую-нибудь глупость. И Ван Ю Дин, видимо, осознал, что все возможные случаи для побега исключены.

На предложение сдать добровольно секретные документы, оружие, рацию Ван Ю Дин ответил отрицательно.

- Что вы, у меня ничего этого нет, - сказал он робким голосом.

После предъявления ордера на обыск и арест, я внимательно следил за каждым его движением, выражением лица. Маленькие глазки его сверкали, играли скулы, лицо было хмурым и злым. Таких «клиентов» он, похоже, не ждал. Некоторое время настороженный взгляд его скользил по всем вошедшим к нему в дом. Помолчав немного, он негромко проговорил:

- Не понимаю, почему в такое время беспокойство? Что от меня нужно, что случилось?

Хотел что-то еще сказать, но умолк, как бы соображая, что же принять в этой критической обстановке. Он, очевидно, был уверен, что ничего у него никто не найдет... Однако после тщательной проверки чердака чекистами был обнаружен радиопередатчик, с помощью которого Ван Ю Дин передавал своим хозяевам шпионские сведения. Здесь же оказался закопанный в земле сверток с большой суммой денег в монгольской валюте.

Когда все это показали Ван Ю Дину, он и тогда пытался утверждать, что найденное якобы никакого отношения к нему не имеет и он ничего об этих вещах не знает.

- Имейте в виду, - возмутился Ван Ю Дин, - раньше тут жил другой человек, вот и выясняйте у него.

Дальнейший допрос его продолжался в отделе СМЕРШ 17-й армии в городе Баин-Тюмени. В ходе следствия он сопротивлялся насколько мог: требовал доказательств, настаивал на участии в допросе переводчика (хотя в этом и не было необходимости), отказывался от ранее данных им показаний и даже не хотел признавать на очной ставке своего напарника. А иногда просто притворялся, симулировал сердечный приступ.

Зная, что ему не уйти от правосудия, и не желая признать поражения, вначале намеревался бежать из КПЗ, а потом решил покончить жизнь самоубийством. Находясь на одном из допросов, Ван Ю Дин заметил на письменном столе ножницы. Увидев, что следователь увлекся чтением бумаг, затем долго, наклонив голову, рылся в ящике своего стола, быстро подскочил к столу, схватил ножницы и попытался вспороть себе живот... Но благодаря решительным действиям следователя и подоспевшим на помощь другим сотрудником самурайского харакири не произошло. Тем не менее на излечение все же пришлось его отправить...

День за днем проходил месяц, другой, третий, а показаний он не давал. Почти полгода шло следствие. Ван Ю Дин, конечно, понимал, что ситуация складывалась не в его пользу, все надежды рушились. После очных ставок со свидетелями, предъявления вещественных доказательств и заключений научно-технических экспертиз, убедившись, что он окончательно «провалился» и дальнейшее заpiresательство становится бессмысленным, Ван Ю Дин в конце концов рассказал следователю, что в 1936 году он был завербован японской разведкой в качестве резидента.

Для сведения: резидент - тайный уполномоченный разведки иностранного государства, постоянно проживающий под каким-либо прикрытием в определенном районе другого государства. Для сохранения нелегально действующей резидентуры (группы разведчиков) в совершенстве владеет методами конспирации и руководства этой группой...

Ван Ю Дин показал, что он прошел шпионскую подготовку, в которой значительное место отводилось идеологической обработке. Все занятия были пронизаны злобной клеветой на Советскую страну, сводились к разжиганию национальной вражды. Преподаватели внушали, что Советская Россия посягает на национальные права Китая. В этой связи оправдывали необходимость добывания секретным путем сведений, составляющих государственную тайну, и передачи этих сведений японской разведке.

Основное внимание уделялось ориентированию на местности, обучению методам и способам сбора шпионской информации. Работа сапожника позволяла совершать поездки по территории Монголии, а квартира служила прикрытием нелегальных встреч с разведчиками. Часть разведывательной информации он переправлял за кордон через тайного курьера, а некоторые сведения лично передавал по радиции...

Арестованные из этой группы Ли-си Чан, Ван де Шань и Ван-си Чей на очных ставках с резидентом подтвердили принадлежность к японской разведке, сообщили о своей практической шпионской деятельности... Преступники были осуждены военным трибуналом войск МВД СССР на разные сроки лишения свободы.

Хотелось бы отметить, что следствие по данному делу вели такие опытные армейские чекисты, как Мартынов (начальник следственного отделения), его заместитель Варюшенков, старшие следователи Обнявко, Цветков. Выполняли отдельные следственные поручения, участвовали в допросах шпионов и молодые следователи.

Общее руководство по разоблачению шпионской группы осуществлял начальник отдела контрразведки СМЕРШ армии полковник Василий Иванович Чугунов.

В. И. Чугунов по натуре был человеком жестким, большой работоспособности. Честным по отношению к жизни, к делам, к людям. Он и у сотрудников своих ценил эти качества.

Мы часто его видели в рабочих кабинетах отдела, где он вместе с сотрудниками участвовал в допросах арестованных шпионов. Помогал, давал советы в осуществлении тех или иных оперативно-следственных мероприятий, добиваясь тем самым повышения служебной активности и профессионального мастерства чекистов.

Даже сейчас вспоминаю его чуткое и внимательное отношение к житейским нуждам и запросам подчиненных. Он прежде всего интересовался здоровьем, бытом, проблемами, с которыми приходилось встречаться. Нередки были случаи, когда он тут же брал телефон и просил хозяйственных должностных лиц штаба армии оказать помощь в устройстве бытовых условий чекиста или организации для него служебного помещения...

Я счастлив, что мне довелось работать в этом замечательном коллективе армейских чекистов. Многие из них оставили в душе незабываемый след.

Вот, к примеру, старший следователь Иван Павлович Обнявко - добрый, душевный человек. Мы старались подражать ему во всем, копировали его жесты, манеру говорить, не повышая голоса... В работе с подследственным он имел свою тактику - умело выяснял его слабые и сильные стороны, постепенно подводил к признанию совершенного преступления, а затем устанавливал причины, мотивы.

Помнится, арестован был бывший командир батареи старший лейтенант Шарипов. Из материалов дела усматривалось, что он среди во-

еннослужащих вел пораженческую агитацию: убеждал, что гитлеровцы разобьют Красную Армию, что фашисты, мол, хорошо обращаются с мирным населением. Пленных красноармейцев обеспечивают питанием, одеждой, бельем, над ними не издеваются...

Следствие по делу Шарипова прошло относительно быстро. Судители состав преступления подтвердили. Обвиняемый признался.

Кто-нибудь другой, вполне возможно, и закончил бы на этом дело. Но Иван Павлович задумался. Он хорошо знал, что враг засылал в период войны в наш тыл шпионов, диверсантов, провокаторов. И это обстоятельство заставило его по-другому оценить дело. Он стал еще настойчивее, с большей изобретательностью работать с обвиняемым, тщательно анализировал, изучал, проверял его показания.

Наконец на одном из допросов Шарипов сделал ход конем. Он заявил, что, находясь в боях, якобы в числе других сослуживцев попал к немцам в плен. Из лагеря военнопленных освобожден частями Красной Армии. После прохождения фильтрации (соответствующей проверки) был направлен для прохождения дальнейшей службы на территории Монгольской Народной Республики.

Однако чем занимался в лагере у немцев, он опять умолчал... Разговор то и дело сползал на какие-то малоправдоподобные оправдания. Сколько было потрачено сил, пока все не встало на свои места.

Если оставить в стороне частности, то суть сводилась к следующему: в то время, когда Шарипов находился в немецких лагерях военнопленных, он проходил обучение в Варшавской разведшколе. После чего вновь был помещен в лагерь, где неплохо себя зарекомендовал как агент абвера.

Как выяснилось в ходе следствия, действия Шарипова за время службы на территории МНР являлись ничем иным, как выполнением задания вражеской разведки.

Это лишь один эпизод в большой работе чекистов СМЕРШ 17-й армии в Монголии, которым можно было бы и закончить рассказ. Но картина будет неполной, если не сказать доброго слова о людях, которые помогали нам за рубежом.

Ведь, откровенно говоря, каким бы сильным, опытным и эрудированным ни был чекист, в одиночку успешно решить большие или малые вопросы безопасности страны невозможно. Думаю, никакой «тайны» я тут не разглашу, если скажу, что главная опора в деятельности чекистов - общественность, люди наиболее способные, преданные, надежные и, конечно, инициативные, имеющие определенные возможности, желание для выполнения возложенных на них задач.

Китайские и советские граждане, в том числе военнослужащие, работали с нами только на патриотической основе. В ходе совместной

работы много было разных непредвиденных трудностей, иногда допускались ошибки, не раз возникала опасность для жизни, но никто из них не смалодушничал. Не было среди них и так называемых дезинформаторов, двурушников.

Два слова о дезинформаторах. Это очень опасные люди. По существу, это настоящие клеветники. Они обычно появляются тогда, когда кому-то бываете нужно сгустить краски, усилить фон преступления... И тут все зависит от честности и подготовленности чекиста, который должен четко и вовремя отличить ложь от правды.

Они, наши помощники, в подавляющем большинстве случаев были бдительны и конспиративны в работе. Тут все зависело от умения найти, подобрать и подготовить такого человека.

В этой связи мне хотелось бы вспомнить высказывание В. И. Ленина в заключительном слове на VII Всероссийском съезде Советов в 1919 году. Он отмечал, что заговоры контрреволюции разоблачаются не случайно. Они потому открываются, что заговорщику приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они... всегда натываются на людей, которые идут в ЧК и говорят: а там-то собирались эксплуататоры.

Оценивая пройденный путь, мы, молодые чекисты, убеждались в том, что положительные результаты в работе имели те сотрудники, которые уважали кропотливый труд. Да и вообще, наверное, нет ничего страшнее, если профессия не приносит тебе морального удовлетворения. Ведь увлеченность своим делом - это прежде всего желание трудиться в интересах Родины.

Последние семнадцать лет (с 1949 по июль 1967 года) моя деятельность как чекиста проходила в управлении КГБ СССР по Пермской области. За это время мне часто приходилось ездить в командировки в районы, где не было чекистских органов. Работать приходилось много, и физические нагрузки были нелегки. Некогда было думать об отдыхе, забывал о собственном здоровье. Рабочий день там не регламентирован - с раннего утра и до позднего вечера на ногах, среди людей. Я знал, когда, где и с кем мне придется встречаться, беседовать, решать необходимые служебные вопросы. Мне известна была обстановка в районах, и это помогало правильно строить свою чекистскую работу.

Однажды осенью попал в Куюду. Стояла промозглая темень, шел дождь со снегом, дул пронизывающий ветер. Окончив работу, уставший, я шел на ночлег и по пути решил навестить своего старого знакомого, просто обогреться, поговорить, излить душу, выпить чашку горячего чая. А потом, отдохнуть в такую непогоду в деревенской избе, скажу прямо, просто удовольствие.

Владимира Петровича Соколова многие знали в райцентре как ве-

терана войны и труда, как человека доброты и души необыкновенной. Судьба бросала его по многим военным дорогам. Не раз смотрел смерти в лицо. Побитый пулями и осколками, с войны вернулся домой с боевыми наградами на груди. Два брата его - Виктор и Николай - защищая Родину погибли на фронте. В нем я видел человека, много испытывавшего, зоркого к жизни. Он имел богатый запас впечатлений, наблюдений. Моему приходу всегда был рад.

Одна такая встреча запомнилась особенно. Мы сидели за столом, пили горячий душистый чай, заваренный из разных трав по секретам хозяйки, и беседовали в тот вечер в теплой, уютно прибранной квартире. В такой спокойной, располагающей домашней обстановке легко говорится по душам. К слову, Владимир Петрович был в хорошем настроении, он интересовался последними событиями в жизни страны и за рубежом. С ним можно было провести много часов, не замечая, как летит время. Была полночь, а мы все разговаривали.

В ходе этой задушевной беседы разговор наш зашел о бдительности. Мой собеседник, выслушав меня, сказал:

- Вот вы ищете опасных государственных преступников в больших городах. А я, мил человек, так скажу - всякая ползучая тварь, чтобы укусить или причинить какую боль здоровому человеку, не станет сразу появляться на свет божий, потому как ее могут быстро заподозрить и - к ногтю... Вначале она норовит запрятаться в щель, замаскироваться, а потом уже, осмотревшись, выйдет на охоту.

Этот разговор заинтересовал меня.

- О чем это вы? - спрашиваю.

- Да завелся тут у нас один тип...

- Возможно, скрывается какой-нибудь злостный неплательщик алиментов?

- Да нет, не похоже, алиментщиком тут не пахнет. Как говорят, Федот, да не тот. И что ему здесь у нас надо? Давно пытаюсь понять - откуда он? Опять же стал замечать - человек этот не такой, как все... Хитер мужик, хотя и простоват с виду. Станный какой-то он...

- Но ведь вы говорите, что этот человек местный, - заметил я.

- В том-то и дело, что не местный. Понимаете, - продолжал объяснять он, - я тут как-то пытался поговорить с нашим участковым милиционером, но он уперся на меня, как баран на новые ворота, покрутил указательным пальцем у виска и с усмешкой сказал: «Ты что-то, Петрович, того? Что это у тебя, сон? Или бред? Мы знаем его... Ничего плохого за ним нет. Мы-то уж, наверное, разбираемся в людях...» - козырнул и ушел от меня. Вот ведь как получается: зываем к бдительности, а сами, кому положено даже по службе, проявляем глухоту...

- Конечно, надо разобраться. А что же вам приходилось замечать странного, необычного в этой личности? - спросил я.

Владимир Петрович сперва сделал небольшую паузу, потом с хитроватым прищуром внимательно посмотрел на меня, разгладил свою черную с проседью бороду, поведал мне следующее:

- Ну, сами посудите, человек он в зрелом возрасте, а прибыл на жительство к нам один, без семьи, родственников у него здесь нет. Война еще не закончилась, как он уже заявился... Ведь как чаще бывает: возвращаемся мы туда, где прошло наше детство, к тому месту, дорожке которого, кажется, нет ничего на свете.

Голос его дрогнул. Он с силой откашлялся и продолжал:

- Так вот я и толкую, вскоре нашел он одинокую работающую местную женщину, вошел к ней в дом и живет теперь припеваючи. В поселке Куеда колхозником заделался. А ей, бабе-то, что? Нашла мужичка и радехонька... Я грешным делом подумал: есть ведь, наверное, какие-то родственники, дети, родители, но никто к нему не приезжает, и он к ним не ездит, даже письма никому не посылает. Болтается, как оторванная нить. Правда, ничего дурного за ним никто не замечал, говорят, «свой в доску», рассудительный и, что главное, уважительный такой, к слову сказать, перед бутылкой не кланяется и даже других от этого зелья отговаривает...

Ну, и, как бают селяне, со всеми живет в ладу, не услышишь от него ни слова поперек и разных таких оскорбительных словечек. Смирный. Чуть что потребуется, он тут как тут, не то что наши. Надо бы этого гусака пощупать. Чем черт не шутит... У меня жена ворчит, говорит: не лезь ты не в свои дела, что тебе, больше всех надо? Разберутся, мол, и без тебя. А я не могу. Сон из-за него потерял. А вы-то что думаете по этому вопросу? Какое ваше мнение? - спросил он.

Я сказал, что рассказ представляет определенный интерес и такие сомнительные люди не часто встречаются, но голое, необоснованное подозрение не дает возможности делать какие-либо выводы преждевременно. Все предположения требуется тщательно проверить.

Владимир Петрович вроде бы немножко обиделся на меня, встал, прошелся по комнате и после некоторого раздумья, сказал:

- Конечно, конечно! Я понимаю, дело здесь тонкое...

Я любезно поблагодарил хозяина за угощение, интересную информацию, пообещал разобраться и о результатах проверки сообщить ему дополнительно.

Слушая Владимира Петровича, удивлялся я его наблюдательности, способности заметить главное в действиях, поведении человека. Фамилию подозрительной личности я не хочу называть, да это не так и важно. Многие местные жители знают его. Буду называть его просто М.

В ходе дальнейшей проверки было установлено, что М. скрывает сведения о своем прошлом, оборвал прежние связи с близкими. По месту жительства люди о нем говорили так: «Разговоры с мужиками заводит редко, больше всего поддакивает, а когда речь зайдет об Отечественной войне и спросят, в каких частях воевал, да как там было, он рассказывает скупое, все что-то обрывает, не договаривает и каждый раз под разными предлогами торопится уйти. Ну, а когда вынуждают более определенно сказать о себе, он заявляет: «Пока воевал, жена свихнулось, нашла другого, вот и вынужден был смотаться с глаз долой...». Расчет здесь, как видно, был прост - кто-нибудь да поверит.

Кто он и как сюда забрел? Догадок и противоречий все больше прибавлялось. Предстояло много еще выяснить.

И вот что стало известно. Родом он оказался из западных областей Украины. По прибытии в Куединский район в конце войны первое время проживал и работал в разных отдаленных от райцентра непаспортизированных населенных пунктах, сегодня - тут, завтра - там. Кому заготовит на зиму дров, крышу аль печь починит, а где отремонтирует коровник. «Мужик с головой. На все руки мастер», - так уважительно отзывались о нем местные жители. Он искал контактов с нужными людьми. Затем, заручившись справками сельских Советов, на которые легко ставились гербовые печати, работал на кирпичном заводе, в леспромпхозах, у нефтяников и многих других местах.

Словом, шел туда, где наблюдалась высокая текучесть кадров, где зачисляли в штаты прямо со слов, без личных документов. Планы-де горят, люди требуются, а их нет, обычно объясняли кадровики.

Долго М. кочевал по деревням, пока не поселился наконец в поселке Куеда.

Шли годы. Доверие росло, и он чувствовал себя более спокойно. В целях безопасности ловко замаскировался. Даже стали называть в числе тех, кто с оружием в руках отстаивал честь и независимость Родины в боях против гитлеровских захватчиков. Не зря говорят: люди нечестные преуспевают там, где существует безответственность.

В дальнейшем были получены данные, свидетельствующие о том, что М. в Отечественную войну, как только ему предоставилась возможность, дезертировал из армии. Фашисты схватили его и бросили в концлагерь, где он добровольно дал согласие работать в гестапо. После чего, вернувшись в родные края, работал полицейским: нес охранную службу, конвоировал арестованных, помогал фашистам вывозить советских людей в немецкий тыл. Однако конкретных фактов о его практической карательной деятельности не было выявлено и установить их не представилось возможным, так как основные свидетели ушли из жизни, а письменных доказательств для предъявления обвинения оказалось недостаточно.

Через некоторое время мне вновь пришлось встретиться с Владимиром Петровичем, и я, как обещал, рассказал ему о результатах проверки. Владимир Петрович посмотрел на меня, дружески хлопнул по плечу и сказал: «Он уже депутат поселкового Совета».

И мне ничего не оставалось делать, как только все рассказать секретарю райкома партии. Выслушав меня, он сказал:

- Выходит, он скрывал свое прошлое...

...Мне доводилось встречаться со многими людьми, с трудовыми коллективами при различных обстоятельствах, интересоваться их жизнью, заботами.

Как-то летом в шестидесятых годах после беседы с рабочими Куединского леспромхоза о значении политической бдительности ко мне подошел молодой человек и сказал, что он желает поговорить на эту тему. Мы встретились на следующий день.

В состоявшемся разговоре товарищ, в частности, сообщил, что работник одного из местных предприятий Бондаренко в Куеде появился в конце войны. Быстро притерся среди местных, женился, построил дом. В биографии его заметны «провалы» - выскакивают некоторые годы, и не поймешь, где он жил и работал, особенно в Отечественную. Рассказывают, что приезжал на несколько дней к нему брат из Казахстана, но под другой фамилией. «Первое, что бросается в глаза, - заметил мой собеседник, - его желание остаться незамеченным».

В связи с этим мною были приняты меры по проверке этой личности: в паспортном столе, в райвоенкомате, по прежним местам жительства, куда, в частности, была направлена для опознания репродукция фотографии. В результате было установлено, что Бондаренко проживает под чужой фамилией, действительная же его фамилия Мудрик...

Органы КГБ Украины на наш запрос сообщили, что Мудрик в период временной оккупации немцами Западной Украины поддерживал связь с нелегально действующей антисоветской организацией украинских националистов. Он не только разделял их взгляды, но и помогал им собирать с населения продукты питания, деньги, одежду. По их заданию передавал интересующую их информацию (сообщал о появлении партизан и военнослужащих Красной Армии). При отступлении немцев Мудрик бежал из Западной Украины и проживал под чужой фамилией на территории Одесской области.

Но и здесь ему нельзя было надолго задерживаться, так как не исключалась возможность встречи с земляками. Укрывшись в тихой деревушке Куединского района, он, видимо, полагал, что все опасности миновали. Однако надо было еще подумать, почему Мудрик-Бондаренко прибыл на жительство именно в Пермскую область? Только ли,

чтобы скрыть свое прошлое, уйти от народного возмездия? Мог же он выехать с немцами, когда они бежали? Все это навредило на мысль о задании оуновского подполья. Известно ведь, что украинские националисты фанатичны и мстительны.

Чтобы выяснить эти вопросы, потребовалось проведение дополнительных чекистских мероприятий. Началась большая, хлопотливая работа по изучению фактов как положительных, так и отрицательных. Это позволило сделать вывод о том, что Мудрик-Бондаренко отказался от какой-либо националистической деятельности. Советская действительность изменила его психологию, взгляды на жизнь...

И все-таки возникла необходимость в проведении с ним предупредительной, профилактической беседы. Внезапное приглашение в милицию вызвало у него волнение.

На предложение откровенно рассказать о себе он сразу покраснел, как рак. Стал говорить что-то бессвязное, заикаться, и все его объяснение выглядело нелепо. Я спросил:

- Неужели вы еще думаете, что мы ничего не знаем о ваших делах во время войны?

Однако когда я рассказал все, чем мы располагали, и сообщил, что вопрос о привлечении его к уголовной ответственности за прошлую преступную деятельность отпадает в связи с истечением срока давности, он смущенно посмотрел на меня и заверил, что сделает все, чтобы честной работой искупить свою вину.

Мне вспомнились отдельные фразы, произнесенные им в ходе этой беседы: «А я думал, что здесь нет КГБ...». На главный мой вопрос - как же он решился помогать предателям Родины? - ответил: «Внушили хлопцы, что не справится Советской власти с немцами и их союзниками. Если бы отказался, не было бы меня в живых...».

Надо ли рассказывать такие детали? Думаю, что надо, чтобы напомнить людям о политической бдительности, о чем, кстати, мало и редко мы пишем и рассказываем в печати. Ведь речь идет о сохранении нашего общего дома, нашей Родины.

МЕСТО СЛУЖБЫ - ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Начало Великой Отечественной войны застало меня в должности первого секретаря райкома комсомола Кировского района Перми.

Обстановка в первые дни была напряженная. Идешь, бывало, на работу, и видишь группы людей, возбужденно обсуждающих вызванные войной проблемы. Говорили о том, как дать отпор агрессору, как война отразится на их судьбе. Всех волновало, где разместить эвакуированных, где будут лечиться раненые, как будут работать предприятия.

В дни июня-июля 1941 года ко мне приходили с производства комсомольцы с настоятельными просьбами направить их добровольцами на борьбу против немецких фашистов.

Отправляю комсомольцев на фронт, а сам туда выехать не могу. На мои просьбы райвоенком заявляет: «На тебе, Сухарев, бронь». Взяла меня тогда обида и злость. Думал, думал и решил написать телеграмму в Москву Верховному Главнокомандующему с просьбой отправить меня офицером-политработником в действующую армию. Просьба была удовлетворена. Но зачислен я был не политработником, а оперативным уполномоченным особого отдела.

21 июля 1941 года я был вызван в областную военно-отборочную комиссию к сотруднику Управления НКГБ по Молотовской области Попову. Он побеседовал со мной и другими людьми, вручил анкеты, которые мы тут же заполнили. Он их внимательно прочел и сказал, что мы направляемся на службу в Советскую Армию офицерами особого отдела, но предварительно должны пройти краткосрочные курсы для особистов в Хабаровске.

Десять суток шел наш эшелон, скомплектованный из обычных товарных вагонов-теплушек со встроенными нарами.

После обучения наша группа была направлена в город Куйбышевка Восточная в распоряжение Управления особых отделов Второй особой Краснознаменной армии, где нас распределили по частям и подразделениям.

Мы, три офицера-пермяка, первоначально проходили практику по служебной деятельности в особом отделе 3-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в районе села Крестовоздвиженка и в прилегающих к ней лесных массивах Амурской области.

Ко времени окончания практики я выяснил, что в Амурской области формируется для отправки на фронт 204-я стрелковая дивизия. Обратился к начальнику управления особых отделов 2-й армии с рапортом откомандирования меня в особый отдел этого соединения. Просьба была удовлетворена.

Сотрудники отдела поздравили меня с вступлением в их коллектив. А начальник отдела подполковник Григорий Михайлович Буканов (бывший пермский чекист) немедленно принял меня для личной беседы.

Узнав, что я разбираюсь в средствах войсковой связи, он предложил мне должность оперативного уполномоченного по обслуживанию спецподразделений - отдельного батальона связи, истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона, отдельного саперного батальона, отдельного минометного дивизиона 120-мм минометов, разведывательной роты, химической роты.

Несмотря на предстоящий большой объем оперативной работы и большое количество военных объектов я согласился.

Подполковник Буканов толково, со знанием дела, детально проинструктировал меня. Посоветовал не быть высокомерным, заносчивым с солдатами и офицерами, а с командным составом подразделений иметь контакт и взаимопонимание. Эти житейские правила я выучил навсегда.

Формирование дивизии шло полным ходом, и работы особому отделу хватало.

Мы проверяли готовность к предстоящим боевым действиям людей, техники и вооружения.

Проверяя технику, находящуюся в расположении химроты, я обратил внимание на емкости с сильнодействующими отравляющими веществами (СДЯВ). В беседе с командиром и его заместителем поинтересовался: неужели эти отравляющие вещества - хлор и иприт - повезут в действующую армию, где неосторожное обращение с ними или случайный снаряд, пуля могут привести к непоправимой беде - отравлению, в первую очередь, своих же, а не фашистов? Целесообразнее оставить эти емкости на

складе воинского соединения в Амурской области. Вместо них лучше пополнить запасы средств индивидуальной защиты.

Мои рекомендации были учтены - емкости были оставлены на месте дислокации дивизии, а средства индивидуальной защиты от СДЯВ пополнены.

Побывал я и на местах дислокации обслуживаемых мною спецподразделений. Особое внимание обратил на батальон связи. Ведь он был главным объектом моей работы.

Знакомясь с личным составом, выяснил интересную деталь: некоторые солдаты-связисты - жители Амурской области - до призыва были судимы по 58-й статье Уголовного кодекса за «антисоветские преступления». Однако в личных беседах с ними выяснилось, что никакими врагами народа и антисоветчиками они в действительности не являлись. И в ходе боевых действий показали себя настоящими патриотами своей Родины. За отличное выполнение боевых заданий многие из них были награждены орденами и медалями.

А вот с командиром батальона и его заместителем по политчасти не все было благополучно. Командир по характеру оказался человеком весьма самоуверенным, высокомерным. Проверяющих не терпел, уважал только подхалимов. Со своим заместителем был в натянутых отношениях.

Комиссар же батальона - заместитель по политчасти для проведения настоящей политико-воспитательной работы среди личного состава подразделения был подготовлен недостаточно. Целевых толковых бесед с солдатами и офицерами почти не проводил.

Учитывая то, что дивизия готовилась для отправки на фронт, такое положение в руководстве батальоном было недопустимо.

Я доложил о ситуации начальнику особого отдела Буканову, а он, в свою очередь, проинформировал об этом командование дивизии. По нашему сигналу были приняты меры. Перед выездом на фронт командир батальона и его заместитель были заменены другими, деловыми, смелыми и решительными офицерами.

Иногда думаю, правильно ли тогда поступил? Скорее всего, да. Если бы управление контрразведки второй ударной, так называемой власовской, армии было более внимательным, более бдительным, то, вероятно, не случилось бы трагедии с ее личным составом и предательства.

Едва уместившись в 15 эшелонов, полнокровная стрелковая дивизия, выполняя приказ военного совета Дальневосточного фронта 12 июля 1942 года покинула пределы Амурской области.

Эшелоны шли на запад, обгоняя пассажирские поезда и экспрессы. На станциях и перегонах женщины и дети забрасывали платформы цветами. В букеты вкладывали записки: «Счастливого пути», «Скорее уничтожай-

те фашистов и возвращайтесь домой», «Отомстите извергам за смерть наших мужей».

25 июля 1942 года эшелоны соединения выгрузились на станции Орловка, северо-западнее Сталинграда. Личный состав дивизии, совершив стокилометровый марш за два дня и две ночи, сосредоточился в районе города Калач, на левом берегу Дона. С этого времени соединение вошло в состав Юго-Восточного фронта, преобразованного затем в Сталинградский фронт.

27-28 июля 1942 года, переправляясь через Дон, дальневосточники - воины 204-й дивизии шли навстречу наступающим полчищам фашистов.

Вернусь к своим делам в спецподразделениях. Перед выходом дивизии на стокилометровый марш в направлении города Калач в батальоне связи случилось ЧП, связанное с отравлением значительного количества воинов-связистов.

Батальон связи, выгрузившись на станции Орловка, расположился на отдых в лесопосадке северо-западнее Сталинграда. Было лето, тепло. Люди отдыхали, где придется. Ночь - темная, южная.

Все шло нормально. Бойцы и командиры, выпавшись, привели себя в порядок. После завтрака начальник штаба построил личный состав в походную колонну и доложил о готовности к маршу.

И вдруг люди прямо на глазах стали слабеть. На лицах многих появились синие пятна. Некоторые стали падать. Это произошло примерно через час после завтрака, который состоял из супа-ухи из хорошо просоленной красной рыбы и чая. Рыба была привезена в деревянных бочках с Дальнего Востока.

Возникло подозрение, что бойцы были отравлены, но каким способом и, главное, кем - не известно. Таких оказалось более ста человек.

Руководство особого отдела, командир и комиссар дивизии взяли меня в оборот. Почему, мол, такое случилось именно в батальоне связи? В чем причина, оперуполномоченный Сухарев, докладывая!

Я стою по стойке смирно, как провинившийся школьник, и ничего объяснить не могу. Собравшись с духом, прошу: «Разрешите все тщательно расследовать и немедленно вам доложить».

С чего начать? Видя мои затруднения, военфельдшер батальона вызвался помочь. Он тут же осмотрел места расположения войсковых подвижных кухонь. Около одной из них обнаружил и собрал некоторое количество мышьяка в таблетках. Вручил их мне, заметив, что мышьяк по своему составу немецкого производства.

Я немедленно доложил об этом руководству, высказав предположение о возможной диверсии.

Распутать этот клубок нужно было как можно скорее. Просматривались две версии. Первая: не обычное ли это пищевое отравление? По заключению военных медиков, рыба была вполне доброкачественная. Вода, которую повара брали для приготовления пищи, - тоже. Случайное попадание отравы в пищу и чай исключалось. Мышьяк, да еще и немецкого производства, в медсанбате дивизии в то время отсутствовал.

Итак, первая версия отпала. Оставалась вторая - акт диверсии. Основания так думать очень веские. Ведь мышьяк попал в батальон перед выходом дивизии на марш, перед важнейшим заданием по установлению объемной связи.

Расследование я начал с повторного опроса фельдшера батальона. Тот сказал, что мышьяк был рассыпан не кучей, а отдельными таблетками. Похоже, отравитель очень торопился или был чем-то испуган. Смертельной дозой могут быть две-три таблетки, проглоченные или съеденные целиком, а не растворенные в горячей пище или чае. То, что мышьяк был всыпан в горячую пищу, ослабило его действие.

Допросил я и повара, готовившего завтрак, но ничего путного тот сообщить не смог. Однако сказал, что на некоторое время отлучался.

Тогда я решил изучить весь офицерский состав батальона. Оказалось, почти все офицеры - люди общительные, по службе характеризуются положительно. Исключение составлял лейтенант Асламбеков. Он дружеских отношений ни с кем не заводил, держался как-то обособленно. Обычно носил с собой закрытую кожаную офицерскую сумку, с которой не расставался ни днем, ни ночью.

Асламбековым заинтересовалось управление особых отделов армии. Под предлогом дальнейшей службы он был вызван в отдел кадров штаба.

После ряда оперативных мероприятий, используя при этом все мои материалы, особисты штаба изобличили Асламбекова в принадлежности к немецкой разведке. На следствии он признался в том, что был в плену, где его и завербовали. После вербовки он получил задание внедриться в воинскую часть Советской Армии по легенде окончившего курсы офицера связи, и совершить диверсионный акт.

В период боевых операций по обороне и защите Сталинграда мне удалось предотвратить переход к немцам экипажа радиостанции.

В составе экипажа числилось пять радиосвязистов, командовал которыми лейтенант Кукса. Сама же радиостанция была оборудована в закрытой автомашине. А натолкнул меня на это дело политрук роты, в которую входил радиоэкипаж. Как-то во время одной из бомбежек пригорода Сталинграда он с болью сказал: «Что сделали с городом, гады! Сердце кровью обливается. А вот Кукса, смотрите, чуть ли не рад».

Такое поведение командира радиоэкипажа удивило и озадачило меня. Зайдя в свой блиндаж, я все обдумал и просчитал. Факт, конечно, настояраживающий. Но, проверяя его, надо было не вспугнуть и не настожить лейтенанта.

Выходило так, что мне нельзя «тянуть резину». Решаю пригласить к себе в блиндаж члена экипажа радиостанции. Только он появился, как я огорошил его: «Что ты, негодяй, делаешь, а еще комсомолец!». Парень испугался и выпалил: «Это не я, а лейтенант Кукса». И тут же все мне и выложил.

Я приказал ординарцу никого в блиндаж не допускать, а сам сообщил комиссару батальона о готовящейся измене. Сообщил и о том, что планирует эту акцию лейтенант Кукса - начальник радиостанции. Я попросил комиссара под благовидным предлогом пригласить Куксу в блиндаж, и, когда тот пришел, без предъявления ордера арестовал его и в крытой машине доставил в особый отдел дивизии. Конечно, я рисковал, но время не терпело и требовало принятия немедленных решений.

На первом же допросе Кукса признался, что по ночам без свидетелей вел через радиостанцию переговоры с немцами. Договорился перейти к ним в ночь с 6-го на 7-е ноября всем личным составом экипажа. Саму же автомашину с радиостанцией заминировать. После переговоров он собирал ночью личный состав радиостанции, подробно рассказывал обо всем, повторяя: «Немцы нас встретят хорошо. Каждому помогут. Вы будете жить без войны и останетесь живы». Предупреждал, чтобы никто не проболтался. Иначе, мол, контрразведка арестует. И тот, кого не арестуют, будет им, лейтенантом или его друзьями, убит. При такой угрозе экипаж согласился молчать.

Куксу расстреляли. Остальные радисты во всем чистосердечно признались и были прощены. Мои действия и решительность в этой ситуации получили одобрение. Но, думаю, без бдительности политрука роты события могли иметь иной оборот.

К сожалению, не все фронтовые политработники были такими. Както во время сильных боев на подступах к Сталинграду батальонный фельдшер с горечью сообщил, что политрук телефонной роты Борюшкин пришел на перевязку левой руки, якобы раненый немецкой пулей. Осматривая рану, фельдшер заметил, что выстрел произведен с близкого расстояния, рана с явными следами ожогов - самострел. Я немедленно проинформировал комиссара батальона. Борюшкин был арестован и сознался в содеянном. Свой проступок объяснил трусостью.

Война всегда сопряжена с жестокостью. Причем не только к врагу. С изменниками, диверсантами тоже, понятно, не церемонились. Но в каж-

дом случае приходилось тщательно взвешивать степень вины. И часто случилось просто спасать людей от непоправимых ошибок.

Как-то командиры саперного батальона, артиллерийского дивизиона и разведывательной роты обратили мое внимание на то, что с немецких самолетов сбрасывается газета «Правда». Бойцы подбирают ее и с интересом читают. Просмотрел я эту газету от строчки до строчки и понял, в чем дело. На первый взгляд, все в ней вроде правильно, за исключением того, что на последней странице в углу мелким шрифтом набрано обращение к русским солдатам о добровольном переходе к немцам. Словом, газета была своеобразным пропуском.

Пришлось идти к солдатам, разъяснять, что это - издание немецких спецслужб, и, значит, плохи дела у гитлеровцев, раз они идут на такие уловки.

Бывало, что приходилось буквально решать чью-то судьбу. Как-то командир саперного батальона Кильдунин привел ко мне подчиненного ему офицера в звании лейтенанта и попросил с ним разобраться, не завербован ли, дескать, он немецкой разведкой.

Вот что выяснилось. Лейтенант этот руководил группой саперов, работающих в укреплении переднего края нашей обороны, причем в ночных условиях. В ходе работы, вздремнув, спутал местонахождение наших укреплений и оказался один в блиндаже, расположенном на нейтральной полосе, простреливаемой нашими и немецкими войсками.

Трое суток находился он в этом блиндаже без воды и пищи. При попытках перейти к своему батальону подвергался обстрелу нашими и немецкими дозорами.

Рассказывая, лейтенант путался и краснел, даже плакал, доказывая, что в течение трех суток он у немцев не был. Только на четвертые сутки, не выдержав голода и жажды, решил выползти к своим. Его несколько раз обстреливали, но, услышав крики о помощи, солдаты дозора задержали его и доставили в штаб саперного батальона.

Вот такая вот история. Чему верить, где истина? К немцам он не ушел, а выполз к своим. Трое суток, по его словам, голодал. Это, кстати, подтверждалось и тем, что, когда ему принесли поесть, он, захлебываясь и давясь, без перерыва съел два котелка пищи и выпил около трех литров воды.

Завербован ли немецкой разведкой? Не похоже. Даже не высказал ни одной легенды. Я успокоил командование саперного батальона и разрешил допустить его к исполнению воинских обязанностей. В последующей службе он оправдал наше доверие, достойно проявив себя в сложной боевой обстановке, был награжден.

По плану Генерального штаба Советских Вооруженных Сил немец-

За нашу Советскую Родину

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне
СТАЛИНГРАДА

Гвардии старший лейтенант

Сухарев Всеволод Васильевич

Указом ПРЕЗИДИУМА

~~С. Сухарев~~ СССР
от 22 декабря 1942 г. награжден
медалью

«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

★
От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Сталинграда»
вручена „14“ *мая* 194 г.

А М 00966

Командир 1828 СД

Г. Генерал-майор

(должность, военное звание и подпись лица, вручившего медаль)

/ Сиваров /

кая военная группировка, возглавляемая фельдмаршалом Паулюсом, была окружена. Но немецкие солдаты не сдавались, они, особенно эсэсовцы, продолжал отстреливаться, укрываясь в подвалах разрушенных домов.

Пришлось нам тогда братья за автоматы и гранаты, чтобы выкурить их оттуда. Принял участие и я в этой операции.

Взяв трех бойцов-связистов, где перебежками, где ползком подбираемся к немцам, кричим, чтобы сдавались. В ответ - выстрелы. Тогда через дверные проемы бросаем в подвал пару гранат и стреляем. Лишь тогда фашисты, подняв руки, начинают выходить, бросая оружие.

Личный состав нашей дивизии с честью выполнил приказ.

«204-я дальневосточная стрелковая дивизия в ходе боев за Сталинград вывела из строя 24689 солдат и офицеров противника.

Сожгла и подбила 227 танков и штурмовых орудий, 247 автомашин с войсками и грузами. Захватила 903 ручных и станковых пулеметов. Сбила 12 самолетов. Захватила большие трофеи. Взяла в плен 6028 солдат и офицеров противника» (ОП-1, д-1. л-4 ЦАМО.Ф. 1225).

Первого марта 1943 года приказом Главнокомандующего 204-я стрелковая дивизия за боевые успехи была преобразована в 78-ю гвардейскую дивизию. Обслуживаемые мной спецподразделения дивизии тоже были преобразованы в гвардейские. 4317 воинов дивизии за участие в операциях по обороне Сталинграда отмечены боевыми орденами и медалями. Орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги» был награжден и я, оперуполномоченный особого отдела. Каждый воин дивизии удостоен медали «За оборону Сталинграда».

После разгрома и ликвидации группировки фельдмаршала Паулюса Сталинградский фронт перестал существовать и большое количество наших войск было высвобождено для использования на Юго-Западном фронте. Это создавало возможности наступательных операций по освобождению Украины, Курской, Орловской, Белгородской областей, Белоруссии и Молдавии.

Обстановка на фронте среди солдат и офицеров существенно изменилась. Самострелов уже не было. Трусости воины не проявляли. А если и возникали отдельные эпизоды, то таких лиц через суд направляли в штрафные роты. Виновные в боях искупали свою вину.

Воины, участвовавшие в боях по обороне Сталинграда, увидели и поняли, что можно не только обороняться, но и бить, уничтожать врага.

А у контрразведчиков появились новые задачи: выявление и установление активных пособников немецких оккупационных властей и предание их суду, поиск агентов немецкой разведки, оставленных на ранее оккупированной территории Союза. Ведь немцы при отступле-

нии не только жгли дома, но и оставляли хорошо законспирированную агентуру: разведчиков, диверсантов, бывших пособников и так далее.

По служебной надобности я был командирован в 25-й гвардейский корпус 7-й гвардейской армии генерала Шумилова, в распоряжение начальника отдела контрразведки полковника Семенова. И вот через некоторое время он вызывает меня и дает приказ. Суть такова. Отделом контрразведки 25-го корпуса арестован бывший начальник полиции одного из районов Полтавской области. На следствии он заявил, что знает место (хутора за рекой), где скрываются немецкие солдаты. И вот полковник Семенов приказывает мне: «Бери десять автоматчиков и арестованного. Переправитесь на лодках через реку. Как только Сауленко покажет место, захватите немцев и доставьте их в штаб корпуса. При сопротивлении расстреляйте».

Переправившись через реку, вошли в лесной массив, находившийся перед хуторами. Вдруг видим, как из леса побежали в тростниковые заросли люди, одетые в гражданскую одежду. Открыли по ним предупредительный огонь из автоматов. Никто из зарослей не выходит. Тогда громко объявляю: «Выходите, не бойтесь. Мы русские солдаты». Молчание. Вновь повторяю: «Выходите, а то будем стрелять по зарослям. Не бойтесь. С нами арестованный бывший начальник полиции вашего района».

После этих слов люди стали выходить и здороваться с нами. Они оказались мирными жителями с соседних хуторов. Слава Богу, что мы никого из них не убили.

Сауленко, когда мы стреляли, был доволен и слегка улыбался. Но когда хуторяне вышли невредимыми, он сник.

Вот тогда мне стала ясной вся подоплека его действий. Он, мерзавец, под предлогом поиска немецких солдат спровоцировал стрельбу, хотел руками наших солдат расправиться с прямыми свидетелями своей преступной деятельности в период немецкой оккупации.

Жители хуторов встретили нас радостно и приветливо. Женщины, плача, рассказывали о зверствах полицаев. Я допросил свидетелей, письменно подтвердивших факты преступной деятельности Сауленко. Тогда же хуторяне сообщили, что немцы расстреляли председателей сельсовета и колхоза, и попросили меня как представителя власти назначить вместо погибших других. Я спросил сельчан, кого бы они хотели видеть на этих должностях.

Такие люди нашлись. Построившись и встав по стойке смирно, мы поздравили их с назначением.

Вернувшись обратно с группой и арестованным Сауленко, я обстоятельно доложил о результатах рейда, вручил протоколы допроса сви-

детелей. Начальник отдела полковник Семенов остался доволен. Одобрил и мое решение о выборах председателя сельсовета и колхоза.

Вскоре я был назначен старшим оперуполномоченным стрелкового полка 81-й гвардейской дивизии.

При освобождении пограничного города Комаров-Комарно, что между Чехословакией и Венгрией, я получил сообщение, что здесь скрывается бывший белогвардейский офицер. Мы нашли и задержали этого человека. Им оказался Васильев, активный участник белого движения, в прошлом офицер штаба Врангеля. После отступления из Крыма находился в Турции, затем в Австрии, Чехословакии, окончательно осел в Венгрии. Учился в трех институтах, имеет профессорское звание, знает несколько иностранных языков. В ходе допроса признал свое участие в гражданской войне на стороне белых, и борьбу против Советов после ее окончания. Однако при этом заявил, что с тех пор его взгляды и убеждения изменились, ему ненавистны враги Советской России. Выразил готовность оказывать помощь контрразведке.

После проверки было принято решение не привлекать его к уголовной ответственности, а использовать его широкие возможности в выявлении вражеских агентов.

Васильев сдержал свое слово, активно включился в работу, принимал участие в ряде контрразведывательных мероприятий.

Конец Великой Отечественной войны застал меня на территории Чехословакии, где наша 81-я стрелковая дивизия уничтожала разрозненные группы немецких войск.

На рассвете 9-го мая 1945 года я вдруг услышал стрельбу. Мы все, солдаты и офицеры, быстро поднявшись, взяли в руки оружие, ждем. Мысли всякие. Например, что немцы пошли на прорыв. Команд, однако, не слышать. Зато все громче и громче стали раздаваться крики: «Ура! Победа!» Конец войне. Немцы капитулировали.

Всюду радостные лица. Нас, русских военных, поздравляют, качают. Крики на чешском языке: «Наздар! Наздар!».

Собрал нас, оперативных работников, начальник отдела контрразведки Габрилян, поздравил с Победой и обратился с напутственным словом. «Продолжайте, - говорит, - свою работу и дальше. Где бы после этой войны вы ни работали - трудитесь так же усердно и честно. Помните, что вы служили в контрразведке и гордитесь этим».

За время нахождения в действующей Советской Армии на фронте за отличное выполнение боевых заданий командования и особых заданий руководства я был награжден правительственными наградами - орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и тремя медалями «За боевые заслуги».

НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ...

В. Шильников

Шильников Всеволод Владимирович, 1916 года рождения, в органах госбезопасности служил с 1939 по 1959 годы, весь военный период на фронте.

На торжества, посвященные юбилейным датам обороны Москвы, Ленинграда, Сталинградской битвы, Всеволод Владимирович обязательно приглашается. За участие в этих сражениях он награжден медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За оборону Кавказа».

На таких встречах ветераны вспоминают наиболее запомнившиеся фронтовые эпизоды. Всеволод Владимирович обычно больше слушает,

хотя у него есть что рассказать. Свой боевой путь он начал в особом отделе Черноморского флота. С началом войны был назначен начальником особого отдела авиадивизии.

Ответственные задачи по предотвращению диверсий в местах базирования, выявлению шпионов, забрасываемых в район расположения аэродромов решали оперативные работники руководимых Всеволодом Владимировичем отделов. По рассказам можно судить об успешной работе его подчиненных. Это подтверждают и имеющиеся в его личном деле характеристики.

Из характеристики от 29 июня 1943 года на начальника отдела СМЕРШ 287-й истребительной авиадивизии 7-го авиационного корпуса майора Шильникова В.В.:

«Особдивом за пять месяцев проведено пятнадцать арестов, предупреждено групповое дезертирство, выявлено несколько трусов...»

В особенно сложной обстановке действовала 287-я авиадивизия во время Сталинградской битвы. Фашистские самолеты постоянно пытались бомбить аэродром, располагавшийся в местечке Старая Ахту-

ба, засылали немцы и лазутчиков, которые сигналами указывали цели для бомбометания.

Для борьбы с диверсантами использовались специально созданные при особом отделе подвижные розыскные группы. Руководители таких групп обучались и подробно инструктировались. При решении наиболее сложных задач группы возглавлялись оперативными работниками.

Из рассказа В. В. Шильникова: «... В ноябре 1942 года перед генеральным сражением под Сталинградом в зоне дислокации штаба дивизии одна из таких групп задержала человека в форме солдата нашей армии, который якобы разыскивал свою воинскую часть. О себе он рассказывал правдоподобно, документы не вызывали никаких подозрений. Старший группы лейтенант Рогов обратил внимание на одну мелочь - в вещевом мешке «солдата» кусок немецкого мыла. Как выяснилось при дальнейшей проверке, задержанный оказался фашистским агентом. Он был переброшен ночью на самолете и имел задание выяснить, не скапливаются ли там резервы войск, указывать сигналами цели для бомбардировок».

Важное значение в обеспечении безопасности воинских подразделений имеет характер взаимоотношений оперативных работников с командирами.

У Всеволода Владимировича были хорошие отношения с командиром дивизии, а затем корпуса Степаном Павловичем Даниловым - известным летчиком, Героем Советского Союза - и другими офицерами. Этому способствовало и то, что Всеволод Владимирович знал летное дело, окончил Харьковскую авиационную школу, мог самостоятельно летать. Он часто летал в подразделения корпуса вместе с командиром, проверял деятельность оперативного состава.

Работа эта давала положительные результаты, люди проявляли бдительность, помогали выявлять и разоблачать вражеских агентов.

Из рассказа Всеволода Владимировича: «Во время дислокации под Ленинградом, благодаря бдительности начальника метеослужбы дивизии Девятова, был выявлен заброшенный в наш тыл агент абвера. Девятов обратил внимание на, казалось бы, незначительный факт - маленький сын хозяйки ел печенье. В то время печенье было невиданной роскошью. На вопрос: «Кто угостил?» мальчик ответил: «Дядя, который живет в доме с белыми ставнями». «Дядя» оказался в форме старшего лейтенанта. При допросе он вынужден был признаться, что заброшен с самолета для сбора информации о наших войсках. В лесу находилась радиостанция, которой он пользовался для связи с разведцентром. Его деятельность была пресечена».

Из аттестации от 2 февраля 1945 года на начальника ОКР СМЕРШ 14-го истребительного авиакорпуса Шильникова В. В.:

«Благодаря умелому руководству майора Шильникова, подчиненный

ему состав помогает командованию частей и соединений в укреплении боеспособности. Разоблачая враждебный элемент в местах базирования частей, задерживал подозреваемых в шпионаже лиц, чем обеспечивал от проникновения враждебного элемента».

Использование оперативных средств, бдительность военнослужащих и гражданского населения позволяли сотрудниками отдела пресекать и другие коварные действия фашистских агентов.

Из рассказа Всеволода Владимировича: «В начале 1945 года в Прибалтике была окружена и уничтожена Курляндская группировка немецко-фашистских войск. Решающая роль в этой операции отводилась нашему корпусу. Враг упорно сопротивлялся, пытался нанести урон наступающим войскам как на поле сражения, так и в тылу. На одном из наших аэродромов взлетающий на боевое задание самолет вдруг резко накренился, развернулся и остановился. Осмотром было установлено, что одно колесо самолета получило прокол. Умелые действия летчика исключили гибель экипажа и потерю машины.

Проверка показала, что прокол произошел от наезда на специально изготовленный острый предмет, как его называли «еж». Обнаружили еще несколько таких «ежей».

Срочно был организован поиск, в котором приняли участие оперативные сотрудники, ориентировано местное население. Местный житель, мужчина преклонного возраста, сообщил, что в районе кладбища он видел человека в солдатской форме. Внимательно осматривая кладбище, в одном из склепов мы обнаружили «ежи», радиостанцию, взрывчатые и отравляющие вещества, предметы экипировки. В другом склепе оказался и сам агент. Он пытался отстреливаться, но был взят живым. Впоследствии он признался, что имел задание абвера сигналами указывать цели для вражеских самолетов и совершать диверсии».

Из служебной характеристики от 18 июня 1945 года на начальника отдела контрразведки СМЕРШ 14-го истребительного авиационного корпуса 15-й воздушной армии Шильникова Всеволода Владимировича:

«... В оперативной работе проявляет инициативу, уделяя особое внимание розыску агентуры противника, в результате чего в отделах СМЕРШ корпуса разоблачен ряд лиц, проводивших контрреволюционную работу, а также задержан агент-диверсант».

Кроме перечисленных выше наград, успешная служба Всеволода Владимировича отмечена орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, а также медалями: «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».

После окончания войны В. В. Шильников продолжал службу в Пермском управлении КГБ на различных руководящих должностях. Под его руководством и непосредственном участии были разоблачены агенты из числа фашистских пособников, вывезенные на Урал.

ПУТЬ ОПРЕДЕЛИЛА ВОЙНА

И. Пышминцев

...Когда они выехали из леса, на встречу повозке из-за скирд, стоявших по бокам дороги, неожиданно вышли два мужика. Тот, что слева, быстро взял под уздцы лошадь, второй, с цепом на плече, зашел к бричке справа.

- Папа, зулики, зулики! - закричал Ванюшка. Он хотел сказать «жулики», но не получилось,

Отец резко хлестнул лошадь, выхватил револьвер. От рывка Ванюшка ткнулся головой ему в живот, больно ударился о пряжку ремня, зажмурился и больше ничего не видел. Сзади на дороге осталась какая-то злая суета, донеслись неясные возгласы, запоздало прогремел выстрел. Через

миг бричка вылетела на взгорок и резво покатилась под уклон, скрытая листвой молодого осинника.

- Ну что, Аника-воин, испугался?

Ванюшка поднял голову. Отец улыбался. Еще раз глянув назад, он спрятал револьвер в кобуру, поправил фуражку и насмешливо передразнил сына:

- «Зулики, зулики!» Говорить-то когда научишься? Ведь седьмой год уже!

...Старший лейтенант Пышминцев встал, размял спину, прошелся по кабинету. Ну и денек! Работы по горло, дел невпроворот, а тут еще всякая чепуха лезет в голову. Обдумывал сведения, в очередной раз поступившие из Губахинского горотдела ОГПУ, и незаметно, по какой-то прихотливой логике мысли переключился на воспоминания детства. Тогда, в конце 20-х годов, они с отцом, работавшим оперуполномоченным ОГПУ, бесконечно колесили по Южному Уралу, особенно по Шадринскому, Катайскому, Долматовскому районам. Время было беспокойное - коллективизация, то тут, то там поднимали голову кулаки. Отцу оставить Ванюшку было не с кем, при-

ходило часто брать с собой, вот и происходили порой на его глазах такие встречи, как эта, которая непроизвольно всплыла сейчас в памяти.

Впрочем, нет, пожалуй, не совсем случайно вспомнился ему эпизод из далекого детства. Ведь задумался он о себе не просто так, а в связи с делом, потому что задал себе вопрос: можно ли полагаться на чутье? Не обманывает ли его интуиция? Ведь на дворе - 1951 год, война давно закончилась, но... Из Губахи опять сообщали: в поселке шахты «Нагорная» несколько спецпоселенцев, бывших карателей «Туркестанского легиона», регулярно собираются на квартирах, обсуждают текущие события, поют «Гузал Туркестан». С одной стороны - ничего особенного. Ну, подумаешь, встречаются, выпивают, песни поют. А с другой стороны... Нашелся в Нагорном человек той же национальности, перевел слова «Гузал Туркестан». Оказалось - националистический гимн с антисоветской направленностью. Но опять же, чего иного ждать от бывших легионеров? В плену подвергались антисоветской обработке, пошли служить немцам... За это и наказаны - каждый получил по шесть лет спецпоселения. Через год-другой срок у многих заканчивается, им разрешат вернуться домой. Так какой им смысл идти на столкновение с властью, демонстрировать антисоветские настроения? Вот если кто-то эти настроения умело поддерживает, а еще хуже - разжигает...

Пышминцев вновь сел за стол, придвинул к себе бумаги. Внутреннее чутье подсказывало: тут что-то есть. А он привык доверять интуиции. Взять хотя бы тот же случай из детства. Ведь не было в тех мужиках, вышедших на дорогу, ничего такого угрожающего. У одного, правда, цеп на плече, но ведь шла жатва, скоро молотьба... А он почувствовал опасность даже раньше отца, закричал свое шепелявое «зулики».

Может, и впрямь наградила его природа каким-то особым чутьем? А может, просто развилась в нем способность по мельчайшим деталям чувствовать людей и обстановку... Развилась благодаря довольно редкой гражданской специальности. Окончив перед самой войной горный техникум, работал Пышминцев рудничным маркшейдером. В 1940 году, прибыв с Урала в Забайкалье, на вольфрамовый рудник «Редмет», он был одним из немногих молодых специалистов, владеющих этой профессией.

Маркшейдер - лоцман земных глубин. Геологи нашли месторождение, указали границы подземной кладовой. А как до нее добратся, куда пробивать стволы, штреки, штольни? Для этого надо знать, какие «полки» этой кладовой пусты, какие - так себе, а какие полны

богатства. Словом, нужен подробный план месторождения с указанием глубин, мощности и структуры пластов, угла их наклона и многого другого. Работа еще не началась, а маркшейдер, стоя на поверхности, должен мысленно заглянуть в глубь земли, пользуясь косвенными данными и результатами измерений, ясно представить себе все, что находится под ногами. Определить невидимое, очертить скрытое, описать недоступное - вот в чем суть маркшейдерского дела. Тут без особого чутья не обойтись...

Не так ли и в работе с людьми, особенно в чекистской работе? По неувимым штрихам, по мельчайшим черточкам - выражению глаз, походке, интонации голоса - определить настроение, характер человека, его цели, тайные устремления... Сегодня, в мирные дни, когда прямых вооруженных столкновений с вражеской агентурой стало гораздо меньше, на первый план выходит именно такая, психологическая борьба с противником. Тут нужны воля, ум, проницательность, умение нестандартно мыслить...

Пышминцев вздохнул, задумчиво перелистнул бумаги. Ну, положим, чутье-то у него все же есть. Вот тогда, например, в 40-м году, предчувствовал, что война будет. К таким опасениям приводила сама обстановка, которая складывалась и в Европе, и в таежном Забайкалье. Их горняцкий поселок находился неподалеку от границы с Маньчжурией, где хозяйничали японцы. Соседство было беспокойное, то и дело случались провокации, попытки агентов Маньчжоу-Го проникнуть на советскую территорию. Пограничники часто обращались на рудник за помощью. Ивану Пышминцеву, секретарю комсомольской организации, вместе с другими активистами пришлось как-то раз участвовать в поиске нарушителей границы, в прочесывании леса. Но мысли о том, чтобы стать чекистом, у него тогда не было.

Все изменила война. С первых ее дней Пышминцев просился на фронт, но ему, как и многим другим, было отказано: специалисты рудника имели бронь, они обязаны были трудиться в тылу, поставляя заводам стратегический металл вольфрам - ценный компонент для легирования стали. Только в феврале 1942 года молодой горняк был зачислен в состав 1-го Читинского добровольческого лыжного батальона. Укомплектованный в основном коммунистами и комсомольцами, он имел особую задачу: предназначался для глубоких рейдов по тылам немецко-фашистских войск.

В Челябинске, где читинцы проходили подготовку, Иван с нетерпением ждал отправки на фронт. Но неожиданно его вызвали в штаб, объявили, что из батальона он отчисляется. Приказали сдать

теплое суконное обмундирование, новенький полушубок, выдали взамен старое, бывшее в употреблении «хэбэ», засаленную телогрейку и велели ждать указаний. В голову полезли нехорошие мысли. Неужели не доверяют? Может, из-за отца?

Отец Ивана долгое время работал в органах НКВД вместе с Берзиным - тем самым, знаменитым Берзиным, при участии которого в восемнадцатом году в Петрограде был раскрыт заговор Локкарта, известный еще как «заговор послов». В 20-х годах они работали на строительстве Вишерского бумкомбината, в 30-х вместе уехали на Колыму на «Дальстрой». В 1937 году, будучи в Перми во время отпуска, отец узнал об аресте Берзиня и его ближайшего окружения. Что было делать? Отец в Магадан не вернулся, он исчез и целый год где-то скрывался, избежав таким образом ареста. Только в конце 1938 года он явился в НКВД, после чего был исключен из партии и уволен из органов внутренних дел. К застарелой боли в сердце Ивана теперь добавлялась еще одна: неужели страданий отца недостаточно и надо, чтобы страдал сын? Неужели ему будет отказано в доверии, в праве защищать Родину? Тяжелые думы терзали день и ночь...

Генерал критически оглядел с ног до головы Пышминцева и двух его спутников. Вид у них был весьма неприглядный: стоптанные сапоги, мятые брюки, рваные телогрейки... Генерал покачал головой:

- Где это вас так одели?

Тот солдат, что стоял справа от Пышминцева, ответил:

- Отчислены из 1-го Читинского добровольческого лыжного батальона, товарищ генерал.

Пышминцев уловил, как генерал едва заметно поморщился. Потом он вышел из-за стола, приблизился к ним.

- Значит, так. Сейчас немедленно - в баню. Все это, - он брезгливо обвел пальцем их обмундирование, - вплоть до носовых платков, снять и бросить. Получите новую форму. И запомните: вы не «отчислены», а отозваны для обучения на курсах подготовки оперативного состава при особом отделе НКВД Уральского военного округа. Для этого и прибыли в город Свердловск. Ясно?

- Так точно, товарищ генерал! - бодро ответил за всех Пышминцев.

Курсы при особом отделе УралВО, как и все подобные курсы в тот критический период войны, были недолгими. Пышминцев окончил их уже в апреле 1942 года. Молодой чекист Иван Пышминцев набирал опыт новой работы, проходя службу в качестве оперуполномоченного особого отдела 44-й запасной стрелковой бригады УралВО. Здесь ему приходилось главным образом сопровождать на

фронт маршевые роты. Состав их был разношерстным. Формировались они за счет молодых солдат, призванных из резерва и еще не нюхавших пороху. Вливались в них и те, кто уже успел повоевать и вновь вставал в строй после госпиталя. Были и такие, кто еще до войны вступил в конфликт с законом и прибыл в запасную бригаду из мест заключения. Всех этих людей предстояло сплотить, сделать единым боевым коллективом. А для этого необходимо было знать личный состав, хорошо изучить характеры и биографии солдат и офицеров. Пышминцев беседовал с каждым, кто прибывал в бригаду. Вот гдегодились и верный глаз, и цепкая память, и профессиональное чутье рудничного маркшейдера!

Сержант Василенко, направленный в бригаду после излечения в госпитале, сразу чем-то не понравился Пышминцеву. Во время беседы ерзал на стуле, не выдерживал пристального взгляда - отводил глаза. Казалось бы, ну и что? В послужном списке Василенко значилось, что воевал он на Волховском фронте, командовал отделением, был ранен в плечо, после излечения признан годным к строевой. По всему выходило - нормальный солдат. Но Пышминцева не оставляло ощущение неуверенности, беспокойства. Своими сомнениями он поделился со старшим оперуполномоченным отдела Долголевым. Понаблюдав за Василенко, тот заявил, что сержант действительно заслуживает внимания. «Глаз у тебя верный, - сказал Долголеев молодому чекисту. - Тут что-то есть. Действуй».

Пришлось осторожно поинтересоваться, как ведет себя Василенко среди красноармейцев. И скоро выяснилось: в узком кругу солдат он нередко высказывает пораженческие настроения, восхваляет мощь гитлеровской армии, намекает бойцам, что ради сохранения жизни лучше всего по прибытии на передовую сдаться в плен. Когда Василенко арестовали, за подкладкой его бушлата нашли немецкие листовки, которые могли служить пропуском для перехода на сторону врага.

На допросе Василенко признался, что действительно был ранен и пленен немцам. Под угрозой расправы над близкими родственниками, оставшимися на оккупированной территории Украины, он смалодушничал и согласился на сотрудничество с гитлеровской разведкой. При вербовке получил задание вести пораженческую агитацию, склонять советских солдат к измене. Гитлеровцы перебросили Василенко в расположение наших войск, оттуда он как раненый был направлен в госпиталь, а затем - в запасную бригаду. Встреча с Пышминцевым оборвала деятельность вражеского агента...

Для предателя все закончилось, а для молодого чекиста Пыш-

СПРАВКА

Выдана

лейтенанту Тышынцеву Ивану М. Громы

в том, что ему приказами Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища СТАЛИНА, за отличные боевые действия объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ:

1. По освобождению г. Константиновка (Донбасс). Приказ № _____ от 7 сентября 1943 г.
2. " г. Чаплино (Днепропетровская обл.) Приказ № _____ от 10 сентября 1943 г.
3. " г. Запорожье. Приказ № _____ от 13 октября 1943 г.
4. " г. Казанка, Новый Буг (Николаевская обл.) Приказ № 20 от 9 марта 1944 г.
5. По овладению г.г. Яссы, Тыргул-Фрумос, Унген (Румыния) Приказ № 153 от 22 августа 1944 г.
6. " г.г. Роман, Бакэу, Бырлад, Хуши (Румыния). Приказ № 160 от 24 августа 1944 г.
7. " г. Дебрецен (Венгрия). Приказ № 200 от 20 октября 1944 г.
8. " г. Ньиредьхаза (Венгрия). Приказ № 202 от 22 октября 1944 г.
9. " г. Будапешт (Венгрия). Приказ № 277 от 13 февраля 1945 г.
10. По разгрому группировки противника юго-вост. Будапешта Приказ № 306 от 24 марта 1945 г.
11. По овладению г. Дьер (Венгрия). Приказ № 315 от 28 марта 1945 г.
12. " г. Мадьяровар (Венгрия). Приказ № 329 от 3 апреля 1945 г.
13. " г. Вена (Австрия). Приказ № 334 от 13 апреля 1945 г.

№ 24811

Подполковник

Соговой

минцева только начиналось. Ему предстояло набираться опыта - и солдатского, и чекистского. Путь в профессию, которая станет делом жизни, для него определила война...

Наряду с участием в боевых действиях Иван вел контрразведывательную работу в полку, лично вскрыл и предотвратил ряд готовящихся преступлений - таких, как измена Родине, дезертирство, умышленное членовредительство (самострел). На территории, освобожденной от оккупантов, он участвовал в расследовании злодеяний немецко-фашистских захватчиков, выявлял их пособников.

В августе 1944 года полк Пышминцева стоял возле румынского города Ботошани, закрывая путь отходящим на запад немецким частям, разбитым в Ясско-Кишиневской операции. То были памятные для Ивана дни. Однажды ночью вдруг поднялась бешеная стрельба, суматоха - как потом выяснилось, фашистская группировка пыталась выйти из окружения через расположение их полка. Пышминцев не растерялся, организовал отпор, а потом возглавил преследование врага... Немцам не удалось прорваться. За этот бой Иван был награжден орденом Красной Звезды. Потом были бои за Плоешти, Брашов, Дебрецен - и новые награды: медали за взятие Вены, Будапешта, за победу над Германией...

А после войны с 1948 до 1982 год Иван Пышминцев служил на различных руководящих должностях в Управлении КГБ по Пермской области, вышел в отставку полковником. Мне неоднократно приходилось встречаться с ветераном, записывать его воспоминания. Одна из ярких операций, проведенных им в начале 1950-х годов в Пермской области, была нацелена на разоблачение подпольной организации бывших гитлеровских пособников, членов «Туркестанского легиона» - об этом рассказывается в очерке «День фатиха», опубликованном в конце 1980-х годов.

Ныне полковника Пышминцева уже нет с нами, но в год 55-летия великой Победы мы вновь вспоминаем о нем - о человеке и чекисте, жизненный путь которого определила Великая Отечественная война.

ЗА ХРАБРОСТЬ, СТОЙКОСТЬ И МУЖЕСТВО...

За безупречное выполнение заданий командования оперуполномоченная 1-го отделения 6-го полевого отдела 5-го Управления НКГБ Россихина Ольга Павловна в марте 1944 года награждена медалью «За боевые заслуги». Этот отдел тогда действовал в составе Приморской армии, используя радиоперехват для получения информации о противнике. Данные, которые удалось добыть Ольге Россихиной, способствовали раскрытию замыслов противостоящих Приморской армии фашистских дивизий.

А потом были 2-й Белорусский и 4-й Украинский фронты. Боевой путь Ольги притянулся от Кавказа через

Польшу до самой Германии. Он отмечен медалями «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Ее служба в органах госбезопасности начиналась в Перми, где в 1937 году она закончила среднюю школу № 48, а в 1941 - педагогический институт, работала в школе села Уинское.

Из характеристики члена ВЛКСМ Россихиной Ольги:

«... проявила себя как активная, дисциплинированная комсомолка, работала пионервожатой в школе, с работой справлялась хорошо. Политически развита...

Секретарь комсомольской организации школы - Бутырина.

12 декабря 1941 года».

Документ обкома комсомола от 10 декабря 1941 года:

«В областное Управление НКВД тов. Васильеву.

Молотовский обком ВЛКСМ направляет к Вам комсомолку Россихину Ольгу Павловну.

Секретарь Молотовского обкома ВЛКСМ Мальгин».

С декабря 1941 года по июль 1942 года Ольга Павловна работала в спецотделе УНКВД Молотовской области, затем училась в Свердловской межкраевой школе НКВД. После окончания школы была командирована в Москву, где с января 1943 года работала в качестве пом. Оперуполномоченного 1-го отдела 5-го Управления НКГБ СССР.

В августе 1943 года попросилась на фронт. Просьба была удовлетворена. И с этого времени до конца войны Ольга Россихина находилась в действующей армии.

По служебным аттестациям командования оперативные задания выполняла грамотно, четко и своевременно, проявляла инициативу.

В мае 1945 года ей было присвоено звание лейтенанта.

Из характеристики на присвоение этого звания оперуполномоченному 6-го полевого отряда 5-го Управления НКГБ Россихиной:

«... По работе зарекомендовала себя исключительно с положительной стороны. Оперативные задания выполняла своевременно и добросовестно. Среди сотрудников отдела пользуется авторитетом и уважением. В служебной деятельности дисциплинирована и бдительна. Занимаемой должности соответствует...»

В 1946 году Ольга Павловна вернулась в Пермь и продолжала работать в Управлении МГБ-КГБ по Пермской области.

Из аттестации от 5 февраля 1955 года на инспектора 2-го отделения 1-го спецотдела УМВД Молотовской области Россихину О. П.:

«... Работу освоила хорошо, к порученному делу относится добросовестно...»

Из характеристики от 7 октября 1967 года:

«... Большую работу проделала по приведению в порядок фондов. Чутко и внимательно относится к рассмотрению заявлений граждан. Успешно ведет справочную работу...»

За многолетний добросовестный труд в 1954 году она была награждена второй медалью «За боевые заслуги».

Есть и такая запись в ее личном деле:

«За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов награждена орденом Отечественной войны II степени».

Неоднократно поощрялась Ольга Павловна премиями, объявлялись ей благодарности, награждена медалями «XXX лет Советской Армии», «20 лет Победы», «30 лет Победы», «40 лет Победы».

Ольга Павловна продолжала трудиться и после выхода на пенсию в 1974 году. Свой трудовой путь закончила в 1992 году, уже в возрасте 74 лет.

ОСВОБОЖДАЯ БЕЛОРУССИЮ

В. Соколов

Начало четвертого года Великой Отечественной войны ознаменовалось крупнейшим наступлением Советской Армии на центральном направлении.

23 июня 1944 года бойцы 1-го, 2-го и 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов после массовой артподготовки вступили в решительное сражение. Прорвав линию обороны немцев, наши войска уже 26-го июня освободили город Витебск, 27-го - Оршу, 28-го - Бобруйск, 3 июля - Минск, 16-го - Гродно, 28-го - Брест и к началу августа очистили от захватчиков всю территорию Белоруссии.

Эта операция, носившая кодовое название «Багратион», сыграла огромную роль в деле окончательной победы советского народа над гитлеровской Германией. В августе того же года перешли в наступление войска Украинских и других фронтов, и в декабре 1944 года враг был изгнан из пределов нашей страны.

Операция «Багратион» готовилась генштабом очень тщательно и в глубокой тайне. Для дезинформации противника на южных участках фронта проводились ложные сосредоточения крупных масс войск и другие мероприятия, целью которых являлось создание видимости о готовящемся наступлении на юге страны.

В то же время в районе действия Белорусских фронтов, в тылу у немцев активизировалась деятельность нашей разведки и партизан. Для этого в начале 1944 года за линию фронта были заброшены несколько разведывательно-диверсионных групп.

10 января 1944 года в Налибокскую пушу в район действий партизанских отрядов под командованием Платона (Василия Ефимовича Чернышева - первого секретаря Барановического обкома компартии Белоруссии, Героя Советского Союза, генерал-майора) была заброшена спецгруппа НКГБ БССР. Называлась она «Стремительные»

и имела в своем составе 10 человек. Командиром группы был старший лейтенант Геннадий Сергеевич Юров, а заместителем по оперативной работе наш земляк, лейтенант Валерий Петрович Соколов, уроженец села Архангельское Кудымкарского района. В группу также входили Петр Панов - специалист по взрывному делу, радист и шесть бойцов, из которых трое хорошо знали район выброски.

Район, кстати, был выбран не случайно. Город Барановичи имел важное военно-стратегическое значение. Это крупный железнодорожный узел, через который противник с Брестского, Гродненского и Вильнюсского направлений питал фронт свежими войсками, боевой техникой, боеприпасами и продовольствием.

Группа должна была была готовить диверсии на железнодорожных магистралях и других коммуникациях немцев, обеспечивать советское командование разведывательной информацией.

«... Группа «Стремительные» действовала на территории Новогрудского, Городищенского и Новомышского районов бывшей Барановичской области. Проводила диверсионные акты на коммуникациях противника; участвовала в боевых столкновениях с немецко-фашистскими захватчиками. Ею подорвано четыре вражеских эшелона, один бронепоезд и пять автомашин... 7 июля 1944 года группа соединилась с частями Советской Армии...» (Из справки №10/7855 от 18.07.86 г. КГБ БССР).

В копиях наградных листов, а также в боевой характеристике от 21 сентября 1944 года указано, что «В. П. Соколов, находясь в тылу противника, в нескольких населенных пунктах установил связи с советскими патриотами, получал от них сведения о движении вражеских эшелонов и другую разведывательную информацию. Ему удалось установить контакты с несколькими охранниками из батальона «Самооховы». Эти подразделения создавались немцами для охраны своих объектов из арестованных, но нередко использовались в карательных операциях против партизан. Соколов так поработал, что большая часть батальона перешла на сторону партизан.

Валерий Петрович лично участвовал в подрыве двух вражеских эшелонов с боеприпасами и военной техникой. В боях и столкновениях с гитлеровцами проявил себя как смелый, храбрый и инициативный командир. На его личном счету 49 убитых фашистов. За мужество и героизм награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» II степени.

В конце мая 1944 года в одной из схваток с немцами он был тяжело ранен и эвакуирован за линию фронта» (из личного архивного дела № 2917 сотрудника органов КГБ, хранящегося в УКГБ по Могилевской области Белоруссии).

Я знал Валерия по совместной учебе в Исовском горном техникуме Свердловской области в 1937-1941 годах. Он учился на геолого-разведочном отделении, а я - на маркшейдерском.

Это был скромный, застенчивый юноша, казалось, неспособный обидеть и муху. Но как он преобразился, когда над страной нависла угроза фашистского порабощения. В июле 1941 года В. П. Соколов был призван в ряды Советской Армии и направлен на учебу в Свердловскую летную школу, а через год продолжил службу в учебном батальоне 365-го запасного полка в городе Чкалове. В марте 1943 года он из учебного батальона был отозван и направлен на учебу в Московскую школу Главного управления контрразведки СМЕРШ, после окончания которой в конце того же года подал рапорт о направлении его в тыл противника для выполнения специального задания.

Пройдя специальную разведывательно-диверсионную подготовку вместе с Г. С. Юровым, он, как указывалось выше, был выброшен в составе группы «Стремительные» в тыл к немцам.

После излечения в госпитале В. П. Соколов продолжал службу в органах госбезопасности, но в марте 1946 года по состоянию здоровья (инвалидностью в связи с ранением) был уволен в отставку.

Длительное время он работал в системе «Уралалмаз» в Красновишерском районе и Пермском геологоразведочном тресте.

В 1983 году Валерия не стало. Сказались ранения и контузия, полученные в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

ДЕСАНТ ЗА ДНЕПР

Я. Оглезнев

Я хочу рассказать о нашем земляке подполковнике Якове Ермолаевиче Оглезневе. В 1934 году он был направлен в органы госбезопасности и почти четверть века отдал этой работе.

Великая Отечественная война застала его в должности начальника Верещагинского РО НКВД. В ноябре 1941 года он получил назначение в особый отдел 11-й воздушно-десантной бригады. В 1943 году особые отделы были преобразованы в отделы контрразведки НКО «Смерть шпионам», сокращенно СМЕРШ.

Начальник контрразведки СМЕРШ 6-й гвардейской тяжелой минометной дивизии Северо-Западного фронта, 3-й воздушно-десантной бригады 2-го Украинского

фронта и 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады 1-го Украинского фронта - таковы вехи боевой биографии Якова Оглезнева. На его счету было немало обезвреженных фашистских шпионов и карателей, довелось ему и командовать десантниками в тылу врага, водить их в атаку и стоять насмерть в обороне, заниматься разведкой и многими другими делами, которые выдвигала боевая обстановка.

Несколько лет назад мне довелось побывать в Калининграде, встретиться с Оглезневым. Из многих боевых эпизодов, рассказанных им в дни нашей встречи, мне запомнился воздушный десант за Днепр.

Это было осенью 1943 года. Вспоминая то время, Я. Е. Оглезнев рассказывал: «Командованием 1-го Украинского фронта было решено выбросить в тыл немецко-фашистских войск в район Велико-го Букирина две воздушно-десантные бригады. Перед ними ставилась задача: захватить и держать до подхода наших основных сил

плацдарм, отвлечь на себя немецкие части, не дать противнику возможность подбрасывать к Днепру подкрепление. Операция была рассчитана на три дня, а пришлось сражаться в тылу врага почти три месяца. И вот почему.

«Командование немецких войск, - читаем в «Воспоминаниях и размышлениях» маршала Г. К. Жукова, - срочно бросило против наших войск, захвативших плацдарм, крупную группировку в составе 24-го и 48-го танковых корпусов и до 5-и пехотных дивизий.

Они нанесли контрудар по нашим переправившимся войскам и сковали действия на плацдарме» (том 2, стр. 200).

Мы не знали, что придется опускаться на это скопище врага, порой прямо в расположение немецких частей. Фашисты встретили наши самолеты мощным заградительным огнем зениток. Летчики вынуждены были отворачивать, менять курс, и десант оказался рассеянным в радиусе свыше 100 километров. Многие наши воины пали смертью храбрых в первые же минуты после высадки.

Я приземлился на картофельное поле. На другой день встретил группу своих во главе с капитаном Нехорошко. Затем еще несколько бойцов, позднее соединились с десантниками во главе с капитаном Полиничко. Как старший по званию, я принял командование отрядом, в котором уже было более ста человек. Вооружение - автоматы, три станковых и два ручных пулемета, ротный миномет. Продвигались с боями, сбивали вражеские засады и опорные пункты, громили небольшие гарнизоны в деревнях, отбиваясь от преследования карателей, шли в направлении села Пийя, где должны были собраться подразделения бригады.

Однажды, после тяжелого боя, в два часа ночи отряд подошел к реке Ольшанка. Она оказалась довольно глубокой. Примерно в двух километрах выше по течению разведчики обнаружили мост. Когда часть отряда десантников уже перешла его, вдруг начали рваться мины. Фашисты выследили нас. Я отправил разведку прочесать подходы к реке. Вскоре они привели высокого хмурого мужчину в полицейской форме. «Вот, товарищ гвардии майор, около хутора из кустов выволокли». Задержанный признался, что служит в немецкой охранной полиции, ему было приказано тайно наблюдать за мостом и, если появятся советские парашютисты, немедленно подать сигнал ракетами, что он и сделал, а напарника с донесением направил на немецкую батарею, открывшую огонь по парашютистам. От полиции узнали, что два дня назад все жители хутора были расстреляны эсэсовцами за то, что укрыли раненых парашютистов.

Под утро, когда отряд выходил с места расположения, в перелес-

ке справа затрещали автоматные очереди. Десантники приготовились к бою. Разведчики обнаружили на проселочной дороге два грузовика, а невдалеке от них 20-30 эсэсовцев. Разом ударили автоматы десантников, ни одному из карателей не удалось уйти.

Когда я подошел к месту боя, увидел трупы девяти зверски замученных десантников, лежавших в неглубокой яме. Фашисты расстреляли их незадолго до нашего прихода. Похоронив боевых товарищей, мы двинулись дальше.

На пятнадцатый день после высадки к нам с группой из десяти человек присоединился командир 5-й воздушно-десантной бригады подполковник М. И. Сидорчук. Ему я и передал командование отрядом, став его заместителем. Теперь у меня появилась возможность непосредственно заниматься своим делом - разведкой и контрразведкой.

Отряд рос не по дням, а по часам. Теперь он насчитывал уже около 800 человек. К нашим операциям подключились и действовавшие здесь местные партизанские отряды. На шоссе и железной дороге гремели взрывы, уничтожались целые вражеские гарнизоны. Фашисты были вынуждены бросать против нас крупные части, снятые с фронта, танки и артиллерию.

Десантники дрались героически, наладили радиосвязь с Большой Землей, откуда получали боеприпасы и оружие.

Хорошо помогали нам и местные жители. Особо выделялся среди них дед Сергей, с которым я познакомился в хуторе Пищальники. У него был свой счет фашистам: каратели на его глазах сожгли заживо в хате сына, сноху и трех внучат. Он умел везде проникать, все видеть, слышать и запоминать, скрытно проводить десантников на операции. С его помощью провели операцию по уничтожению военной базы и саперного батальона вблизи Черкасского леса.

В Черкасском лесу наши разведчики и диверсионные группы взрывали мосты, уничтожали узлы связи, автоколонны и другие объекты. Нами была хорошо изучена система обороны фашистов по Днепру в пределах действия отряда в ее тактической глубине. Разведданные сообщали штабам фронта и 52-й армии, действовавшей на этом участке. Не ослаблялась работа и по выявлению вражеской агентуры, пытавшейся проникнуть к нам с заданием абвера. За время пребывания в тылу врага был ликвидирован не один десяток предателей и агентов. Так, в Каневском лесу был арестован некий Марошниченко, выдававший себя за коммуниста и патриота. Но при тщательной проверке оказалось, что он бывший полицей, окончивший немецкую разведшколу. В Тагинском лесу был выявлен фашистский лазутчик, имевший диверсионное задание - отравлять источники питания и воды».

Боевые действия десантников в тылу противника позволили основным силам Советской Армии успешно форсировать Днепр, захватить и расширить плацдарм на западном берегу реки. В середине ноября четыре батальона десантников, выполняя приказ командира 52-й армии, нанесли удар с тыла по укрепленным пунктам немцев. Этим они очень помогли частям 254-й стрелковой дивизии форсировать Днепр и успешно провести наступление. Почти все участники десантной операции были удостоены правительственных наград. Троице из них было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, а Якову Оглезневу был вручен орден Ленина.

Уходят годы, редуют ряды ветеранов, подрастает новое поколение, для которого Великая Отечественная уже история. И наш долг - долг фронтовиков, вернувшихся живыми, - рассказать правду о пережитом, о тех, кто отдал жизнь за честь и свободу нашего Отечества. Наш народ одержал победу не только силой оружия, но и силой духа!

ДАЛЕКОЕ ЭХО ВОЙНЫ

И. Володин

В двадцати пяти километрах от Чердыни среди дремучих когда-то лесов вдоль большого озера раскинулась деревня Большие Долды. На заре советской власти она на всю округу славилась своей знаменитой судоверфью. Здесь в 1910 году в семье лесообъездчика родился Иван Григорьевич Володин. Его прадед, дед, бабушка и мать были потомственными работниками судоверфи. Мужчины - кузнецами, женщины - конопатчицами.

Рано Иван Григорьевич лишился отца. В 1915 году тот ушел на фронт, вскоре был ранен и вернулся домой. Но так уж распорядилась

судьба, что всего лишь два года довелось ему поработать комиссаром Пянтежской волости. В декабре 1918 года его схватили белогвардейцы, зверски издевались над ним, а потом расстреляли.

Может быть, это и определило дальнейшую судьбу Ивана Григорьевича. Несмотря на тяжелое время, он окончил школу крестьянской молодежи, и в 19 лет комсомол направил его в органы госбезопасности, с которыми была потом связана вся его дальнейшая жизнь. Приходилось работать в Чердыни, Самаре, Кизеле. После окончания новосибирских двухгодичных ускоренных курсов чекистской школы он направляется в Губаху.

Тяжелое это было время. Происходящие события в стране и у нас на Урале породили тысячи банд. Они доставляли немало хлопот местным жителям. Злодеяния следовали одно за другим. В селе Сергеево бандиты убили председателя сельского Совета, через три месяца - председателя Вызовского сельского Совета. Потом для того, чтобы раздобыть оружие, они убивают участкового милиционера Лушников (ему отрубают голову и тело бросают в Вишеру).

Не успели закончить эти расследования, как дает о себе знать банда под командованием белогвардейского штабс-капитана, бежавшего из Вишерского лагеря. Она обосновалась в здешнем лесу и на-

чала заниматься мародерством, грабила леспромхозовские склады. Бандиты убили кладовщика, закололи вилами бухгалтера.

Иван Григорьевич в составе группы чекистов под руководством Н. Попова участвует в ликвидации этой банды. В одной из перестрелок был ранен, но банду удалось ликвидировать.

Приходилось вести борьбу и со всякого рода вредителями. Однажды в селе Шахша были сожжены скирды с хлебом. Люди начали голодать. Пришлось оперативно вмешаться в это дело, чтобы беда не повторилась. Четкая работа с местными жителями позволила установить и обезвредить преступников.

Будучи бескомпромиссным по отношению к бандитам, диверсантам, Иван Григорьевич чутко относился к честным людям. Хотя за это подчас приходилось платить дорогой ценой. Так, в 1938 году, работая в Чердынском РО НКВД, он получает задание от начальника отдела Фокина подписать ордер на арест и применение мер пресечения на группу граждан, огульно обвинявшихся в принадлежности к иностранной разведке. Иван Григорьевич знал, что эти люди не способны на предательство, и отказался подписать ордер на арест. Тогда его «отправляют» сопровождать арестованных в Нижний Тагил и одновременно поручают «доставить» пакет в УНКВД Свердловска. Но после сдачи пакета Ивана Григорьевича арестовывают и помещают в одну камеру с подполковником-чекистом Николаем Александровичем Черных - начальником Кировского РО КГБ. Освобожден был Володин лишь после вмешательства в это дело представителя центра.

Война застала Ивана Григорьевича в Губахе. Он неоднократно подавал рапорт об отправке на фронт, но всякий раз получал отказ. Лишь в 1942 году просьбу его удовлетворили. Служил в качестве начальника особого отдела 14-й гвардейской дивизии имени Яна Фабрициуса.

Пришлось воевать на разных фронтах: Сталинградском, Юго-Западном, Степном, Первом Украинском. Дорогами войны прошел по Украине, Румынии, Польше, Чехословакии.

Его задача от первого до последнего дня - обеспечение безопасности дивизии. А это значит - выявление диверсантов, агентов противника. Обычно немцы забрасывали двух агентов для кратковременной разведки. Надо было строить свою работу так, чтобы обезвредить их в самые кратчайшие сроки.

Однажды в боевой жизни Ивана Григорьевича случилось, что все пришлось решать самому. Часть полка была смята противником. На восстановление сил требовалось время. Но немцы захватили де-

ревню, парализовав любое передвижение дивизии, даже одиночное. Связь с командованием установить не удалось. Враг мог начать наступление и в любую минуту уничтожить дивизию. Надо было что-то предпринимать. В это время в дивизии находилось около 300 дезертиров, старост, агентов и диверсантов. Иван Григорьевич принимает решение. Он предлагает им взять оружие в руки и занять деревню. Если они выполнят эту задачу - будет перечеркнуто их прошлое. Все соглашаются. Ценой 40 их жизней дивизия была спасена. За эту операцию он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Нельзя не вспомнить и такой случай. В июне 1943 года под Белгородом, еще до битвы на Курской дуге, командующий Степным фронтом генерал Конев решил провести военный совет на территории 14-й гвардейской дивизии. На Ивана Григорьевича была возложена задача по обеспечению безопасности совещания, на которое должны были прибыть около 300 полковников и генералов шести армий, корпусов и дивизий. В условленное место он отправился с тремя офицерами и ротой автоматчиков. Заранее были расставлены посты и контрольные пункты. Все было готово к проведению совещания. Менее чем за час до его начала Володин получает шифровку от начальника УКР о срочном изменении места проведения совещания. Пришлось действовать максимально оперативно, чтобы определить новое. Оно было выбрано в 3-х километрах северо-восточнее прежнего. Были приняты также все меры, чтобы ни один из участников совещания не прибыл по старому адресу. Совещание началось в строго назначенное время. И вдруг из района Харькова появилось около 70 самолетов противника, которые начали массированно бомбить первоначальное место проведения совещания. Таких налетов противник сделал три. Как потом выяснилось, немцам было известно о месте проведения такого крупного совещания, но наш разведчик, работавший в разведцентре противника, успел предупредить об этом.

Боевой путь подполковник Володин закончил на Дуклинском перевале в сентябре 1944 года. После трех ранений и четырех контузий он вынужден был вернуться в тыл.

Пять орденов и 14 медалей - так Родина оценила его вклад в дело победы. Он имеет и две чехословацкие медали: «За Дуклинский перевал» и «За участие в Словацком восстании».

После возвращения в Уральский военный округ Ивана Григорьевича направляют в Киров заместителем начальника отдела контрразведки гарнизона. Потом его путь лежит в Пермь. Здесь он рабо-

тает на различных должностях и одновременно учится на философском факультете Свердловского университета. Но постоянно преследующая его болезнь подрывает здоровье и вынуждает бросить учебу и уйти в отставку.

Но беспокойный он человек, не может сидеть без дела. Иван Григорьевич идет работать в домоуправление, возглавляет районный комитет ДОСААФ, восемь лет работает в Свердловском райвоенкомате.

Иван Григорьевич Володин воспитал трех сыновей и дочь. Ранения и контузии, как далекое эхо войны, напоминали о себе каждый день и не дали возможности полковнику КГБ, участнику Великой Отечественной войны дожить до пятидесятилетия Победы. Но светлая память о нем остается в сердцах его детей и товарищей.

КАВАЛЕР «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Николай Гаврилович Бражкин, уроженец деревни Николичи Кудымкарского района Пермской области. В органах госбезопасности с июля 1941 года. Рекомендован партийными и комсомольскими организациями города Кудымкара.

Николай Гаврилович пришел работать в органы в самом начале войны уже сформировавшимся человеком, с устойчивыми взглядами на жизнь и твердыми убеждениями. Его мечте получить высшее педагогическое образование не суждено было сбыться. Из-за плохого материального положения семьи он после первого курса был вынужден оставить учебу

на литературном отделении Пермского пединститута. Трудовую деятельность начал в лесхозе, затем работал в редакции газеты «По ленинскому пути» в Кудымкаре.

В 1936-1939 годы прошел боевую закалку в 19-м Олевском погранотряде НКВД СССР, где вначале был курсантом, затем служил в качестве младшего командира, старшины и заместителя политрука. После службы на границе был редактором газеты «Молодой большевик».

При оформлении в органы госбезопасности он готовился для учебы в Ленинградской школе НКГБ. 16 июня 1941 года он был зачислен курсантом. Однако война распорядилась по-иному. После непродолжительной работы в Пермском управлении, затем Кизеловском отделе НКВД, в октябре 1941 года он был направлен в Свердловскую краевую школу НКВД. Но уже в январе 1942 года он оказался в Ленинградской области, но не на учебе, а в качестве оперуполномоченного сначала Волосовского, а затем Карамышевского районных отделений НКВД. В суровое время он, как и большинство его товарищей, стремится на фронт. И в апреле 1942 года добровольно изъявил желание воевать в тылу врага в составе партизанской бригады.

О Бражке-партизани можно судить по тем документам, которые сохранились в архивах партизанского движения, в его личном деле.

Из персональных учетов партизан Ленинградского штаба партизанского движения:

«Оперативный уполномоченный ОО НКВД 1-й Ленинградской партизанской бригады - Бражкин Николай Гаврилович, 1913 года рождения, по национальности коми-пермяк, член КПСС, в Советской Армии не служил, доброволец - партизан в тылу противника, имеет одно ранение, родственники проживают в Пермской области.

Находился в партизанской бригаде с апреля 1942 года. Во время пребывания участвовал во всех боевых операциях. 15 мая 1942 года у деревни Березка принимал участие в захвате прислуги пушки противника. Разоблачил 10 человек - предателей Родины. Являясь секретарем партийной организации, добился хорошей постановки партийно-политической работы, направляя ее на успешное выполнение приказов командования.

28 августа 1942 года в бою за деревню Ухомино вместе с бойцами отряда разгромил гарнизон противника».

Из Приказа начальника Управления НКГБ по Ленинградской области № 95 от 14.03.1944 года:

«Исключить из списков личного состава и денежного довольствия оперативного уполномоченного Карамышинского райотделения НКГБ младшего лейтенанта госбезопасности Бражкина Николая Гавриловича, пропавшего без вести во время выполнения специального задания в тылу противника с 1-го марта 1944 года».

Из Указа Президиума Верховного Совета от 2 апреля 1944 года:

« За выдающиеся успехи в организации партизанского движения в Ленинградской области, за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе, и оказание активной помощи Красной Армии в освобождении Ленинградской области от немецко-фашистских захватчиков Бражкин Николай Гаврилович награждается орденом Красной Звезды».

Из книги Памяти Пермской области:

«Бражкин Николай Гаврилович, 1913 года рождения, уроженец деревни Николичи Кудымкарского района, призван в 1941 году, пропал без вести в 1944 году».

ЦЕНОЮ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

А. Шляпников

Человек обычно даже не догадывается, что совершает поступок, достойный подражания, что его жизнь становится примером для других; он просто честно выполнял свой долг - долг человека перед Родиной, перед своим народом. Не это ли подтверждает жизнь пермского чекиста Александра Демидовича Шляпникова.

Он родился в 1903 году в семье крестьянина-бедняка. Едва ему исполнилось одиннадцать лет - почти одновременно умерли отец и мать. Остались в избе-развалюхе пять братьев и сестренка - теперь старшая в семье: ей исполнилось уже двенадцать лет.

На нее и Александра легли все заботы о младших.

Безрадостная жизнь не сломила, а закалила парня, заставила многое увидеть и понять. Почему в деревнях народ от голода пухнет, а богатеи едва от жира не лопнут? Несправедливо это, так жить нельзя! И когда пришла Советская власть, и потом, когда в их деревне стали сколачивать коммуну «Путеводная звезда», Александр Шляпников понял: он начинает новую жизнь.

Крестьяне вздохнули: казалось, самое страшное уже позади, но чудовищная засуха 1921 года сгубила молодую коммуну, еще не пустившую настоящих корней. И чтобы младшие братишки не умерли с голоду, Александр, закинув за спину тощий мешок, ушел из родной деревни искать спасительную работу. Через год его, добровольца, призывали в армию. Там, в армии, в 1927 году, он стал членом партии, ибо всем сердцем поверил в святую правду ее дел и целей.

А в феврале 1928 года Шляпников стал чекистом. Он твердо решил посвятить свою жизнь борьбе с врагами Советской власти. В те годы их было предостаточно, врагов скрытых и явных.

Вот тут, как мне кажется, и начинают особенно ярко проявляться те свойства характера Александра Демидовича, которые позволили ему завоевать доверие и уважение товарищей по работе.

Этой работы было столько, что суток не хватало, но чекист Шляпников как-то выкраивал время еще и для учебы. Не только общеобразовательной, не только по специальности... Но пусть за меня говорят документы.

« § 2. За успешное окончание летно-теоретической подготовки курсантов авиашколы «Динамо» первого набора, за безаварийность и окончание в установленный срок летной теоретической программы - без отрыва от основной работы - награждаю: курсанта первого набора Шляпникова А. Д. - деньгами в сумме 150 рублей...»

Это выписка из приказа начальника авиашколы от 23 марта 1934 года.

А вот строки из другого документа, тоже хранящегося в архиве: **«...Работая в органах НКВД, я без отрыва от производства изучил чертежное дело, в совершенстве - фототехнику, окончил курс самолетовождения на самолете «У-2»... Неплохо владею лыжами, рекордов не имею, но имел переходы на 100-120 километров... Я на фронте могу вести разведывательную работу...»**

Это часть рапорта чекиста Шляпникова, написанного на имя наркома внутренних дел СССР. Датирован этот документ январем 1940 года, то есть он был написан в самый разгар вооруженного конфликта с Финляндией.

Итак, Шляпников, как свидетельствуют документы, умел ценить время. Поэтому он обязательно планировал свою работу, тщательно готовился к каждой операции, к допросу любого задержанного. Этого же требовал и от подчиненных.

К сказанному следует добавить, что чекист Шляпников характеризовался товарищами по работе как человек вдумчивый, честный и отзывчивый на чужую беду. Рапорт же на имя наркома убедительно свидетельствует о том, что Александр Демидович никогда не искал тихой заводя.

Рапорт чекиста Шляпникова удовлетворили в начале лета 1942 года. Он был назначен заместителем начальника особого отдела 18-й мотострелковой бригады, входившей сначала в состав войск Воронежского, а позднее - Калининского и Брянского фронтов. Как и всякому фронтовику, ему доводилось не раз попадать под яростные бомбежки фашистской авиации, под губительные артиллерийские и минометные обстрелы, не только отражать обыкновенные и психические атаки врага, но и самому атаковать его, идя грудью навстречу пулям, продираясь сквозь черные разрывы мин.

Все это было, через все это пришлось пройти. Но главным для Шляпникова, как и всех других чекистов, всегда было и оставалось одно - беспощадная борьба с фашистской агентурой. Противостоя врагу, надо было всегда действовать умело, изобретательно и решительно.

Когда 18-я мотострелковая однажды сделала привал у дороги, по которой к фронту двигались наши части, Шляпников вдруг услышал, как один солдат сказал другому: «Ишь, в хромки вырядился!»

Хромки - хромовые командирские сапоги, пригодные для парадов, прогулок по городу и вообще для мирной жизни, но только не для войны. Интересно, кому это понадобилось надеть их в пору осенней распутицы? Шляпников нашел глазами того, о ком так неодобрительно отозвался солдат. Увидел его метрах в десяти от дороги. Обыкновенный старший лейтенант, каких предостаточно в прифронтовой полосе: в повидавшей виды шинели, шапке-ушанке, лихо заломленной на затылок, и с неизменным вещевым мешком за спиной; вот только сапоги хромовые, доверху заляпанные грязью.

Шляпников подошел к нему - тот подобрался, козырнул. И документы у него были вроде бы в полнейшем порядке. Но опытный глаз чекиста мгновенно зафиксировал две «мелочи»: излишне старательно козырнул старший лейтенант, да и на слишком хорошей бумаге напечатана справка, согласно которой предъявитель ее после излечения в госпитале следовал в свою часть.

Потом последовали допросы, во время которых выяснились все подробности жизни задержанного. Ни один ответ не брался на веру, все тщательно проверялось. Но вот беда: город, в котором будто бы родился задержанный, сейчас находился по другую сторону фронта.

А ответ из госпиталя, хотя и был напечатан на обыкновенной бумаге и машинкой с другим шрифтом, был малоутешителен: «Во время недавней бомбежки города при прямом попадании бомбы в госпиталь сгорели все архивы, а раненые, находившиеся на излечении и уцелевшие после этого варварского налета фашистской авиации, распределены по другим госпиталям».

Неудачи не обескуражили Шляпникова. Он послал запрос в то военное училище, которое в 1937 году якобы окончил Сергей Сергеевич Камушкин - тот самый старший лейтенант.

Ответ из училища пришел быстро и был лаконичен: «Среди выпускников училища таковой не числится».

И снова допросы, допросы. Наконец Камушкин «сознается», что он солдат, дезертировал с фронта; под старшего лейтенанта замаскировался, потому что к командирам патрули не так придирчивы.

Но чекист не верит ему, он убежден, что под личиной дезертира хочет

укрыться матерый вражина, и под надежным конвоем отправляет его в отдел контрразведки своего корпуса. В дальнейшем станет известно: предчувствие чекиста не обмануло.

Какие только дела не выпадали на долю армейских чекистов! Бывшие особые отделы при воинских соединениях с началом Великой Отечественной войны были преобразованы в отделы контрразведки СМЕРШ и вместе с новым наименованием обрели некоторые новые функции. Например, солдат Трубников, как стало известно, сунул в карман фашистскую листовку-пропуск. И сразу вопрос: зачем? Из любопытства? Для нужд сугубо житейских? Или на тот случай, если фашисты в кольцо возьмут?

Чтобы не дошел солдат до рокового поступка, свершив который он станет казниться до конца дней своих, приходилось вести с ним профилактическую работу. Осторожно, уважительно: нельзя человека обижать, если у тебя нет ничего, кроме собственных предположений.

Только разобрались с этим солдатом - пополз черный слушок. И опять вникай: порожден он злым умыслом врага или случайной ошибкой нашего человека?

Однажды Шляпников, будучи уже начальником отдела контрразведки бригады, от жителей деревни Дреймаловка получил известие, что на станции Дарница II видели активного пособника фашистов Драча. Поступили эти сведения - и началась работа: стали разыскивать фотографию преступника, потом составлять его словесный портрет. Не минуты, а часы ушли на это. А ведь он, душегуб, на железнодорожную станцию пришел для того, чтобы побыстрее исчезнуть отсюда. Может быть, уже нет резона начинать поиск? Но чекистская совесть не позволила отмахнуться от сигнала местных жителей, она заставила начать и успешно завершить поиск матерого врага.

Население районов, побывавших под пятой фашистов, активно помогало выплавливать фашистских прихлебателей. Отделом Шляпникова только в одном районе было арестовано семьдесят полицаяв и старост - отъявленных предателей.

В окрестностях той же Дреймаловки при прочесывании местности был задержан солдат, назвавшийся Чугуновым, уроженцем Челябинска. Дескать, из госпиталя ехал в часть, а тут налет авиации, ну, спасаясь от бомб, и побежал куда глаза глядели; так перепугался бомбежки, от которой отвык за время лежания в госпитале, что вещевой мешок в теплушке оставил; там, в мешке, все его документы.

Что же, Чугунова следует немедленно отпустить на все четыре стороны? Но разве нельзя предположить, что в данном случае фашисты своего агента умышленно не снабдили документами? Не исключено и такое.

Однако возможен и другой вариант: документы были, но он их где-то предъявлял и позднее уничтожил, чтобы смазать свои следы. Или...

Много этих «или». И каждое надо тщательно проверить. Приказав увести задержанного. Шляпников распорядился: «Немедленно запрос в госпиталь: лечился ли там солдат Чугунов и когда выбыл в часть? Заодно дайте мне все ориентировки на лиц, совершивших побег из-под стражи».

Просмотрели все ориентировки - среди разыскиваемых не оказалось задержанного Чугунова.

Ответ из госпиталя пришел утвердительный: да, находился на излечении солдат Чугунов, был с такого-то по такое-то число. Единственная зацепочка - уж очень долго он добирался от госпиталя до той станции, где, по его словам, попал под бомбежку. Но бомбежка была. Именно в указанный им день. Это проверили.

А что долго ехал... Может назвать уважительную причину, вроде того, что не сумел сесть в поезд. Или отстал от него на таком глухом полустанке, где поезда останавливаются в исключительных случаях...

Значит, все подозрения долой, значит, помогай ему поскорее попасть в часть?

Казалось, проверка зашла в тупик. Но Шляпников не сдался: он послал в госпиталь, где находился на излечении Чугунов, его фотографию.

Снова потянулись дни ожидания. И вот приходит ответ: «Опрошенные нами раненые, лично знавшие Чугунова, и медицинский персонал госпиталя не могут утверждать, что на данной фотографии именно солдат Чугунов, хотя кое-какое сходство наблюдается...»

Вот теперь появилось что-то существенное. Теперь можно почти с уверенностью сказать, что у мнимого Чугунова в жизни не все так просто, как он рассказывает. И, оформив соответствующие документы, Шляпников этапировал задержанного в отдел СМЕРШ корпуса.

А вскоре был задержан тоже солдат, и тоже без единого документа. Этот назвался Петровым, до армии - жителем Восточно-Казахстанской области. Если верить ему, он добровольцем пришел в Советскую Армию, но чуть ли не в первом своем бою попал в плен к фашистам. Не один, а с семью товарищами попал. Но когда их погнали в лагерь, они, улучив момент, убили конвоиров и бежали. Где сейчас его товарищи? Остались у партизан, на которых натолкнулись во время своих скитаний по лесам. Почему он не последовал их примеру, почему оказался здесь? Он, Петров, хочет быть только в армии.

Как видите, здесь в самой легенде много сомнительного. Вот и пришлось проверять каждый факт. Дотошно, скрупулезно.

Чтобы не оставлять неясности, сразу скажу: все, что поведал Петров, оказалось правдой.

Работа контрразведчиков в те годы осложнялась тем, что их отделы были небогаты штатами, а если к этому добавить, что во время своих операций, да и в боях с фашистами, они несли потери, станет ясно, как невероятно трудно им приходилось порой.

Вот из чего, если говорить кратко и схематично, слагалась работа, возложенная командованием на чекиста Шляпникова. Да еще в обстановке, подобной вот этой...

Дело было на северо-западе, где наши войска вели бои местного значения. Они, эти бои, тоже были кровавыми, тоже уносили солдатские жизни. Такой бой местного значения разгорелся и за деревню Брагино. Двое суток он гремел. О силе и ярости его можно судить хотя бы по тому, что вражеская авиация по восемь раз в день обрушивала бомбовые удары на деревню и наши позиции близ нее. Особенно ожесточенным был последний налет, когда несколько чудом уцелевших домов запылали жарким пламенем, которое ночь превратило в день, залив кровавыми отблесками и небо, и снега, почерневшие от осевшей на них пороховой копоти.

И до этого налета нашим бойцам приходилось туго, но они все же удерживали свои позиции. А тут дрогнули, стали отходить соседи, прикрывавшие левый фланг бригады; только небольшие группы автоматчиков из двух батальонов еще преграждали дорогу фашистам, которые с трех сторон рвались в деревню. В этот критический момент боя капитан государственной безопасности Бочманов сказал своему заместителю таким спокойным тоном, словно пригласил прогуляться: «Сходим-ка туда, Александр Демидович». Сказал «сходим», а сам побежал пригнувшись и зигзагом, побежал навстречу отходившим бойцам; Шляпников не отставал от него. Лишь два офицера-чекиста оказались перед отступавшими. Нет, они не кричали, не угрожали автоматами. Они просто спешили туда, откуда только что отошли солдаты. И сначала один из отступавших остановился, присоединился к офицерам, потом - другой, третий... А чуть погодя цепочка солдат прыгнула в окопы, до которых фашистам оставалось всего несколько десятков метров. Положение было восстановлено, однако фашистов наседало столько, что Бочманов и Шляпников поняли: хотя и на короткое время, но из деревни Брагино придется отступить. И тогда Бочманов по-прежнему спокойным голосом сказал Шляпникову: «Забирай оперативные документы, нашу машинистку и задержанных. С этой минуты ты отвечаешь за их целостность и сохранность, - подумал и добавил: - Пробирайся в Гушино, где сейчас командный пункт бригады. И своего связного захвати в помощь». К этому добавлю лишь одно: понимая, что Шляпникову со связным почти невозможно уследить за документами и арестованными, Бочманов вдогонку за ними послал и своего

связного. Кто из двух чекистов проявил большее мужество - не берусь решать. Оставшийся в жарком бою или другой, вырвавшийся почти из окружения, доставивший на новый командный пункт бригады в целости и сохранности и оперативные документы, и арестованных. Ясно одно: в этот день они оба сполна доказали свою верность чекистскому долгу, верность присяге.

Прибыл Шляпников в деревню Гушино, по-хозяйски расположился на новом месте и тут узнал, что в бою за деревню Брагино пал смертью храбрых его начальник - капитан государственной безопасности Бочманов.

Было несказанно жаль Бочманова, за эти месяцы ставшего не просто начальником, но и учителем, другом. Была и некоторая оторопь: выходит, с сего часа Шляпников один отвечает за всю огромную работу, возложенную на контрразведчиков? Единственное, что он себе позволил: сведя густые черные брови, какое-то время посидел молча. Потом спросил устало: «Что у нас сегодня по плану?» Никого не было в избе, когда он задал этот вопрос. Да и не людям, а самому себе адресовал его. Как строгое напоминание о том, что на войне каждая секунда имеет особую цену.

На сегодняшний день, если следовать плану работы, еще предстояло зайти к командованию бригады. Готовясь к встрече, Александр Демидович и сделал вот эту выписку из «Памятки немецкому солдату»: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик...»

Только потому сделал эту выписку и пошел с ней к командованию бригады, что позавчера один из молодых лейтенантов, проводя политинформацию, много негодующих слов обрушил на фашизм, а хотя бы одного факта, разоблачающего его гнусный облик, не привел.

Может быть, эта выписка поможет молодому командиру, натолкнет его на нужные мысли?

Возможно, кому-либо покажется, что в данном случае чекист Шляпников ломал голову над вопросом, который к его прямым обязанностям не имел никакого отношения. Но сам он считал иначе, ибо твердо знал, что несет ответственность за все, происходящее в бригаде, за все, что способно хоть в какой-то степени повлиять на ее боеспособность. Несет наравне с командованием.

После разгрома под Сталинградом фашистская правящая верхушка была вынуждена объявить в Германии траур, а Геббельс, выступая по радио, признал: «Мы переживаем на востоке военное поражение. Натиск противника в эту зиму предпринят с ожесточением, превосходящим все человеческие и исторические представления». Казалось бы, урок препод-

дан отличный, но уже в середине апреля 1943 года Гитлер подписал оперативный приказ, в котором говорилось: «...Этому наступлению придается решающее значение. На направлении главного удара должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов».

Так началась подготовка к фашистскому летнему наступлению в районе Курска.

В массе советских войск, которым выпало принять на себя удар фашистских полчищ, а потом и самим сокрушающе атаковать их, была и бригада, в которой служил Александр Демидович Шляпников.

Началу фашистского наступления - конечно же! - предшествовало оживление деятельности вражеской агентуры. Фронтовым чекистам было жизненно необходимо быстро пресекать любые ее действия, то есть, выражаясь языком официальных документов, проявлять чекистско-оперативную гибкость. А когда началось наступление фашистов, когда земля вздыбилась от нескончаемых взрывов, контрразведчики стали еще просто воинами, тоже смерти глядели в лицо, глядели ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Но красноречивее всяких слов об этом свидетельствует наградной лист, в августе 1943 года направленный по инстанции командиром 18-й бригады: **«В июльско-августовских боях на Орловско-Брянском направлении коллектив т. Шляпникова при 50% укомплектованности показал чекистско-оперативную гибкость в обслуживании подразделений бригады.**

Сам т. Шляпников своевременно и деловито информировал командование о выявленных недочетах и этим самым содействовал в выполнении боевых задач. В боях т. Шляпников ведет себя смело и отважно...»

Как лаконично, даже скупое все это сказано! А ведь 27 июля, когда наши войска уже вели наступление, на пути одного из подразделений 18-й мотострелковой бригады оказался населенный пункт Кулики, вернее - лишь несколько домиков, чудом уцелевших после огневого шквала. Но, планируя летнее наступление 1943 года, гитлеровцы позаботились и о создании в своем тылу рубежей надежной обороны. Кулики являлись опорным пунктом одного из таких рубежей. И теперь, когда наши бойцы, разгоряченные успешным наступлением, были от Куликов в считанных десятках метров, по ним вдруг ударили вражеские пулеметы. Ударили разом, прицельно. Одна из пулеметных очередей прошла землю буквально у ног Шляпникова, бежавшего в цепи атакующих.

Наши солдаты чуть дрогнули, попадали на землю, истрескавшуюся от многодневного зноя. Шляпников понял, что сейчас буквально мгновения могут решить многое, что именно сейчас один паникер способен сорвать наступление, а отважный - довести его до победного конца. И еще

подумалось, что если они попятятся, окажутся напрасными потери, которые уже понесли, что при новом наступлении на эти же Кулики еще кто-то отдаст свою жизнь раньше, чем они достигнут теперешнего рубежа. И тогда родилось решение - непоколебимое, окончательное: Шляпников, словно не замечая вражеского огня, встает во весь рост, призывно смотрит на бойцов и, строча из автомата, бросается вперед.

В том наградном листе командир бригады ходатайствовал о награждении Александра Демидовича орденом Красного Знамени. В августе ходатайствовал. А в сентябре он же вновь представил боевого чекиста к высокой правительственной награде. И опять, теперь уже в новом наградном листе, говорилось о нехватке людей в аппарате у Шляпникова, но что это не помешало чекистам образцово справиться со своими прямыми обязанностями, что в боях Шляпников «ведет себя смело и отважно». А заканчивается наградной лист так: **«За проявленные доблесть и мужество в борьбе с немецкими захватчиками и их пособниками при освобождении г. Нежина и при форсировании рек Днепра и Десны и создание плацдарма на правом берегу Днепра тов. Шляпникова наградить орденом Отечественной войны I степени».**

Архивы не сохранили для нас документов о том, что конкретно совершил чекист Шляпников при форсировании Днепра и Десны, при создании плацдарма на правом берегу Днепра. Мы, отлично зная, как все это было сложно, смертельно опасно, можем только строить различные предположения. Одно бесспорно: это было что-то особенное, выдающееся.

В мае 1944 года написан еще один наградной лист, где, помимо уже известного нам, было сказано: **«...принимал участие в отражении контратак противника... и в сохранении Красного знамени бригады».**

Вдумайтесь в эти скупые строки, в эти слова: «...и в сохранении Красного знамени бригады»!

Советские войска, громя фашистские полчища, упорно шли вперед, рвались к нашей государственной границе, очищая от ненавистных захватчиков новые города, деревни, поселки. Но в каком виде представляли они перед нашими воинами! Шляпников хорошо знал, что это не случайность, не прихоть войны, а система, результат политики фашистской Германии. «Противник должен обнаружить действительно тотально сожженную и разрушенную страну...» - такова была директива Гимmlера. И фашисты безжалостно убивали, жгли, крушили, а что удавалось - увозили в Германию. Если, конечно, Советская Армия или партизаны не заставляли их поспешно бежать с места очередного преступления. Вместе с фашистами, словно соперничая с ними в ненависти ко всему нашему, это черное дело вершили изменники - всякие бургомистры, старосты, полицаи и прочий сброд.

Теперь, когда почти каждый день с боями преодолевались километры территории, побывавшей под фашистами, чекисту Шляпникову было просто необходимо работать так, чтобы от справедливого возмездия не ушел ни один военный преступник, ни один его пособник. Не только должность, но и совесть советского человека этого требовала. И он, почти лишив себя и сотрудников отдела сна, работал, работал, выявляя предателей, ведя их поиск, мгновенно реагируя на каждый сигнал. Бывало и так, что удача приходила вроде бы случайно. «Случайно» - это в том случае, если начисто забыть о характере Александра Демидовича, если не вдуматься в сущность чекистской работы. Так, уже на правом берегу Днепра при прочесывании местности был задержан мужчина лет сорока - осанистый, с неторопливыми движениями и седыми висками. Документы у него оказались в полнейшем порядке, однако Шляпников задержал его. Почему задержал? Ведь о себе он рассказывал вроде бы правду: когда его деревня оказалась оккупированной, бежал в лес, где в полном одиночестве отсиживался до этого счастливейшего в его жизни часа - прихода родной Советской Армии. Больше того, еще патрулю, задержавшему его, он заявил, что идет в соответствующие органы. С повинной идет. Ему был задан вопрос:

- Почему не стали партизаном? Или не знали, что они вообще есть?

Ответ последовал без промедления:

- Боялся идти в партизаны: они ведь сами нападали на фашистов, значит, сами на себя огонь вражеских автоматов вызывали, - помолчал и добавил, как бы искренне стыдясь того, что говорил: - Смерти я больше всего боялся и боюсь. В бою ли, от болезни ли - все равно боязно.

- Сколько же времени вы в одиночестве прожили в лесу? Так сказать, добровольцем-отшельником?

- Считайте, два годочка там канули.

- А одежда у вас вполне приличная для теперешнего времени, никак не подумаешь, что вы в ней в лесу, где и сырость, и копоть от костра, столько лет проходили. Да и лицо у вас... Короче говоря, на изголодавшегося вы не похожи.

- Виноват, - потупился допрашиваемый, - все эти два года, чтобы выжить, подворовывать приходилось. Больше, конечно, еду разную... А тут, как только наши пришли, надумал к вам, чтобы покаяться, заглянул в одну хату, хозяевами покинутую. Ну и...

На все вопросы задержанный отвечал без раздумья, но что-то угодливое мелькало в его глазах. Даже тогда, когда ему было сказано, что за воровство можно и в тюрьму угодить, в глазах, на лице его не было ничего, кроме покорного согласия на любое наказание. Может быть, он от фронта там укрыться хочет? Тогда ему сказали, что за воровство, конеч-

но, полагается тюрьма, но время сейчас военное, а возраст у него призывной, так что, скорее всего, на фронт отправиться придется. И опять ничего в его глазах, кроме покорной радости!

Словно забыв, о чем шел разговор, Шляпников разложил перед собой карту Украины и требовательно спросил, в каких районах за эти два года побывал задержанный. Последовал ответ: почти всюду, а точнее - везде, кроме двух самых восточных ее районов, расположенных рядом.

Приказав увести арестованного, Шляпников немедленно послал запросы в эти два района: дескать, не числится ли в списках вражеских пособников гражданин Будакин. Подумав, написал еще один запрос, теперь в тот район, где, по словам Будакина, он проживал до войны.

Ответы пришли довольно скоро. Два из них были совсем одинаковые: нет, в указанном районе Будакин среди фашистских пособников не числится. А вот в третьем ответе была маленькая зацепочка: «Указанное лицо исчезло из деревни еще до прихода фашистов. Оно значится в числе дезертиров».

Казалось бы, опирайся на последние данные, оформляй дело и передавай его куда положено. Но Шляпников вызвал своего заместителя и приказал уже завтра на рассвете выехать с задержанным в те районы, откуда пришли отрицательные ответы; и обязательно сделать так, чтобы местное население увидело задержанного. Как потом рассказывал заместитель, чуть ли не в первой же деревне одна из пожилых женщин, стоявших у колодца, вдруг схватила палку, валявшуюся на земле, и бросилась к задержанному, завопив:

- Бабы! Вот он, Карась проклятый!

С этого эпизода и началось полное разоблачение ярого пособника фашистов. Припертый к стенке многими свидетельскими показаниями, он сначала был вынужден сознаться в том, что в недавнем прошлом творил наравне с фашистами. Но чекисту Шляпникову этого теперь было мало: он хотел знать все и с самого начала. И оказалось, что этот тип, в довоенное время известный согражданам как Будакин, на самом деле был сыном купца второй гильдии Николаенко, расстрелянного за активное участие в антоновском мятеже: столько невинной людской крови было на руках расстрелянного предателя. И вот долгие годы он жил в Витебске, занимая скромную должность счетовода в одной из маленьких контор. За порогом ее зубами скрежетал от жгучей ненависти ко всему советскому.

В сороковом году переехал в эти края. Вернее, не просто переехал, а убежал от жены. Появилось подозрение, что она кое-что узнала. От кого узнала? Да он сам имеет дурную привычку разговаривать во сне.

Когда фашистская Германия напала на нашу страну, он от радости чуть не заплакал и при первой возможности сам явился в фашист-

скую комендатуру, заявил: «Вот он я, Григорий Афанасьевич Карась. Готов верой и правдой служить новому порядку. Что прикажете, то и буду делать».

Почему присвоил себе чужую фамилию? Так ведь хотя у германа и была сила, хотя он и пер оголтело, но в душе все же таились сомнения в его победе. Так сказать, для страховочки под чужой фамилией укрылся.

Вроде бы складно рассказывал, а у Шляпникова новые сомнения: плохо верилось, чтобы гитлеровцы приблизили к себе человека, не собрав о нем точных сведений.

И снова допросы. До той поры, пока не последовало признание: «Под своей фамилией я пришел к фашистам». Сделал Николаенко - Будакин - Карась это признание - немедленно возник новый вопрос:

- Почему же народу вы известны как Карась?

Первый ответ явно был рассчитан на простачка:

- Они всем велели так делать.

- Сами прекрасно знаете, что лжете, - не глядя в свои записи, Шляпников назвал почти два десятка фамилий вражеских пособников. Не выдуманных, а подлинных.

Долгое упрямое молчание, ссылки на незнание причины. Но терпение и умение всегда побеждают в подобных поединках, и вот уже звучит невнятно:

- Они сами так сделали, а зачем - не ведаю.

Не стану описывать все перипетии борьбы чекиста Шляпникова с этим вражеским пособником, имевшим три фамилии, скажу самое главное: Николаенко - Будакин - Карась не только зверствовал во время гитлеровской оккупации, он прошел еще и специальную школу и был оставлен для шпионской деятельности. Причем его хозяева не верили, что он благополучно минует все чекистские кордоны, поэтому и велели ему самому явиться с повинной, сознаться в дезертирстве и воровстве. Дескать, будут тебя судить, отправят в тюрьму - и только. Зато, когда со временем легализуешься,пустишь корни, придет наш человек; будешь ему беспрекословно подчиняться - заживешь в достатке и на старость кое-что накопишь; за малейшее неповиновение - смерть.

Поздней ночью Шляпников закончил оформление документов на задержанного, приказал на рассвете отправить его в СМЕРШ своего корпуса и... остался за своим рабочим столом. Он писал письмо незнакомым чекистам одного из уральских городов, что его подчиненный товарищ Тягнирядно в настоящее время находится в госпитале на излечении, поэтому оказывать материальную помощь своей семье не сможет. Просьба помочь жене чекиста добраться до станции Лозовая, где проживают ее родственники.

Это далеко не единственный случай, когда Шляпников, хотя служебных дел и было более чем достаточно, все же выкраивал время на дружеский разговор с загрустившим товарищем, на помощь тому, кто в ней нуждался. А вот в Пермь, где все эти годы жила его семья - жена, сын и две дочери, с просьбой о помощи он обратился только раз. Когда из письма жены узнал, что сын плохо ее слушается. Приехать домой и поговорить с сыном, воздействовать на него - было невозможно. Но, считая, что Советская Армия - прекрасный воспитатель и в какой-то мере может парню временно заменить отца, попросил определить его воспитанником в какую-нибудь воинскую часть. И тогда военком написал командиру в/ч № 11154, куда воспитанником был определен сын чекиста: «Прошу учесть тяжелое материальное положение семьи майора Шляпникова...»

Александр Демидович хорошо знал, как невероятно трудно приходилось его семье. Знал и то, что товарищи, как могли, помогали его родным. А сам он высылал только денежный аттестат. Конечно, можно бы хоть изредка отправлять домой небольшие продуктовые посылочки. Но это было бы против его совести чекиста. Да и не он ли всю жизнь бдительно следил за тем, чтобы закон был одинаков для всех людей?

Весна 1945 года догнала Шляпникова на территории фашистской Германии, где фронтовым чекистам и вовсе было не до отдыха: ведь теперь вражеский агент, приняв личину самого обыкновенного, самого мирного обывателя, мог вести наблюдение из окна своего дома; случалось, их, вырядившихся соответствующим образом, чекисты извлекали из ликующих толп недавних узников лагерей смерти или вчерашних рабов, долгие годы горбатившихся в шахтах, на заводах и фабриках фашистской Германии.

Теперь суток и вовсе не хватало. Однако фронтовые чекисты не роптали, не жаловались. Они просто работали, как могли, быстро и тщательно.

Да, расцветала весна 1945 года. Ласково пригревало солнышко, задорно журчали ручьи и восторженно щебетали пичуги, обихаживая свои гнездовья. Сам воздух весны 1945 года, казалось, был напоен предчувствием скорой Победы.

Но война всегда была невероятно жестокой. Никому из воинов не дано знать, когда она нанесет ему смертельный удар. Случалось, одного она убивала в тот момент, когда он еще только ехал к фронту. А у другого отняла жизнь за миг до победы. Или даже после нее. Чекиста Александра Демидовича Шляпникова смерть нашла весной 1945 года. В Германии, в городке Грюнвейде, за два месяца до победы.

И вот в далекую Пермь пришло письмо: «Многоуважаемая Ольга

Александровна! Мы, близкие друзья и боевые товарищи Вашего мужа, с искренним прискорбием вынуждены сообщить Вам о тяжелой утрате самого близкого для Вас человека, а для нас чуткого, внимательного начальника и товарища Александра Демидовича. 17 марта он в Немецкой Силезии был тяжело ранен многими осколками мины, а скончался 19 марта в госпитале, куда мы доставили его...

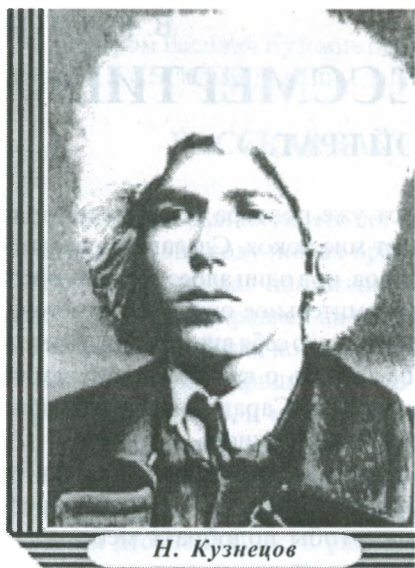
Мы знаем, что эта утрата для Вас чрезмерно велика, она велика и для нас, прошедших вместе с Александром Демидовичем трехлетний трудный боевой путь... Но не в обычаях советских людей приходить в отчаяние...»

Десять человек подписали это письмо. По поручению всей мотострелковой бригады.

Не почтой, а специальным нарочным были доставлены это письмо и боевые награды чекиста Шляпникова - орден Красного Знамени, медаль «За боевые заслуги». И явился тот нарочный прежде всего к начальнику управления НКГБ по Пермской области, явился с другим письмом. С тем самым, в котором сначала сообщалось о героической гибели чекиста, а потом излагались просьбы: «...б) Через сотрудников Вашего отдела, знающих тов. Шляпникова и его семью, принять необходимые меры для подготовки его жены к получению извещения о смерти ее мужа, в) По силам Вашей возможности оказать помощь семье погибшего гвардии майора Шляпникова...»

Свой краткий рассказ о славном чекисте закончу вот этим маленьким сообщением: только временно, пока корпус выполнял задание Верховного Главнокомандования Советской Армии, тело гвардии майора Александра Демидовича Шляпникова покоилось в немецкой земле. Потом оно со всеми воинскими почестями было доставлено в город Львов, где и захоронено среди воинов, павших смертью храбрых при освобождении этого города от гитлеровских оккупантов.

Жители древнего города приходят к скромной могиле, возлагают на нее живые цветы. Это благодарная дань уважения к человеку, который ценою собственной жизни заплатил за счастливое будущее всех людей.

*Золотыми буквами в героическую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками внесено имя легендарного разведчика **Николая Ивановича Кузнецова**.*

*Славный сын Родины, человек огромной силы воли, высокой собранности, бесстрашный разведчик выполнял сложные задания, добывал ценные сведения о противнике, о планах фашистского командования. **Николай Иванович** совершил ряд неслыханных по смелости и отваге подвигов по уничтожению высших чинов гитлеровской военщины. Память о нем сохраняется в названиях школ, улиц, парков и предприятий. Памятные места, связанные с его именем, есть и в Коми округе. Его именем названа одна из улиц в Кудымкаре, в 1966 году ему посмертно присвоено звание «Почетный гражданин города Кудымкара».*

*В Коми-Пермяцком округе **Николай Иванович** в 1930 году начал свою трудовую деятельность. В течение четырех лет работал в окружном земельном управлении таксатором по устройству лесов, проявил исключительное трудолюбие, честно относился к порученному делу. К этому периоду относится начало его чекистской деятельности. В 1932 году с его помощью правоохрательными органами была разоблачена группа преступников, занимавшихся хищением государственных средств.*

*Обладея исключительными природными данными, после соответствующей подготовки **Николай Иванович** за сравнительно короткий срок стал разведчиком, способным выполнять сложные задачи.*

*Особенно проявились его способности во время войны в партизанском отряде под командованием чекиста **Медведева**. В этом же отряде сражались и наши земляки **Алевтина Николаевна Щербинина**, **Григорий Кузьмич Сарапулов**.*

ПРЫЖОК В БЕССМЕРТИЕ

«ЭТО БЫЛ МОЙ БРАТ...»

Вот уже полтора года эта история не дает мне покоя. Сделан уже десяток запросов, не в один адрес посланы письма. Утомительное ожидание ответов... Но я чувствую себя виноватым, что медленно рассказать о судьбе нашего земляка Григория Сарапупова, отважного героя, бойца, чекиста, партизана.

Началось все это случайно. Как-то пришел я на оптовую базу райпотребсоюза, чтобы подобрать мебель для редакции.

- Подождите минуточку, - извинился директор базы Леонид Николаевич Булатов, - сейчас наш товаровед проводит вас в склад.

Вскоре в кабинет вошел черноволосый мужчина, тяжело припадающий на протез.

- Сарапупов, - представился он, - Василий Кузьмич.

Надо же быть такому совпадению - накануне я читал (в который уж раз) замечательную книгу Д. Н. Медведева «Сильные духом», и там часто встречается имя молодого командира Григория Сарапупова. Сказал об этом Василию Кузьмичу по дороге в склад. Он помолчал немного, а потом ответил:

- Это был мой брат.

От неожиданности я даже остановился.

- Что, не верите? Да, многие не верят. Говорят: сочиняешь. А действительно это был наш Григорий. В письмах он ничего не сообщал о своей службе, а лишь писал, что готовится выполнять особо важное задание. Особо важное, я понимал, значит особо опасное. Но я тогда не знал, какой трудный, полный ежедневного риска путь выбрал мой старший брат. Следует сказать о Григории, был он, что называется, крепыш. Невысокий ростом, широкий в плечах, очень любил спорт, охоту, рыбную ловлю.

... Вечером Василий Кузьмич по моей просьбе пришел в редакцию. Зашел на часок, а засиделись мы с ним далеко за полночь.

РАССКАЗ ВАСИЛИЯ КУЗЬМИЧА

- Григорий был на десять лет старше меня. Семья наша тогда жила в Сандьяке. В 1934 году пошел брат на действительную службу. После демобилизации приехал домой лишь на побывку. И снова уехал в Свердловск, куда был направлен на работу в органы НКВД. Потом его перевели в г. Лида. Это было, когда Западную Украину освободили от польских панов. Да не долго пришлось пожить ему там.

Началась война, и мы на время потеряли друг друга. В местах, где жил Григорий, шли тяжелые бои. Я подал заявление с просьбой отправить меня на фронт. Не брали. Нет, говорят, тебе еще восемнадцать. Потом, наконец, просьбу удовлетворили.

Наша десантная часть располагалась в начале лета 1942 года на Внуковском аэродроме. Там-то и состоялась наша последняя встреча с Григорием.

Эта встреча была омрачена одним событием. Дело в том, что накануне я «схлопотал» за нарушение дисциплины - так уж получилось - трое суток гауптвахты. И вот заходит начальник караула: иди, говорит, там тебя какой-то командир не из нашей части спрашивает. Вышел - смотрю: Гриша. Пошел к командиру, рассказал все. «Амнистировали» меня по случаю встречи с братом.

А теплым июньским вечером со Внуковского же аэродрома Григорий улетел в глубокий тыл врага для выполнения особо важного задания в составе специального отряда чекистов под командованием Героя Советского Союза Д. Н. Медведева.

Целый год не было от Гриши вестей. Потом вдруг телеграмма из Москвы: «На днях буду дома». Но побывать дома ему не пришлось. Получив срочное задание, Григорий снова улетает за линию фронта. И больше никаких вестей. Только после войны на наш запрос пришел вот этот ответ.

Василий Кузьмич положил на стол официальный бланк Комитета Государственной Безопасности: «Лейтенант Госбезопасности Григорий Сарапулов действительно находился в партизанском отряде Героя Советского Союза Д. Н. Медведева в должности помощника командира роты. В бою с фашистами 22 июня 1944 года Г. Сарапулов пропал без вести».

Долго мы пытались установить подробности жизни Григория в

партизанском отряде и обстоятельства его гибели, но на все наши запросы приходил один ответ: «Архивы не сохранились».

После беседы с Василием Кузьмичом я долго думал, с чего начинать поиски материалов о земляке-чекисте. И вот ушли запросы в Главное управление кадров Министерства Обороны СССР, в партийный архив ЦК КП Украины, Ровенский областной комитет партии, в Комитет Государственной Безопасности и во многие другие адреса. Среди неутешительных ответов мелькнул, наконец, луч надежды. Удалось списаться с товарищами Григория Сарапулова по отряду и с командиром отряда особого назначения Героем Советского Союза полковником Н. А. Прокопюком, в составе которого воевал последнее время Григорий. Из этих писем возник образ скромного, мужественного человека, всегда готового на самопожертвование во имя своей великой Родины.

МАЙОР СТЕХОВ ОДОБРЯЕТ

Отделение Григория Сарапулова в первое время войны в боевых стычках с врагами не участвовало. Оно занималось дальней разведкой. Поэтому, наверное, в отделении Сарапулова раньше других стала замечаться трудность с обувью. Та, в которой прилетели партизаны, изнасилась. А где взять новую? Изредка с Большой земли прилетали самолеты, но они привозили самое необходимое: оружие, боеприпасы, медикаменты и газеты. Вот тогда-то и произошла история с лаптями, о которой пишет Д. Н. Медведев в пятой главе книги «Сильные духом». Об этом же случае рассказывает в своем письме сам «лапотных дел мастер», бывший боец отделения Г. Сарапулова П. П. Королев, живущий сейчас в Уфе.

- Весной сорок второго года я с несколькими красноармейцами бежал из немецкого плена, - вспоминает Королев. - И к нашему счастью, мы наткнулись на бойцов из отряда Медведева. Беседовал с нами сам командир и майор Стехов. Поверили нам и распределили по ротам. Так я и попал в отделение Григория Сарапулова. В первый же день мы с ним разговаривались и оказалось, что одно время жили в Свердловске почти рядом. Он работал в управлении НКВД, а я учился в спецшколе этого управления.

Стал я проситься на боевое задание, Григорий говорит: «Ну куда ты пойдешь босиком-то». И правда, на ногах у меня солдатские ботинки, стянутые проволокой. Те, в которых я бежал из плена. В них, действительно, только «до ветру» ходить, а не на боевую операцию.

Стал я искать выход и вспомнил, как дед в детстве меня учил лапти плести. Взял топор, нарубил липки, наделал лыка, колодку вытесал и сел лапотки плести. Сплел один лапоть, показываю командиру. Он взял, улыб-

нулся: приходилось, говорит, мне эти «модельные туфельки» в детстве носить. На сенокосе - незаменимая обувка. Взял лапоть и ушел в палатку к командиру.

О чем они там говорили, не знаю. Только вернулся Григорий и говорит:

- Майор Стехов твою работу одобряет.

А вскоре мне пришлось стать «директором обувной фабрики». Не одну сотню лаптей сплели мои ученики. И партизаны ходили в них на боевые операции, били врага. Да еще как били.

П. П. Королев вспоминает в письме и такой случай:

- Сiju я однажды у своего шалаша. Недалеко, ближе к тропе, на пенке сидел и чистил автомат Григорий. Смотрю, из штабной палатки выходит командир отряда Д. Медведев, замполит майор Стехов, заместитель по разведке А. Лукин и высокий стройный немец-офицер. Они проходили мимо нас. Мы поприветствовали их. Вдруг вижу, немец подходит к Григорию, улыбается и спрашивает: «Как дела, земляк?»

Когда командиры ушли, я спросил у Григория: кто этот немец?

- Это, говорит, Николай Грачев.

- А почему он в немецкой форме?

Григорий так посмотрел на меня, что я понял: таких вопросов в особом отряде не задают. Тайну «немца» хранили свято. И только много времени спустя я узнал, что за земляк подходил к Григорию. Это был наш уралец - легендарный разведчик Николай Кузнецов.

КОНЕЦ АТАМАНА ВИШНИ

Прошел год партизанской жизни. Зона действия отряда с каждым днем расширялась. Теперь немцы держали свои гарнизоны только в крупных городах и селах. А в деревнях охрана «нового порядка» была поручена бандам националистов. Особенно досаждала партизанам банда атамана Вишни. В разгроме ее приняло участие и отделение Григория Сарапулова.

Бой произошел у деревни Красная Горка. Националисты укрепились на берегу реки. Отделению Сарапулова было дано задание зайти бандитам во фланг и по общему сигналу атаковать. Атака партизан была стремительной. Предатели не выдержали и побежали. Григорий с несколькими бойцами преследовали группу бандитов. Те залегли под яром и яростно отстреливались.

- Прикрывайте меня огнем, - крикнул своим бойцам Сарапулов и ужом пополз к яру. Под прикрытием автоматного огня Григорий подполз к самому берегу и бросил одну за другой три гранаты. Когда подбежали бойцы, все было кончено. Кругом

валялись трупы врагов. И лишь один из них остался жив и стоял перед Григорием на коленях, подняв руки вверх. То был сам пан-атаман Вишня.

В этом бою отличился боец отделения Королев. В суматохе боя Сарапулов потерял его. И лишь после боя Королев появился сам - сияющий, с трофейной винтовкой за плечами и... в новых широченных шароварах. А произошло следующее. Королев погнался за одним из бандитов, намереваясь взять его в плен. Тот уже подбежал к реке, когда боец прошил его автоматной очередью. Затем подбежал, взял винтовку и увидел на бандите вот эти самые штаны, сравнил их со своим латаными-перелатаными, еще довоенного выпуска, галифе и скинул сапоги...

Вечером на привале Сарапулов построил отделение.

- Боец Королев, выйти из строя!

Королев вышел. Он был уверен, что его хотят отметить за смелость. Так и есть...

- Боец Королев, - начал командир, - смело вел себя в бою, уничтожил несколько бандитов. Но забыв о чести партизана, занялся мародерством. Впредь за такие поступки буду наказывать со всей строгостью.

Долго еще потом «трофей» Королева был предметом шуток партизан.

ИСПАНЕЦ ДОВОЛЕН

Об этой смелой операции упоминает в своей книге командир отряда Медведев. Однажды Валя Довгер, верная помощница Николая Ивановича Кузнецова, сообщила партизанам, что немцы собираются демонтировать и вывезти оборудование мастерских в селе Виры.

Было принято решение сорвать эти планы. Группа партизан во главе с Кочетковым отправилась на операцию. Отделению Гриши Сарапулова было поручено самое ответственное дело - взорвать депо и железнодорожный мост. Перед операцией Гриша еще раз посоветовался с одним из главных специалистов подрывного дела испанцем Хозе Гроссом, получил от него несколько дельных советов.

Бесшумно сняты немецкие часовые. Григорий с бойцами быстро закладывают взрывчатку в намеченные места. По сигналу Кочеткова Гриша поджигает шнуры. Теперь быстрее к мосту. И снова Григорий торопит бойцов. Взрыв. Рушатся фермы моста. А вслед за ними рушится и пущенный партизанами паровоз с пятьюдесятью вагонами.

На обратном пути в лагерь Хозе Гросс подошел к Григорию и молча показал ему большой палец, что на языке испанца означало лучшую похвалу. «Чистую работу» подрывников оценила и комиссия из рейхскомиссариата, подсчитавшая, что эта диверсия обошлась гитлеровцам в несколько миллионов марок.

Однажды Москва запросила командование отряда о возможности посылки группы подрывников в район Ковеля для «рельсовой войны». Такая группа из лучших подрывников была создана. В нее вошло и отделение Г. Сарапулова. И снова Хозе Гросс инструктировал своего способного ученика.

Один за другим взлетали на воздух мосты, кувыркались под откос вражеские эшелоны, надолго выходила из строя железная дорога. Григорий и его товарищи с честью выполнили задание Москвы и получили оттуда благодарность.

БОЙ С КАРАТЕЛЯМИ

Вечером 7 ноября после праздничного обеда шел концерт партизанской самодеятельности. После очередного номера на сцену вышел командир отряда полковник Медведев:

- Товарищи, - обратился он к партизанам, - завтра каратели начинают свою экспедицию против нас. Отдыхайте и готовьтесь к трудному бою.

Бой начался на рассвете и продолжался весь день. Экспедиция генерала Пиппера была разгромлена, а сам генерал и его девятнадцать штабных офицеров - убиты.

Григорию в этом бою не повезло. Уже под вечер он был тяжело ранен и попал в госпиталь. А вскоре его вместе с тридцатью другими ранеными медведевцами по приказу из Москвы передали в госпиталь отряда дважды Героя Советского Союза Федорова. Д. Н. Медведев сам пришел попрощаться с ранеными бойцами:

- Желаю вам, друзья, скорейшего выздоровления.

Он тепло попрощался с каждым бойцом и потом подошел к Григорию:

- По договоренности с Федоровым ты назначен командиром взвода наших раненых бойцов. Выздоровливайте и возвращайтесь в отряд.

Однако судьба распорядилась по-другому. После излечения взвод медведевцев под командованием Сарапулова по приказу из центра влился в отряд Героя Советского Союза подполковника Н. А. Прокопюка.

НАВЕЧНО В СТРОЮ

К сожалению, несмотря на все наши попытки пока не удалось установить подробностей боевой деятельности нашего отважного земляка в этом отряде. Известны пока и подробности его гибели.

- В отряде Н. А. Прокопюка, - вспоминает в одном из писем П. П. Королев, - Григорий Сарапулов был повышен в звании и назначен командиром роты. Я слышал о героической гибели своего друга и командира в одном из тяжелых боев, но подробностей не знаю, так как был в другой роте Прокопюка.

Получили мы и справку из архива КГБ. «В мае 1942 года Григорий Сарапулов был выброшен в составе отряда Медведева, - говорится в ней, - в тыл противника в Ровенскую область. В одном из боев с карателями был тяжело ранен. Излечившись, с января 1944 года нес службу в отряде особого назначения Героя Советского Союза Н. А. Прокопюка. В ходе боя 14 июня 1944 года проявил огромное мужество и отвагу. Во время этого боя был ранен, но отказался отправиться в госпиталь и остался в строю. 22 июня в бою с карателями в Сольской пуще был еще раз тяжело ранен. 23 июня при прорыве через линию окружения в ходе тяжелого боя у реки Танев продолжал сражаться с врагами и героически погиб».

Суровая правда документа доносит до нас отблески тяжелых боев и горечь тяжелых утрат. Погиб наш мужественный земляк, чекист, партизан Григорий Сарапулов. Но и мертвый он будет жить в частице нашего счастья, ведь он вложил в него свою жизнь.

* * *

Недавно редакционная почта принесла письмо от бывшего командира особого отряда, ныне полковника в отставке Николая Архиповича Прокопюка. Вот что он пишет:

«Я лично знал Григория Сарапулова. Он сражался в моем отряде. Очень рад, что земляки помнят героя-партизана. В ближайшем будущем обещаю написать о боевой деятельности и героической гибели этого мужественного человека».

Значит, нам еще предстоит прочитать последнюю страницу жизни Гриши Сарапулова.

А. Щербинина

Врач Алевтина Николаевна была прислана в наш отряд ровенскими подпольщиками. До войны она лечила детей на Крайнем Севере. Первый год войны она работала военврачом в полевом госпитале; попав в плен, оказалась в Тучине и оттуда с помощью Оли Солимчук прибыла к нам. С тех пор прошло каких-нибудь два месяца, но Алевтину Николаевну уже знал и любил весь наш отряд.

*Из книги Дмитрия Медведева
«Сильные духом»*

А. ЩЕРБИНИНА

ДОЛЖНОСТЬ - ПАРТИЗАНСКИЙ ВРАЧ

После окончания в 1939 году медицинского института по моей настойчивой просьбе меня направили на работу в Заполярье, в ненецкое стойбище Ныда на берегу Обской губы. Вместе со мной поехала мать. Меня назначили заведующей поселковой больницей. Мама стала работать заведующей школы.

Два года прожили мы с мамой на Севере. 22 июня 1941 года собрались ехать в Пермь, чтобы провести отпуск в родных местах. По Оби только что прошел лед и прибыл первый пароход. На пристани мы узнали, что началась война. Вернулись домой. А на другой день меня призвали в армию. Работала поначалу в Омске в госпитале. В январе 1942 года была направлена в 380-й медсанбат 229-й Сибирской стрелковой дивизии, которая формировалась в Тюменской области.

После оборонительных боев под Сталинградом в августе 1942 года мы оказались в окружении. Вместе с ранеными, которых я сопровождала, попала в плен. Всех, кто мог двигаться, погнали на запад, ослабевших и отставших гитлеровцы пристреливали, добивали прикладами.

Погрузили нас в вагоны и повезли - все пропахло кровью, потом,

трупами. Некоторые, не выдержав, вешались на бинтах. Один лагерь, второй, третий. Двухэтажные, трехэтажные нары, землянки. Перегретая солома, баланда. Как врач я по мере возможности облегчала страдания людей.

В начале января 1943 года нас перевели со станции Бобринской в концлагерь города Ровно. Военнопленные жестоко страдали от кишечных заболеваний и отечности. Гитлеровское начальство решило «облагодетельствовать» пленниц и позволило выбрать им своего врача, которым стала я.

Мне выделили комнатуху для приема больных, которые потянулись вереницей, но лечить их было нечем. Для очищения кишечника я давала несколько миллиграммов марганцовки, а против отечности - магнезию. А чаще всего лечить приходилось добрым словом, советом, верой в освобождение и победу.

Однажды комендант лагеря приказал мне отобрать всех здоровых. Случайно мы узнали, что их повезут в Германию. Я представила список, который привел коменданта в бешенство: все - больны, у кого туберкулез, у кого дистрофия. Фашист пригрозил расстрелом, потому что сам боялся его за невыполнение приказа своих властей.

Из всех отобрали пятнадцать человек, которых решено было освободить и заставить работать по специальности, остальных увезли в Германию. Меня оставили с больными. Однако из-за антифашистских надписей на стенах барака нас не освободили. Товарищи как больную поместили меня на лечение в лазарет. А оттуда через две недели власти направили меня с другими военнопленными врачами на борьбу со вспышкой эпидемии сыпного тифа среди местного населения.

Однако в медицинском отделе городской управы в моих документах сделали запись: «По специальности не затруднять. Политически неблагонадежна». И определили на тяжелый физический труд: мыть грязные полы, пилить дрова, выполнять обязанности санитарки.

Моя «неблагонадежность», как потом я узнала, заинтересовала подпольщика Григория Андреевича Кleshканя, который работал в медицинском отделе городской управы и считался у оккупантов верным человеком. Он устроил меня в столовую Красного Креста, а на следующий день поместил в хирургическое отделение больницы с фиктивным диагнозом острого аппендицита, где я «болела» два месяца. Этот человек поддержал меня морально и очень много сделал для моего спасения. По его совету коллектив больницы, в которой я «лечилась», подал прошение немецким властям, чтоб мне разрешили работать врачом, так как специалистов не хватало. А поскольку моя политическая «неблагонадежность» внешне никак не проявлялась, то немцы назначили меня врачом в село Тучин, в двадцати километрах от Ровно.

Здесь я и установила связь с подпольем. Однажды ко мне на прием под видом больного пришел Виталий Захаров, который носил тогда фамилию Клименко и работал инженером на чесально-вязальной фабрике. Беседовали долго и откровенно, он интересовался и моей биографией. От Захарова я получила первое задание - распространять сводки Совинформбюро. Вместе с лекарствами пациенты уносили теперь листовки.

Через некоторое время по заданию ровенских подпольщиков я лечила партизан и снабжала их медикаментами. В ровенских лесах в то время активно действовал партизанский отряд под командованием Д. Н. Медведева.

После частых боев в отряде увеличилось число раненых, участились заболевания - сказывались суровые условия лесной жизни.

Командование отряда попросило подпольщиков прислать надежных врачей. Захаров предложил меня. Решили, что вместе со мной уйдет и фельдшер больницы, военнопленный Вася Птицин, хорошо зарекомендовавший себя.

В начале июня 1943 года ко мне пришла девушка в украинской вышитой блузке: «У меня болят зубы», - сказала она. Блузка и эта фраза были паролем. Оля Солимчук принесла деньги, на которые я должна была нанять подводу для поездки в Ровно на праздник Троицы, и назначила место встречи - сквер у собора. В назначенное время встреча состоялась, и Оля привела нас на конспиративную квартиру. Там мы дождались воскресенья и вместе с хозяевами квартиры - подпольщиками Луць, отправились в лес, якобы на пикник. В лесу, в определенном месте нас встретили, мы переоделись, вернули хозяевам наряды.

Встреча с партизанами запомнилась. Увидев открытые, приветливые лица, родные красноармейские звездочки, я испытала неописуемую радость, впервые за многие месяцы почувствовала себя счастливой. Меня приняли как родную, командование отряда знало обо мне все. Оказывается, мои биографические данные были тщательно проверены. Военное время требовало особой бдительности, утрата которой оплачивалась дорогой ценой, в отряд мог внедриться провокатор, которых гитлеровцы пытались засылать.

- Здравствуйте, Алевтина Николаевна, - приветствовал меня стройный в форме полковника офицер - командир отряда Дмитрий Николаевич Медведев.

Он, комиссар отряда, начальник штаба и помощник командира по разведке познакомились и побеседовали с нами лично.

Через полчаса в штабной чум стремительно вошел невысокий черноглазый юноша:

- По вашему приказанию прибыл, товарищ полковник, - доложил он.

- Вот наш главный врач по всем болезням, - улыбнулся начальник разведки А. Лукин.

Медведев сказал, что этот юноша - начальник медицинской службы отряда и мой непосредственный командир.

- Цессарский, - представился молодой человек. - Очень рад вашему прибытию, Алевтина Николаевна. Ждем вас.

Он тут же предложил приступить к работе и несказанно обрадовался, когда увидел привезенный мной барабан для стерилизации перевязочного материала и другие медицинские инструменты. Именно в таком барабане остро нуждалась медицинская служба отряда.

А. В. Цессарский познакомил меня с порядками в отряде и основными обязанностями. А их оказалось немало: врач должен был сопровождать группы на боевые задания, вести амбулаторный прием больных, контролировать санитарное состояние лагеря и здоровье людей, проводить с партизанами занятия по медицинской подготовке.

Запомнилось одно из первых мое сопровождение на боевое задание группы партизан. Медведевцы решили освободить военнопленных, ремонтировавших узкоколейку. Небольшой отряд направился на место строительства, я сопровождала как врач. Вблизи места строительства меня оставили в лесу. Вскоре, услышав стрельбу, я решила пойти туда, где стреляли, чтобы в случае необходимости оказать помощь раненым. По пути увидела раненого немецкого офицера, забрала у него револьвер и перевязала. Партизаны освободили пленных и забрали немца. Потом товарищи шутили, что я взяла в плен фашиста.

После схваток с врагом появлялись раненые. Нашим операционным столом была обыкновенная повозка со снятыми бортами. Вместо скальпеля иногда приходилось использовать обычный нож. Раненым, больным и медикам бывало особенно трудно при больших переходах, когда требовалось оторваться от карателей. Фашисты не раз пытались покончить с народными мстителями на Ровеньшине, бросая против них танки, артиллерию, авиацию.

Однажды после такого вот перехода группа партизан наткнулась на фашистов. Погнали их. Я никак не могла поспеть за ними, а те, увлекшись боем, не заметили, что врач отстала. Пришлось ночевать в лесу: в темноте не могла найти дорогу к своим. Конечно, страшно было, в особенности, когда обнаружила, что в подаренном пистолете нет бойка.

Ранним утром на опушке леса я столкнулась, как говорится, нос к носу с двумя дюжими парнями. Одеты в полувоенную форму. Раздумывать, кто они, свои или враги, некогда. Выхватила свою «пушку» без бойка и скомандовала:

- Руки вверх!

Эффект получился самый неожиданный. Неизвестные подняли руки.

- Что вы? Что вы? Мы военнопленные, партизан ищем.

На душе отлегло, но на всякий случай обыскала. Убедившись, что задержанные безоружны, приказала следовать впереди. Всю дорогу отчитывала:

- Такие здоровенные мужики и в плен сдались! Как не стыдно!

Впоследствии эти ребята стали хорошими партизанами, но на первых порах им житья не давали в отряде - донимали шутками, узнав, что врач их взяла в плен с неисправным пистолетом.

Однажды у нас на базе появился новый человек, Николай Васильевич Грачев. Как-то он зашел к нам, медикам, разговаривал, шутил.

- Между прочим, мы с вами земляки, - сказал он тогда мне. - Я тоже с Урала. Знаю Пермь, работал в Кудымкаре.

В отряде он появлялся всегда неожиданно и также неожиданно исчезал. Что он делал и где пропадал - в то время спрашивать было строго запрещено.

В один из вечеров, выйдя из своего чума, я оцепенела: по нашему лагерю свободно расхаживал вооруженный немецкий офицер. Когда он повернулся в мою сторону и увидел мое замешательство, то широко улыбнулся. Это был Грачев. Такой маскарад меня очень удивил. Но расспрашивать земляка я ни о чем не стала, догадывалась, что он готовится на какое-то задание.

Только после войны узнала от Д. Н. Медведева, что это был легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов, который под именем Пауля Зиберта бесстрашно выполнял важные задания в тылу врага.

Немало боевых операций провел наш партизанский отряд.

Шестнадцать месяцев с санитарной сумкой на боку шагала я лесными тропами. После войны вернулась в Пермь. Специализировалась по легочному и костному туберкулезу.

Идет время, но не стирается в памяти суровая военная пора, не забывается пережитое.

*Таким запомнился Н. Кузнецов
Алевтине Щербининой*

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОДВИГУ

В. Кочкин

«Предатель», «фашистский холодуй», «изменник». Эти слова стояли рядом с именем Василия Кочкина. Но те, кто знал Василия лично, всегда считали его патриотом, исполнившим свой долг до конца.

После упорной поисковой работы многих людей, после тщательного следствия, проведенного пермскими чекистами, доброе имя Кочкина восстановлено.

ОТ УРАЛА ДО ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

Иван Николаевич Кочкин, потомственный железнодорожник, гордился Георгиевскими крестами. Час-

то вспоминал свои солдатские годы, особенно, конечно, 17-й, когда был избран председателем ротного комитета 165-го пехотного Луцкого полка, членом солдатского полкового комитета, стоявших за большевиков.

Не любил красивых слов, а просто всю жизнь был солдатом Отечества - и в революцию, и в мирные годы. Несуетлив, в разговоре сдержан. Сын Ивана Николаевича, Василий, во всем старался походить на отца.

Прямой, сосредоточенный взгляд, волевой подбородок - таким запомнили Василия Кочкина товарищи по учебе в Свердловском энерготехникуме. Внешность его точно соответствовала характеру. За что бы он ни брался, всегда добивался своего. Всерьез занялся спортом - и получил значок ГТО, что по тем временам было свидетельством немалого труда и упорства.

Окончив в 1932 году техникум, стал помощником диспетчера в «Уралэнерго». Серьезная работа пришлась как раз по нему. Прибавлялся опыт, рос авторитет. И сослуживцев не удивило, что в 1939 году Кочкину предложили ответственную самостоятельную

должность - диспетчер новой Закамской электростанции в Перми.

Время было тревожное. Кем-то по ночам расстреливались гирлянды изоляторов, чья-то недобрая рука бросала поперек проводов проволоку - и подача электроэнергии в города и поселки прекращалась. Еще нет-нет да и падали подпиленные опоры линий электропередачи. Кочкину не раз приходилось выезжать на аварии вместе с работниками ОГПУ. Со многими из них он сдружился, о чем только они не переговаривали в долгих поездках по проселкам.

Именно здесь, в Пермской области, Кочкин начал готовиться к тому делу, за которое потом отдал жизнь.

5 марта 1940 года двадцатичетырехлетнего Василия Кочкина призвали в армию. А меньше чем через полтора года он вступил в открытый бой с врагом. Летом 1941 года родные получили его последнее письмо из-под Смоленска. Даже тогда, в тяжелые июльские дни, Василий писал спокойно и уверенно:

«3 июля 1941 года. Здравствуйте, папа, мама и Валя! Сегодня имею наконец возможность написать вам письмо и сообщить о своем существовании.

...Как, интересно, у вас там положение в связи с войной? К сожалению, сейчас пока не могу дать своего адреса, но когда таковой получите, то напишите все подробно: и кого призвали, и как с продуктами, с учебой Вали, вашим здоровьем и т. д. и т. п.

Нахожусь на Западном фронте. Бойцы и командиры настроены твердо: бить врага, чтобы он не поднялся больше никогда из своей могилы. Что противник имеет сейчас некоторые успехи, нас несколько не смущает, т. к., сосредоточив 190 дивизий и двинув их внезапно на нашу территорию, безусловно можно рассчитывать на успех. Но как дерутся мужественно наши бойцы и командиры, показывающие чудеса и героизм: этого никогда не будет в фашистской армии!..

В общем, враг будет бит, и бит крепко, главное, чтобы тыл нас обеспечивал полностью. Мы знаем, за что воюем, и наше дело правое, весь цивилизованный мир на нашей стороне. Теперь разрешите пожелать вам здоровья и плодотворной работы, пожелайте мне успешного боя, чтобы остался живым и невредимым!.. Всех крепко целую, остаюсь в ожидании боя ваш сын и брат Василий». И еще документ:

«Справка № ГУК/3/В-64705

Приказом Главного управления кадров № 0952 исключен из списков личного состава Красной Армии как без вести пропавший в августе 1941 года младший лейтенант Кочкин Василий Иванович. Зам. начальника 3-го управления генерал-майор танковых войск Исаев».

И лишь через двадцать лет в приказ была внесена поправка: «Млад-

ший лейтенант Кочкин Василий Иванович расстрелян немецкими оккупантами в г. Великие Луки». Что же произошло в годы, разделяющие эти документы?

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

...Затихал бой. Июльские дни 41-го стали временем боевого крещения коммуниста Василия Кочкина - командира взвода 55-го отдельного дорожно-строительного батальона. Взводу была поручена задача: прикрыть отход основных сил наших войск на переправе через Западную Двину.

Продержались долго, гораздо дольше, чем требовалось. И не так далеко от станции Жижица до своих. Но выйти из боя взвод уже не мог. Артиллерия, танки, минометы, автоматчики сосредоточили огонь на оставшемся в тылу у немцев подразделении. Нелегкой ценой далась гитлеровцам победа над горсткой оборонявшихся.

Василия Кочкина, контуженного, подобрали местные жители, хоронившие убитых. Оставаться долго у хозяев, приютивших его, Кочкин не мог - надо было выходить к своим. И вот военная форма и документы закопаны в огороде, все готово к тому, чтобы ночью отправиться через фронт.

Недолгие сборы прерваны стуком в дверь. В дом вошел человек, которого ни хозяева, ни тем более Василий не знали. По разговору, по ухваткам было видно, что незваный гость не привык ни с кем церемониться. И верно: Герман Киселев оказался матерым уголовником, выпущенным гитлеровцами из витебской тюрьмы.

Кочкин умел располагать к себе людей. И сейчас это умение ему пригодилось. Киселев, чувствуя себя в безопасности, разоткровенничался. Оказалось, что список его преступлений начал расти задолго до войны. Отца в свое время революция лишила пивоваренного заводика - и все разговоры в семье только и шли о том, долго ли продержится Советская власть. С виду добропорядочный совслужащий, Герман Киселев мечтал о тех днях, когда падут Советы и снова можно будет открыть «свое дело». Работая в торговле, он беззастенчиво запускал руку в государственный карман. Был разоблачен и в последние годы размышлял о своей горестной судьбе уже в тюрьме.

- Сейчас иду во Ржев, - закончил свой рассказ Киселев. - Там начальник полиции - мой знакомый. Уж мы с ним разберемся с теми, кто меня в тюрьму укатал. Говорят, не все они ушли. Заодно выясним, для чего их в оккупации оставили.

Еще в начале разговора Кочкин объяснил Киселеву, что тоже выпущен из тюрьмы, и, зная, что линию фронта лучше всего перейти в районе Сычевки, сказал, что направляется в этот населенный пункт.

- Нам по пути. Двигай со мной - не пропадешь. У меня документы - лучше не бывает.

Киселев вытащил новенький оккупационный паспорт и пропуск немецкого военного командования, обязывающий местные коменда-туры помогать его владельцу.

«С такими бумагами действительно не пропадешь - подумал Василий. - И фотографии нет. Когда же успел Киселев заслужить такое до-верие у немцев?» А вслух сказал:

- Подождем, пока стемнеет. Днем на партизан нарвешься - и гла-зом моргнуть не успеешь.

Напоминание о партизанах умерило пыл бандита, торопившегося расправиться со «старыми знакомыми».

Кочкин думал, как быть? По тому, как торопился Киселев, Васи-лий видел - этот колебаться не будет, прольет немало крови. Но с дру-гой стороны - подходящая компания в тылу у немцев.

Как и ожидал Киселев, возмездие пришло. Но только не к тем, кто до войны остановил его злодеяния, а к нему самому. В нескольких ки-лометрах от станции они попали под бомбежку. Попутчик Кочкина был смертельно ранен. Так Василий стал - теперь уже до конца жизни - Германом Степановичем Киселевым.

...В сентябре 1941 года к коменданту Великих Лук майору Версту патруль ввел незнакомого человека. Он представился.

- Киселев. Вот мои документы.

- Специальность?

- Инженер-электрик, - ответил «Киселев».

- Отлично, - сказал комендант, изучая паспорт и пропуск. - Будете начальником городской электростанции.

При отступлении наших войск большинство промышленных и энер-гетических объектов было уничтожено. И сейчас, пытаясь наладить здесь хозяйство, немцы нуждались в местных преданных им кадрах, особенно - в инженерных. Именно таким человеком показался им Киселев.

Зверства фашистов на оккупированной территории, в том числе и в Великих Луках, описаны во многих книгах. Один из свидетелей тех собы-тий, военнопленный С. И. Серов, - впоследствии доктор медицинских наук, профессор Уральского НИИ курортологии и физиотерапии, - вспоминал, как их, врачей, ежедневно под конвоем водили в госпиталь для местных жителей мимо виселицы. И все время на ней появлялись новые трупы. Однажды встретили босых, подталкиваемых автоматчиками мужчину, женщину и ребенка. У каждого на груди была табличка: «Бандит». Се-мью вели на казнь...

Серов не раз встречался с Киселевым в горбольнице, где гитлеров-

цы организовали питание для тех, кто сотрудничал с ними. Виделись они и на квартире Завадской-Савельевой, где жил Киселев. Позже Сергей Иванович узнал, что хозяйка квартиры - участница революции и гражданской войны. А во время оккупации она, фармацевт по профессии, доставала медикаменты партизанам, подпольщикам. Не знал тогда Серов и того, что его партнер по шахматам директор электростанции Герман Киселев - руководитель подпольной группы.

По-разному ведут себя люди в трудных обстоятельствах. Война четко высветила истинный характер каждого. Именно тогда, в тяжелый час, по-настоящему проявил себя Василий Кочкин.

Сразу после назначения он, ставший теперь Киселевым, решительно взялся за работу. Навел идеальную чистоту в помещениях станции, чем еще больше расположил к себе аккуратистов немцев. А сам тем временем приглядывался к людям: на кого можно положиться в опасном деле?

Каждый неверный шаг грозил гибелью. И все-таки Киселев доверился слесарю Николаю Смирнову. Через него установил связь со многими молодыми патриотами. Вскоре в их подпольной организации стало около семидесяти человек. Начались боевые дела. То один, то другой район города погружался в полную темноту из-за очередной аварии на электростанции.

Николай Смирнов и Глеб Силин собрали из старых деталей радиоприемник и спрятали его за главным щитом станции. Подпольщики слушали сводки Совинформбюро, от руки переписывали их и опускали в почтовые ящики.

Для сбора платы за электроэнергию они ходили по домам и, словно между прочим, рассказывали жителям правду о войне. Так были развеяны фашистские рассказы о падении Москвы и Ленинграда, о прекращении сопротивления Красной Армией, о восстаниях в стране.

Киселеву было поручено властями организовать на станции подзарядку аккумуляторов армейских машин. Подпольщики добавляли в электролит обрезки медной проволоки, соду. Через несколько дней эти аккумуляторы выходили из строя.

Гитлеровские автомашины для безопасности ездили почти исключительно колоннами и лишь по определенным дорогам. Это подсказало еще одну идею. Алексей Иванов наладил производство крошечных металлических «ежей», которые разбрасывались вдоль маршрутов немецких колонн. Движение автомобилей было парализовано.

Накануне 24-й годовщины Великого Октября в кабинете начальника городской электростанции шло «производственное со-

вещание». Его участники - молодые подпольщики - решали, как отметить праздник, чтобы он надолго запомнился врагам.

И уже не впервые за время войны Кочкину пришлось использовать свои инженерные знания не для созидания, а для разрушения. Решено было вывести из строя основной генератор электростанции. Но как сделать это, не вызвав подозрений? Кочкин предлагает: надо замкнуть шилом внутреннюю обмотку, тогда на ее восстановление потребуется не менее двух суток. Так и сделали. В диверсии никого не заподозрили. Единственное, что вызывало бешенство гитлеровцев: «случайное совпадение». Город погрузился в темноту в ночь с 6-го на 7-е ноября.

Сопротивление гитлеровцам в городе крепло. Появилась подпольная организация на паровозовагоноремонтном заводе. Слесарь-железнодорожник Геннадий Фокин с товарищами, перекрыв доступ холодной воды в котел, организовал взрыв в котельной, поджег цистерны с горючим. Много наделал шума взрыв на складе боеприпасов в центре города.

Группу из пяти человек создал в типографии коммунист В. И. Цветков. Его квартира стала «наборным цехом». Ночью, прослушав очередную сводку Совинформбюро, обсуждали ее, и тут же Антонина Гусева набирала текст, корректор Надежда Нечаева правила.

Печатали листовки под носом у гитлеровцев, в типографии, когда охрана засыпала. Работа эта была не менее опасной, чем подготовка диверсий.

Когда Киселев узнал о появлении в городе листовок, понял: их группа не единственная. И поручил ребятам связаться с другими подпольщиками. Довольно быстро Николаю Подшивалову и Владимиру Полякову удалось установить связь с группой паровозовагоноремонтного завода и железнодорожной станции, Ольге Савельевой - с типографскими работниками.

Сейчас, через много лет, когда мы знаем о грандиозных масштабах партизанского движения и подполья в Великую Отечественную войну, кому-то действия группы Кочкина могут показаться не такими уж значительными. Но тогда, осенью 41-го года, когда гитлеровская военная машина неумолимо двигалась вперед, многие сомневались в успехе борьбы в глубоком тылу противника.

Кочкин и его товарищи в первые месяцы оккупации сделали главное: они показали, что воевать можно и нужно не только на фронте. Подпольщикам не казались невероятными самые дерзкие, отчаянные акции, вплоть до покушения на... Гитлера.

Один из участников подполья Алексей Иванов вспоминал: «Немцы, что постоянно несли вахту на электростанции, проговорились, что в городе ожидают Гитлера. И было заметно по всему, что к встрече готовят-

ся. Кочкин в предполагаемый день приезда (в январе), примерно в полдень, позвал меня к себе в кабинет и сказал: «Пойдем встречать, бери пистолет и запасную обойму». Я сбегал домой, переоделся, взял оружие, и мы пришли к гостинице «Москва», где обычно принималось высокое начальство. Напротив был когда-то аптекарский магазинчик, который сгорел, осталось только пепелище. На нем - много склянок и банок. Мы стали выбирать из них пригодные для лаборатории электростанции и наблюдать за гостиницей. Вскоре к подъезду подъехали три легковые машины. Из них вышли военные - два полковника, капитан и другие. Того, кого мы пришли встречать, не было. Потом нам стало известно, что Гитлер изменил маршрут и поехал в Ржев».

В декабрьскую ночь за праздничным столом подпольщики дали клятву мстить врагу, не щадя своей жизни. Они еще не знали тогда, что совсем скоро им действительно придется отдать жизни за освобождение Родины.

Вскоре была проведена, пожалуй, самая крупная совместная операция групп Кочкина и Фокина. Сначала - авария на электростанции. И почти одновременно вспыхнул пожар на паровозовагоноремонтном заводе. Отсутствие электроэнергии предопределило дальнейшее развитие событий. Водяные насосы включить не удалось. Завод - крупнейшее предприятие Великих Лук - сгорел дотла.

О масштабах сопротивления гитлеровцам говорит и запись в дневниках начальника гитлеровского генштаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера: «14 декабря 1941 года. 176-й день войны. Положение с железнодорожным транспортом. Значительно уменьшилось количество прибывающих эшелонов. Причины - диверсии партизан. В Великих Луках сожжены паровозо- и вагоноремонтные мастерские».

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой фронт приблизился к городу. Оккупанты опасались удара и с тыла. И не без оснований. Патриоты рассчитывали с приближением советских войск овладеть комендатурой, уничтожить командование гарнизона.

Однако силы оказались неравными. Против подпольщиков действовали отлаженные, беспощадные фашистские спецслужбы.

Участники подполья рисковали не только жизнью. Ко многим из них, особенно к тем, кто пользовался доверием у немцев, местные жители относились с презрением. Это было едва ли не самым тяжелым испытанием. Нельзя было ни словом, ни жестом выдать свою ненависть к фашистам. Поскольку на немцев подпольщики работали открыто, на виду у всех, истинное же лицо каждого знали немногие, по городу поползли слухи о молодых предателях, переметнувшихся к немцам. Не прекратились они и после освобождения Великих Лук, так как официального подтверждения существования подпольных групп не было. Трудно представить состояние матери Кочкина, когда на обращение в компетентные учреждения

она получила ответ, что Василий был холуем у оккупантов и поэтому достоин всякого презрения. Плохая молва о сыне подорвала здоровье и старого солдата Ивана Николаевича.

Подтверждения действий патриотов в Великих Луках были получены в процессе следствия, которое в 1949-1950 годы провели пермские чекисты.

Скоре после войны в Пермскую область прибыл Григорий Шумков. По документам - бывший военнопленный, освобожденный нашими войсками из австрийского лагеря. О прошлом вспоминать не любил, близко ни с кем не сходил - это никого не удивляло. Понимали: наверное, много человеку пришлось пережить, немало судеб искалечила война. Так и работал бы Шумков, если бы не одна встреча. Оказался в тех же краях бывший фашистский прихвостень, уже отбывший срок наказания за пособничество немецким захватчикам. И, встретившись с Шумковым, узнал в нем провокатора, выдавшего подпольщиков в Великих Луках. Никому об этом докладывать не стал, но как-то в компании не удержался, сболтнул. Пермские чекисты вышли на след предателя.

Не просто было разоблачить его. Преступник надеялся, что свидетелей не осталось, документов, изобличающих его, не сохранилось.

Подполковник Иван Васильевич Няшин попросил разрешения лично вести расследование этого дела. Начальник управления одобрил такое решение, так как хорошо знал Ивана Васильевича, его боевой путь, службу в органах. Няшин до войны более семи лет работал народным судьей, участвовал в боях на Халхин-Голе, с 1942 по 1945 год на фронте, в контрразведке СМЕРШ, награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалями. Во время войны непосредственно участвовал в разоблачении немецких агентов, вел дела на фашистских наемников.

Шаг за шагом следствие изучало этапы предательства. Были разысканы и приглашены в Пермь участники и свидетели дел великолукского подполья. Дали показания Геннадий Фокин, Николай Смирнов, Миля Минина и другие. Из показаний свидетеля Геннадия Васильевича Фокина: «Шумкова я узнал, когда он стал работать в конце 1941 года или в начале 1942 года, точно не помню, на паровозоремонтном заводе. Я в это время руководил подпольной организацией, которая состояла примерно из 50 человек. Шумков с первых же встреч со мной и другими на заводе навязывал разговор про войну, о том, что советские войска начинают наступать и скоро немцев разобьют, что надо организовываться и бить немцев здесь и т. д. А потом он стал просить, чтобы его приняли в органи-

зацию. Я ему ответил, что у нас нет никакой организации. Впоследствии, посоветовавшись с некоторыми руководителями подпольных групп, мы его приняли. В беседе он рассказал, что в прошлом работал в великолукском военкомате, имеет воинское звание «старший лейтенант», оставлен для подпольной работы, имеет оружие, в том числе пулемет.

Примерно в январе 1942 года на квартире Валентина Полякова состоялось совещание руководителей подпольных групп, на которое был приглашен и Шумков. Мы наметили план проведения диверсий на заводе и в городе против немцев, и я дал задание собирать побольше оружия. Шумков выступил с патриотической речью, призывал к борьбе с фашистами...

На очной ставке с Фокиным 23 февраля 1950 года Шумков признал:

«Показания свидетеля Фокина я подтверждаю в том, что действительно через несколько дней после совещания по моему приглашению Фокин пришел ко мне на квартиру, и в беседе наедине мы подвергли обсуждению вопросы, касающиеся дальнейшей деятельности нашей подпольной организации. Совершенно верно, я достал, но где, сейчас не помню, карту Великолукского округа, и мы вместе с Фокиным стали наносить на ней военные объекты противника и возможные варианты подавления немецких огневых точек в момент наступления советских войск с целью нашего соединения с ними. Припоминаю, тогда же возник вопрос о численности подпольной организации. Фокин мне называл фамилии известных ему участников подполья, и мы намечали, что каждая из групп должна будет делать в момент восстания. Фамилии я записал...»

Вскоре начались аресты подпольщиков. Патриотов привозили в гостиницу «Москва», превращенную гестаповцами в застенок с усиленной охраной. Взяли и Шумкова, но он содержался в отдельной комнате в помещении гестапо. Очевидно, немцы опасались, что он будет сразу разоблачен участниками подполья. Патриотов пытали, стремясь добиться признания, однако ничего узнать не могли. Тогда в открытую решили использовать предателя.

Из протокола допроса Шумкова:

«На допросах у следователя осткомендатуры Шоля я рассказал о подпольном совещании в квартире Полякова и назвал фамилии присутствовавших на нем людей, которых знал... Мне проводились очные ставки, на которых я уличал участников нашей организации в фактах конкретной подпольной деятельности...»

Из показаний свидетеля Николая Ивановича Смирнова: «Когда меня привели в комнату, где немецкие офицеры проводили допрос арестованных, я увидел за столом Григория Шумкова. Он ел хлеб со сливочным маслом. В этой комнате находились три немецких офи-

цера, переводчик по фамилии Кросс и два жандарма, которые охраняли меня...»

Из показаний свидетеля Алексея Кузьмича Иванова: «Когда я был на допросе у немецкого следователя, Шумков сидел тут же за столом в хорошем настроении, улыбался. Он задал мне вопрос: «А помнишь ли историю с досточками с гвоздями?» А мы до этого по дорогам разбрасывали металлические шипы и доски с гвоздями для прокола шин немецких автомобилей. Но я ответил, что помню, как заколачивали досками дверь в подвале электростанции...»

Вина Шумкова в предательстве великолукских патриотов была доказана. Приговор военного трибунала Прибалтийского военного округа - высшая мера наказания.

Предательство наказано, возмездие за преступление пришло, но необходимо было вернуть честные имена патриотам, которые оставались неизвестными или оклеветанными. Установлению истины способствовало следствие, проведенное чекистами по этому делу. В официальных материалах расследования есть бесценные сведения о подпольщиках, их деятельности, героическом поведении. Есть здесь и документы, касающиеся Василия Кочкина.

Из показаний свидетеля Николая Ивановича Смирнова: «Находясь на работе на электростанции в сентябре 1941 года, числа точно не помню, с директором Киселевым Германом Степановичем мы пошли на насосную станцию. Он в разговоре интересовался моей биографией. В свою очередь я также спросил Киселева, что он за человек. На это Киселев мне ответил, что до войны отбывал наказание в Витебске. Из разговоров с ним я понял, что он в заключении не находился. Спросил его на тюремном жаргоне один из предметов в тюрьме. Киселев мне не ответил, стушевался. Он предложил мне работу по зарядке аккумуляторов, при этом заявил, что их надо заряжать так, чтобы они не работали. После этого разговора Киселев пригласил меня в гости, предупредил, чтобы я никому не рассказывал о том, какое дал он мне задание...»

О достоинстве, с которым держался Кочкин в самое трудное время, говорил и сам предатель.

Из протокола допроса Шумкова: «На очной ставке у следователя Шоля Киселев, обратившись к переводчику Кроссу, с возмущением спросил: «Скажите, за что меня арестовали?» Тот ответил: «Скоро узнаете». «Вы знаете Фокина?» - был вопрос Кросса. «Нет, не знаю». Я подтвердил их знакомство. Затем Кросс перевел следующий вопрос Киселеву: «Знаете ли вы, что у вас на электростанции группа людей производила акты саботажа?» «Нет, не знаю», - ответил Киселев. «А как вы думаете?» - Кросс адресовал вопрос мне. Я ответил, что, исходя из знакомства с Фоки-

ным и компетентности Киселева в техническом отношении, можно предположить, что он играл известную роль в подрывной работе на электростанции...»

О том, что творилось тогда в помещении гостиницы «Москва», где содержались подпольщики, рассказала потом чудом уцелевшая Миля Минина: «Истерзанные на допросах молодые ребята, брошенные в камеру, от боли лишались дара речи. Я стала совершенно седой...»

Пытки, истязания, допросы продолжались в течение месяца. 19 марта подпольщиков посадили в грузовики, накрыли брезентом и повезли на Коломенское кладбище, на окраину города. Свое черное дело фашисты свершили рано утром, надеясь скрыть, кого расстреляли. Однако и здесь оказались свидетели. Мать подпольщика Александра Овчинникова Надежда Дмитриевна рассказала: «19 марта 1942 года я и ряд других матерей, в том числе Иванова, подошли к немецкой тюрьме. Иванова ухитрилась у двух арестованных женщин через окно спросить, где наши дети. Те ответили, что их ночью увезли на автомашинах. Через некоторое время к тюрьме подошла женщина и рассказала, что около ее дома на кладбище Коломейка расстреляли несколько человек. Она слышала крики «За Родину» и выстрелы. Мы, матери, пришли на это место, нашли несколько шапок, хлястиков от пальто, мыло, мочалку. Пытались разрыть могилу, уже отрыли 8 трупов, в том числе директора электростанции Киселева, но были отогнаны сторожем. В тот же день я спрашивала у знакомого полицейского о сыне. Он сказал, что Сашу расстреляли».

Подполковник Няшин с удовлетворением закончил это дело. Еще бы, преступление раскрыто, собраны доказательства, предатель ответит за содеянное. Но радовало другое. Выяснены, хотя и не полностью, обстоятельства действий патриотов в тылу врага. Раскрыта еще одна страничка мужества советских людей.

Великолукское подполье было организовано рядовыми коммунистами, комсомольцами, беспартийными - теми, кому дорога Родина. У них не было опыта партийной, пропагандистской работы, они не обладали навыками конспирации. С голыми руками начинали борьбу, оружие приходилось добывать у немцев. Но их это не остановило. Рискуя жизнью, подпольщики боролись с оккупантами в тяжелые для нашей страны дни 1941-1942 годов.

В арсенале группы Кочкина были и диверсии, и саботаж, много сил он и его товарищи уделяли агитационной работе, укрепляя веру в победу у местных жителей. Была отлажена цепочка, по которой переправлялись через фронт бежавшие из лагерей военнопленные, выходившие из окружения бойцы и те подпольщики, которым угро-

жала непосредственная опасность. С ними же переправлялась разведывательная информация, собранная патриотами.

И провал подпольщиков произошел не из-за моральной неподготовленности, а из-за нехватки навыков конспиративной работы, отсутствия в подполье людей, знавших непреложные законы жизни в тылу врага.

Обстоятельства сложились так, что их имена не сразу были внесены в списки тех, кем гордится народ. Даже следствия почему-то оказалось недостаточно. Подключились уцелевшие подпольщики, журналисты. Лишь в 1961 году появился документ - письмо Псковского обкома КПСС, внесший полную ясность: «Дополнительной проверкой установлено, что в конце 1941 и начале 1942 годов в Великих Луках действительно имелись патриотические молодежные группы, одну из которых возглавлял Кочкин Василий Иванович, работавший в то время на городской электростанции под фамилией Киселев. В феврале 1942 года немцы арестовали многих участников этих патриотических групп и ряд из них расстреляли. В числе расстрелянных был и Киселев».

Немало подвигов совершено в годы войны на Псковщине. Вскоре после ареста подпольщиков, 24 февраля 1942 года, Совинформбюро сообщило о великолукском колхознике, 80-летнем Матвее Кузьмиче Кузьмине. Гитлеровцы предложили ему лесом и болотами провести их в тыл советских войск, обещали много денег. Во время сборов Матвей Кузьмич незаметно поручил сыну пробраться к нашим, предупредить их об опасности и сказать, чтобы они устроили засаду в условленном месте. Долго водил фашистов по лесу старый охотник. И когда они неожиданно оказались под перекрестным пулеметным огнем, Кузьмин что было силы крикнул: «Бей, ребята, не жалей гадов!» Фашистский офицер тут же выпустил в него пулю. Более 250 гитлеровцев нашли свою смерть под огнем наших бойцов. Многие были захвачены в плен. Так великолукский колхозник отомстил за молодых подпольщиков.

Вспомним и Александра Матросова, на псковской земле сделавшего свой последний шаг на вражескую амбразуру.

Много известных и пока безымянных героев сложили здесь свои головы. Один из них - наш земляк Василий Кочкин. Память о нем не должна уйти вместе с последними свидетелями тех героических событий. Как сам Василий учился на примере старших поколений, так и нынешняя молодежь должна видеть перед собой пример людей, прошедших через все испытания, не запятнав своей чести. Пусть живые помнят.

ЕМУ ПОЛНОСТЬЮ ДОВЕРЯЛИ

В архиве Министерства обороны СССР есть личное дело Героя Советского Союза Геннадия Ивановича Братчикова. На нем стоит гриф «Хранить вечно». В графе «Постоянное место жительства и адрес семьи» записано «Пермская область, г. Березники, ул. Пятилетки, 2, кв. 6».

Его имя Маршал Советского Союза Н. И. Крылов назвал в числе таких разведчиков, как Рихард Зорге, Маневич, Леонов, Линьков, Морозова, предпослав такие строки : «Вот имена для поэмы и эпоса о советской разведке и ее рыцарях предвоенного времени и грозной поры 1941-1945 годов».

В должности командира-разведчика капитан Г. И. Братчиков вылетел в

тыл врага в марте 1943 года. Его группа в составе семи человек: разведчики Владимир Бояринцев, Дмитрий Гончаров, Виктор Маро, Алексей Сульженко, радисты Иван Чижов и Семен Мазур - высадились в двадцати километрах севернее города Щорса, в районе действий черниговских партизан соединения Н. Н. Попудренко, в будущем Героя Советского Союза.

Почти весь апрель разведчики разъезжали по городам, подбирали доверенных лиц, создавали подпольные группы, которые бы осуществляли контроль за переброской войск противника. И вскоре со всех концов огромной территории стали поступать сведения, которые немедленно передавались в Центр.

Наступило лето 1943 года. Немецкое командование в большой тайне готовило операцию на Курской Дуге, которая, по замыслу Гитлера, должна была восстановить военный престиж после Сталинградской битвы. Враг нигде и никогда не стягивал столько техники, как под Курском. Он понимал, что это его последние шансы, и шел на все.

Донесения группы Братчикова были в числе тех первых донесений, которые помогли высшему командованию заранее разгадать замыслы врага на Курской дуге. По железной дороге Новозыбков-Новгород-Северский, находившейся под контролем разведчиков, проходили основные силы на Севск к Орлу. Здесь находился главный формировочный пункт техники и живой силы противника. Именно отсюда фашисты производили пополнение передовых позиций в районе Орловского выступа, представляющего наибольшую опасность для Центрального фронта на правом крыле.

В разгар сражения на Курской дуге и разведчикам группы Братчикова не было ни сна, ни покоя. Штаб фронта ежедневно требовал сведений, в каком направлении отступают вражеские войска, где сосредоточились танковые группировки, каковы результаты ночных налетов советской авиации.

Отступая с Курской дуги, фашисты не потеряли надежды задержать наступление советских войск, срочно возводили оборонительные укрепления вокруг Новгород-Северского, Новозыбкова, Щорса, Чернигова, Гомеля, а также по левому берегу Десны. И каждый день в штаб Центрального фронта шли радиограммы.

«1.9.43. Доктору. Из холмов 2 эшелона штаба Второй полевой немецкой армии выехали по маршруту Крюковка - Чернигов.

Овин»

«8.9.43. Доктору. В Щорсе издан приказ о мобилизации населения от 14 до 60 лет на окопные работы. Начало окопов от УЖД станции на Десну.

Овин»

«15.9.43. Доктору. Через Тельное на Крюковку прошло 50 танков, 300 автомашин, до 5 тысяч войск. Состав: немцы, австрийцы.

Овин»

«26.9.43. Доктору. В Хлопниках в 8 километрах северо-западнее Поморницы появился штаб, 400 офицеров, 5 тысяч солдат, 7 батарей зениток. По Десне: Цыгляревка - Свердловка производятся разлетные окопные работы.

Овин»

Одно за другим летели донесения в штаб фронта за подписью «Овин». 20 сентября 1943 года территория Черниговской области была полностью освобождена от фашистских захватчиков. Группа «Овин» соединилась с советскими войсками. Командование Центрального фронта наградило ее командира Г. И. Братчикова орденом Красной Звезды.

За два дня до нового 1944 года разведчики получили приказ. В нем говорилось: «Группе Братчикова 29.12.43 года перейти линию фронта у села Рудня Мечна, в 25 километрах севернее г. Овруч, и выйти в тыл вра-

га. Установить количество немецких войск в городах Барановичи, Волковыск, Слоним, Береза-Картузская, Ружаны и станции Иванцевичи. Следить за переброской войск по железной дороге Брест - Барановичи, Волковыск - Барановичи... В дальнейшем действовать по указаниям командования 1-го Белорусского фронта».

Линию фронта переходили минным полем, где саперы сделали разведчикам проход. Наготове стояли артиллерийские пушки. С наблюдательного пункта долго не уходил полковник разведотдела фронта и офицеры полка, дожидаясь того времени, когда по их расчетам разведчики должны были пройти передовые позиции врага.

А через несколько дней в штаб фронта стали поступать первые донесения.

«Южнее города Луцица большой склад боеприпасов и склад горючего».

«В районе города Сарны сосредоточен 7-й армейский корпус в составе 18-й мотострелковой и 19-й пехотной дивизии».

«Гарнизон г. Лахва насчитывает около 2000 солдат».

В ставке на лето 1944 года вынашивалась операция в Белоруссии под кодовым названием «Багратион», одно из крупнейших сражений минувшей войны. Советским войскам предстояло, как видно из воспоминаний маршала Жукова, в ожесточенной битве столкнуться с восемьюстами тысячами солдат и офицеров врага, на вооружении которого было 9,5 тысяч орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, 1300 боевых самолетов, преодолеть подготовленную оборону глубиной двести пятьдесят - двести семьдесят километров.

И опять среди тех, кто помогал советским полководцам выбрать направление главного удара в Белоруссии, продумать до мелочей и осуществить дерзкую операцию «Багратион», в числе других разведывательных групп была разведывательная группа гвардии капитана Геннадия Ивановича Братчикова. О ее действиях в характеристике сказано коротко и скупое: «За первые три месяца группа «Овин» передала по радио 125 ценных разведывательных донесений...». В шифровке штаба фронта писалось: «Всей вашей деятельностью мы довольны. Гордимся вами и благодарим за отличную работу». Здесь же сообщалось, что командиру группы Братчикову присвоено звание «майор», а старшему лейтенанту Ивану Чижову - «капитан».

В двадцатых числах июня войска 1-го Белорусского фронта начали наступление, окружили крупную фашистскую группировку в районе Бобруйска. Удар был ошеломляющим. Сражение в Белоруссии определило неотвратимо близкий исход войны.

В первых числах июля 1944 года группа «Овин» получила приказ.

Он гласил: *«Срочно уходите за реку Буг на территорию Польши с целью ведения разведки в районе городов Млава, Плоньск, Рытин, Цеханув, Бежунь, Серпц ...*

Доктор»

Предстояло пройти более четырехсот километров по территории Польши. Не просто пройти, а на всем протяжении пути добывать сведения о противнике.

8 июля, в день, когда войска 1-го Белорусского фронта освободили Барановичи, группа Братчикова ушла в новый рейд.

В ночь с 18 на 19 июля группа Братчикова вышла на государственную границу СССР. За Бугом начиналась Польша. На своей земле каждое дерево, каждый кустик помогали, а каково будет там, за рекой? Да и незнание польского языка сильно осложняло дело.

... Однажды ночью разведчики встретили в лесу вооруженных людей - изготовились к бою, но оказалось, что это партизаны из Армии Людовой. Надо было видеть, как ликовали поляки. Скоро их родина будет освобождена от фашистов.

... Вырвавшись из крошечного ада, устроенного немецким войскам четырьмя советскими фронтами, осуществляющими операцию «Багратион», фашисты спаслись бегством. Группа Братчикова продвигалась на запад параллельно с ними, сообщала в Центр важные данные. Так, в Цеханове она засекла отделы штаба Второй немецкой армии и склад боеприпасов - ночью советские бомбардировщики накрыли их; под Плоньском обнаружили полевой аэродром, срочно передали координаты, а на утро немецкий аэродром был стерт с лица земли.

«Доктору. Польские друзья из Жиромин и Рытин сообщили: 30.9 в Рытин из Бродница прибыло 11 эшелонов с живой силой и техникой дивизии «Герман Геринг», переброшенные из Германии. Кроме того, на железнодорожной станции Рытин стоят 3 эшелона немецких средних и тяжелых танков.

Овин»

«Доктору В Бежунь - 18 километров северо-восточнее города Серпц - прибыло с фронта 5000 солдат и офицеров вермахта...

Овин»

К первым числам октября в состав группы «Овин» входили Озон - перwokлассный радист, капитан Иван Чижов, окончивший то самое училище, что и Братчиков, молодой отличный следопыт лейтенант Алексей Сульженко - он же Борис или Барс, двадцатилетний разведчик Виктор Маро - по кличке Олень, Дмитрий Гончаров - Гончар, радист, земляк Барса, Семен Мазур - Олекса и присоединившийся от другого разбитого немцами отряда советских разведчиков Вальтер Болыц. Сначала ребята

отнеслись к нему настороженно: немец - и вдруг наш разведчик. Но вскоре Вальтер стал в группе незаменимым человеком. В своей ефрейторской форме он свободно вращался среди немецких солдат, не вызывая никаких подозрений, добывая сведения о крупных оборонительных работах, о минных полях, устанавливал номера дивизий, дислокацию военных штабов, аэродромов, складов горючего и боеприпасов.

В конце сентября в группу «Овина» вернулся старый боевой товарищ еще по брянским, черниговским, белорусским лесам, лечивший раны на Большой земле, Владимир Бояринцев, по кличке Боцман или Белый. Ему было всего двадцать лет, но, несмотря на молодость, он являлся заместителем командира, который его любил за бесстрашие, за находчивость, за умение «хоть из-под земли» добывать сведения. И вот Боцман был снова в своем отряде. Он привез ребятам с Большой земли письмо от начальника. В нем писалось:

«Действуйте и дальше так, как вам подсказывает русское сердце. Всей вашей работой довольны. Будьте бдительны... Вы делаете великое дело.

Доктор»

В октябре в лесах Мазовии участились облавы. В одной из стычек с немцами на хуторе близ деревни Залесье группа «Овин» понесла тяжелые потери. Погиб разведчик Барс, молодой веселый парень из-под Киева. Братчиков долго не мог забыть рассказ, как в бою на хуторе смертельно раненый и окруженный со всех сторон карателями Алеша Сульженко с большим трудом поднялся во весь рост и, едва передвигаясь, прошел к охваченному пламенем сараю и повалился через высокий порог в огонь, взметнув над собой громадный каскад красных искр.

В том самом бою тяжело ранен Гончар - разрывная пуля раздробила ему предплечье левой руки - и Вальтер Больц - под коленным суставом перебита мышца. Взявший на себя командование боем польский партизан поручик Рыпиньский вместе с сыном вывел партизан под видом раненых немцев, накинув немецкие шинели с убитых карателей.

«Овину. 4.11.44. Доложите, почему с 28.10 не выходите на связь? ... Поздравляю правительственными наградами. Барс - орденом Отечественной войны 1 степени, Гончар - орденом Красного Знамени, Олень - Красной звезды. Желаю составу дальнейших успехов.

Доктор»

«Доктору. 5.11. Во время карательной операции 28.10 убит Барс. Гончар тяжело ранен в предплечье. Вальтер Больц ранен в левую ногу... Овин и Озон находятся в болотах реки Вкра... Принимаю меры к обес-

печению питанием рации Озона...

Боцман»

«Доктору. 5.11. Преследуют каратели. Батареи утоплены в болоте. Я ранен, ходить не могу.

Овин»

Несмотря на тяжелые ранения и жестокие преследования, группа продолжала работать.

«Доктору. 21.11. Гончар лежит на явочной квартире. К Гончару направили Боцмана. Болыц уже немного ходит. Я могу передвигаться...

Овин»

«Доктору. 21.11. В Рытине расквартирована дивизия «Герман Геринг» численностью 16 тысяч человек.

Овин»

«Доктору. 21.11. Выброску грузов на переданные сигналы прошу отменить. Преследуют каратели.

Овин»

Немецкие части пеленгации и подслушивания СС давно засекали, что у них в тылу работают радиопередатчики. Но при облаве русские призраки как сквозь землю провалились. И это в тылу армии, которая охраняла подступ к Восточной Пруссии, где находился резерв отборных немецких войск!

Работа советской радиостанции в тылу Второй полевой армии вызвала крайнее неудовольствие высокопоставленных лиц из ставки Гитлера, и, в частности, бригаденфюрера СС Шелленберга. Его приводило в бешенство то, что немецкая контрразведка никак не могла подобрать ключ к шифровке перехваченных телеграмм, и неизвестно было, какого рода секретная информация поступает советскому командованию. Командированный из Берлина оберштурмбанфюрер СС Шенкендорф разработал специальный план операции.

... После боя с карателями на хуторе, где погиб Барс и три разведчика были ранены, Овин, Озон и лейтенант Баранов скрывались в болотах реки Вкра. Там они нашли островок с единственной ольхой и стогом сена под навесом и приспособили его под жилье. Стоял декабрь. Было холодно. От дыхания смерзалось сено. Пора было сменить «квартиру», но со дня на день они должны были получить груз, питание для рации. Да и многие товарищи ранены, далеко не уйдешь. И сам Овин едва передвигался.

Было воскресенье, 10 декабря 1944 года. Голые вербы и ивы стояли в густом инее. Чуть брезжил рассвет, когда капитан Чижов с лейтенантом Барановым ушли на связь. Раненый Братчиков остался на островке один.

Никто из них не знал, что на поиски разведчиков отправились две партии гитлеровцев, что хутор, куда направлялись капитан с лейтенантом, окружен немцами.

Попавшие в засаду Чижев и Баранов вынуждены были принять бой и при попытке вырваться из кольца погибли. Хозяин хутора, связной Братчикова Ежи Булка, в момент боя незаметно пробрался к реке, чтобы подать лодку раненому майору. Но как ни спешил Ежи, все его старания оказались напрасными. До островка оставалось совсем немного, когда он услышал автоматную перестрелку. Остров был уже окружен, и каратели вели разведку боем, пытаясь засечь ответный огонь.

Братчиков понимал, что кольцо врагов неотвратимо сжимается. Понимал он и то, что фашистам нет никакого смысла убивать его и что всем, кто участвует в карательной экспедиции, дано строжайшее указание взять его живым. То был момент, когда Овин взвесил все свои возможности и принял решение. Первым делом он взорвал радиостанцию, поджег стог сена с пожитками разведчиков и, прячась в дыму, стал пробираться к руслу реки. Но в одной из перебежек пуля подкосила его. Больше он уже не поднимался.

... Руководивший операцией штурмбанфюрер приказал солдатам перерыть остров вверх дном и найти рацию и любые принадлежности разведчиков. Сам же он остался около тела Братчикова. Он, конечно, досадовал на своего снайпера, которому разрешалось стрелять только в крайнем случае и только по ногам. Штурмбанфюрер наклонился над телом Братчикова. Что произошло дальше, никто не видел. Только вдруг прозвучали один за другим два выстрела. Вскоре на берегу показался штурмбанфюрер, прикрывая платком горло, из которого сильно бежала кровь.

Позднее разведчикам группы Овина стало известно, каким образом фашисты узнали, где находится майор.

Связной Братчикова рыбак Юзеф Павловский был арестован полицией за самогоноварение. Посидел бы он день-два и оказался на свободе. Но подвел Юзефа его тесть, решивший, что зять взят за связь с подпольем. Он убедил дочь пойти в гестапо и рассказать, куда и зачем иногда по ночам исчезал ее муж. Так фашистам стало известно, где скрываются разведчики.

Подробностей гибели Братчикова никто не видел. Слышали только два выстрела. По предположению разведчиков могло произойти следующее. В момент, когда штурмбанфюрер наклонился над Братчиковым, чтобы обыскать его, Геннадий Иванович был еще жив и, собрав последние силы, нанес кинжалом удар в горло фашиста, а, возможно, обхватив руками его за шею, впился зубами так, что ка-

рателю в страхе за свою жизнь оставался единственный выход - пристрелить разведчика.

Фашисты жестоко отомстили полякам за то, что они содействовали советским разведчикам и оказывали им всяческие услуги. Хутор Мыслин-Вонтрубки, где погибли Чижов и Баранов, в тот же день, 10 декабря 1944 года, каратели сожгли дотла. Многие жители были позже расстреляны. Ведь фашисты давали за голову Братчикова сто тысяч марок!

Тело командира разведчиков, на котором висела доска с черными буквами «Красный бандит», каратели привезли в местечко Бежунь и положили у входа в фельджандармерию, где оно должно было лежать на виду у населения три дня. Но на третью ночь оно исчезло. Тело Овина выкрали боевые товарищи и похоронили около хутора Мыслин.

Отряд майора Братчикова продолжал работать.

«Доктору. 10.1.44. В борьбе с карателями на хуторе Мыслин-Вонтрубки погибли командир Овин, Озон. Командование группой взял на себя, заместителем назначил Оленя. Прошу утвердить.

Боцман»

Группа «Овин» выполнила свой долг до конца. В заключение по отчету о деятельности группы за период с декабря 1944 по 20 февраля 1945 года сказано: «Несмотря на непрерывные преследования немцев и частые облавы, группа детально освещала положение войск противника в районе действия, перевозки по железным дорогам Торн - Серпц - Насельск, Бродница - Серпц - Плоцк. Установила гарнизон и военные объекты города Серпц, указав цели для бомбометания. Обнаружила прибытие дивизии «Герман Геринг»... Первой дала сведения, которые помогли вовремя засечь формирование армии».

Пробыв в тылу врага год и два месяца, группа «Овин» в конце февраля 1945 года соединилась с наступающей армией, а в марте 1945 года командиру группы гвардии майору Геннадию Ивановичу Братчикову было присвоено звание Героя Советского Союза.

И только жена продолжала ждать его с войны. В личном деле «Овина» хранится ее письмо

«Дорогой Геня!

Поздравляю тебя с Победой!

Сколько радости для всех принесло известие об окончании войны, но только не для меня...

Для меня это известие было бы радостным, если бы я знала, что ты жив. Тогда все было бы совсем иначе, и мир был бы окрашен другими красками...

...Если ты каким-либо чудом окажешься жив, то, безусловно, отыщешь меня, где бы я ни находилась... В военкомат пришло сообщение, что ты по-

гиб 10 декабря 1944 года. Но в «Правде» от 25 марта 1945 года я прочитала твоё имя в списках награждённых - тебе присвоено звание Героя Советского Союза. Возможно, что звание тебе присвоено и посмертно... Обстоятельства таковы, можно считать тебя и в живых и в мёртвых.

Это письмо я пишу тебе в День Победы на всякий случай - получишь или не получишь... Если оно попадет к тебе, то знай, что я снова в Киргизии. Где именно я буду жить, пока не знаю.

Милый, родной мой Генок! Если ты отыщешься, то знай, что я остаюсь по-прежнему твоей любимой Наденькой, что я всегда буду рада встретить тебя, несмотря ни на какие твои ранения.

Твой сыночек здоров и с нетерпением ждёт тебя. Целуем крепко, крепко. Твоя любящая Надя и Слава Братчиков».

Прах гвардии майора Героя Советского Союза Г. И. Братчикова похоронен в польской земле, в местечке Бежунь. За заслуги в освобождении Польши Государственный совет Польской Народной Республики наградил его орденом - «Крест Грюнвальда». В дни народных праздников у могилы отважного русского разведчика, выросшего на берегу Камы, несут почётный караул воины Войска Польского и юные харцеры.

В Москве на Таганке живет генерал в отставке. Возраст его перешагнул за 70 лет, но он еще бодр и по-военному подтянут. И глаза у генерала молоды, взгляд прямой, многовидящий.

Генерал Петр Никифорович Чекмазов в годы войны возглавлял отдел разведки штаба Центрального, а затем 1-го Белорусского фронтов и прошел войну рука об руку с двумя выдающимися советскими полководцами маршалами К. К. Рокоссовским и Г. К. Жуковым. Под его началом и работала разведывательная группа Г. И. Братчикова.

Бывший начальник разведки фронта, как никто другой, помнит и знает высокую стоимость тех сведений, которые добывали Г. И. Братчиков и его товарищи. Это были почти всегда те чрезвычайно важные донесения, которые являлись ключом к разгадке дальних замыслов врага. И если командующий фронтом К. К. Рокоссовский при ознакомлении с отчетом, прочитав ценное или особо нужное ему сведение той или иной группы, переспрашивал у генерала Чекмазова, насколько оно достоверно и можно ли его принять за истину, то донесения группы Братчикова никогда не брались под сомнение. Разведывательные данные, добытые его отрядом, отличались исключительной точностью и всегда подтверждались всеми видами контроля и аналитических сопоставлений.

- И вот, если учесть, - сказал генерал Чекмазов, - что ни один боевой приказ не направлялся в войска без оценки обстановки в стане врага, которая базировалась на достоверных фактах, установленных разведчиками по различным каналам, то в этом смысле группа Братчикова в числе

других групп внесла огромный вклад, чтобы наши войска в годы войны выиграли три крупнейших сражения - грандиозное сражение на Курской дуге, битву за Белоруссию и Висло-Одерскую операцию.

А годы идут. И жизнь продолжается.

20 марта 1977 года в день рождения Г. И. Братчикова в школе №26 г. Березники был открыт музей героя. На открытие музея приезжала жена разведчика Н. М. Тихомирова-Братчикова. С этого времени в день рождения Братчикова и в день его смерти школьники выстраиваются на торжественную линейку и рапортуют о своих школьных делах, подводят итоги памятных конкурсов, лучшие учащиеся возлагают гирлянду славы к портрету героя, несут почетный караул, а музей пополняется все новыми и новыми экспонатами. Это и личные вещи разведчика, и письмо генерала в отставке П. Н. Чекмазова.

А 25 марта 1979 года в Музее Вооруженных Сил совет музея школы провел встречу разведчиков из отряда «Овин». Из Березников прибыло 28 учащихся и три учителя во главе с директором школы В. Г. Гришным.

Выстраивается торжественная линейка. В зал входят разведчики из отряда «Овин»: с Черниговщины В. У. Маро, из Киева почетный радист С. Г. Мазур, из Белоруссии - Д. Я. Гончаров, В. Г. Яковенко, М. Н. Кот, В. И. Мирановский, из Кирова заместитель командира разведотряда «Овин» В. И. Бояринцев. Последним в зал входит генерал П. Н. Чекмазов в сопровождении писателя О. А. Горчакова.

Школьники вручают ветеранам войны цветы. Начинается переключка прибывших на встречу. Разведчиков называют по именам и псевдонимам: Гончар, Олень, Олекса, Доктор, Боцман. Все присутствующие чтут память павших смертью храбрых минутой молчания. Школьники вручают памятные сувениры. Каждому разведчику была преподнесена шахтерская каска с его псевдонимом. Затем ветераны войны вручают экспонаты в музей. В. И. Мирановский и М. И. Кот привезли макет партизанского стана генерала Сикорского из Белоруссии. Почетный радист С. П. Мазур - Олекса - передает в дар музею редкую реликвию - карманные часы, по которым в условное время передавал сводки в штаб фронта Доктору (Генерал П. Н. Чекмазов).

Дети с восхищением принимают эти памятные экспонаты в свой музей. Прощаясь с детьми, ветераны дают наказ быть честными, преданными сынами и дочерьми нашей Отчизны, каким был их боевой командир Герой Советского Союза Г. И. Братчиков.

БЕЛЫЕ ВЬЮГИ

В. Бирюкова

Последний раз ее видели березниковские девчата в апреле 1943 года в Москве, где Вера лечилась в санатории-госпитале после тяжелого ранения, полученного в тылу врага. Както однажды, когда ее здоровье уже пошло на поправку и ей разрешили делать дальние прогулки, она провела свою Тимирязевку, в которой после войны мечтала продолжить учебу, и там, в парке, на аэростатном посту, встретила березниковских девчат. Радости было - не передать! Это как награда - после жестоких боев в тылу врага, после тяжелого ранения оказаться вдруг среди девчонок из родного города.

Вера не рассказывала им, что ей пришлось пережить, потому что многое было тогда военной тайной.

- Ты знаешь, - говорила она Анне Лапиной, с которой училась на курсах радистов еще в Березниках, - как я здорово умею скакать на коне и стрелять из нагана - во! - Вера показала большой палец и переспросила: - Правда, хорошо?

Вера какой была, такой и осталась. Она всегда так переспрашивала. Похудевшая, коротко стриженная, Вера походила на озорного мальчишку. Аня смотрела на нее влюбленно и завидовала ей. Она ведь тоже могла быть среди партизан, о которых ходило так много легенд на Большой земле, но при выпуске радистов на самой главной комиссии Аню подвел слух.

До войны Вера училась в сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Правда, недолго. Неожиданно заболел отец, и ей, старшей в семье, пришлось бросить учебу, вернуться в Березники и устроиться прибористкой на содовый завод. Здесь и застала ее война.

Как и многие девушки-комсомолки, она подала заявление в военкомат, стала учиться на вечерних курсах и через год получила повестку.

А что было дальше?

Об этом лучше и точнее расскажет сама Вера в своих письмах и дневниках.

Из дневника:

Август 1942 года.

С 25 июня живу в Москве. Нас направили в Центральную школу, и с 7 августа мы приступили к занятиям. Меня и еще несколько девушек зачислили в группу, которая начала заниматься раньше нашего на полмесяца, так что пришлось догонять. Пока учусь на «отлично». За это мне давали увольнительные в город.

... Недавно навещала свою Тимирязевку. Оказывается, там сейчас госпиталь. А здания и все остальное осталось без изменения.

Косы свои я остригла и завилась...

30 августа

... Принимали партизанскую присягу. Такой торжественный день. Когда читала, то волновалась.

Из письма к родным:

19 сентября.

Дорогие мои!

Я живу хорошо. Нам выдали шинели, но в них придется ходить дней 20. Ведь через 20 дней мы окончим и поедем по заданию правительства.

Дела у меня идут хорошо: учусь на «отлично», авторитетом пользуюсь... меня выбрали секретарем комсомольского бюро роты. Шика!

Положение на фронте серьезное. Нужно во что бы то ни стало победить, так что мы увидимся, наверное, только после разгрома немцев.

До свидания, до скорого. Всех крепко целую.

Ваша Вера.

Из дневника:

27 декабря.

... Позавчера я была на торжественном заседании, посвященном 25-й годовщине существования Советской власти на Украине. Это было в Колонном зале Дома Союзов, можно гордиться. В президиуме были Калинин, Щербаков. Знатные люди - Демченко, Ангелина и другие, писатели, поэты. Доклад делал Корниец, председатель Верховного Совета Украины... Я была как представитель от партизан. Замечательно.

10 января 1943 года

Ездил в штаб грузить боепитание. Работала до 4 часов, а там ищут меня, чтобы сообщить, что завтра утром я еду с группой Семенчука. Бегу, чтобы узнать точно, к Мацу, такового встречаю с Семенчуком на пути.

Они говорят, скорей собираться. Всю ночь собиралась, и утром в 7 часов выехали на станцию.

Опасное, говорят, всегда манит. И Вера не могла дожидаться того момента, когда она высадится в тылу врага. И вдруг неожиданно подсаживается к ней ее непосредственный командир, начальник связи бригады, парторг Владимир Антонович Липисивицкий, начинает такой разговор:

- Вы, оказывается, овощевод, а я зоотехник. Вот закрою глаза и слышу, как коровы жуйку жуют, как они тяжело и продуманно вздыхают... Вера... Вы ясно представляете, куда мы идем?

- Да. Вы что, не хотите меня брать с собой?

- У меня к вам просьба: оставайтесь при штабе.

- Вы мне не доверяете? - сквозь слезы спросила Вера.

- Когда человеку не доверяют, его просто отстраняют, а я прошу. Вдумайтесь: диверсионная бригада особого назначения. Мы - смертники. Шансов остаться в живых очень мало.

- Я знаю.

- Ну, хорошо, а вы хоть когда-нибудь прыгали с парашютом?

- Нет, а что?

- Ну вот видите. Как же вы тогда собираетесь прыгать без подготовки?

- А я не виновата, что не дали самолета для тренировки.

Одним словом, парторгу не удалось отговорить Веру от желания воевать в тылу врага, и в конце разговора, когда он согласился взять ее к себе радистом, она спросила его:

- Владимир Антонович, скажите честно, вы ведь тоже ни разу не прыгали с парашютом?

Липисивицкий широко заулыбался:

- Не прыгал, не прыгал. Успокойтесь. Но откуда вы это знаете?

- А я слыхала, как комбриг говорил кому-то по телефону, что все в нашей группе, кроме него, ни разу не прыгали. И самолет не дали.

- Самолеты были в деле.

Вера не могла нарадоваться, что сумела отстоять себя, не предчувствуя еще одного препятствия. В тот день ее пригласили в особый отдел. Там сидели три особиста, и они повели с ней разговор без всяких обиняков.

- Скажите, Бирюкова, а почему вы скрыли, что ваш отец священник?

- Во-первых, он уже давно не священник, а столяр бондарного цеха содового завода. Когда в тридцатом году церковь в Орле-городке закрыли, мы переехали в Березники, и отец стал работать на заводе. Его фотография всегда висит на Доске почета. Какой он священник? Он столяр. И

я всегда в биографии так писала - и когда поступала в комсомол, и в Тимирязевскую академию...

- Но поступая в спецшколу, вы обязаны были написать о прошлом своего отца. Ведь в душе он остался священником.

- Не написала потому, что хотела попасть в спецшколу.

- Вот-вот, - ухватился за ее слова один из особистов, - а с какой целью попасть в школу?

И тут Вера забыла, перед кем она стоит.

- Вы что, меня подозреваете? - с негодованием спросила она. - Я стала радисткой, переводчицей, научилась стрелять, душить этими руками, а вы за два часа до вылета пытаетесь все перечеркнуть. Да, мой отец священник, но когда я уходила в армию, он благословил меня. Он сказал: «Иди, дочь моя, и ни в чем не имей сомнений». Слышите: благословил на войну. И подарил маленькую иконку «Вера, Надежда, Любовь».

Вера не растерялась и, может быть, это ее и спасло. Слушавшие ее особисты переглянулись, лица их посветлели, и Вера почувствовала, что они ей поверили.

- Ладно, - улыбаясь, сказал старший из них, - идите и собирайтесь к вылету.

- Ой, спасибо, - сказала Вера и, скорей всего, от перенапряжения разревелась.

- Ну что вы... зачем же...

Только гораздо позже Вере стало известно, что первым за нее вступился комиссар бригады Валентин Есипенко. Все знали, что она ему нравится, и у Веры, кажется, начинала просыпаться симпатия к нему, но никто не знал, что был такой уговор, коль скоро он берет ее на поруки - при первом же подозрении в предательстве комиссар Бирюкову пристрелит.

Под вечер в бригаду прибыл богатырского телосложения, метра два ростом генерал Тимофей Амвросиевич Строкач, начальник Украинского штаба партизанского движения. Ходили слухи об удивительной судьбе этого человека. Родители его - украинские переселенцы на Дальний Восток, где и родился Тимоша. В боевые ночи Спасска, в шестнадцать лет он уже партизанил, воевал, ходил в разведку. В доме Строкачей стоял штаб, и Тимоша лично знал Постышева и других, сдружился со своим ровесником Сашей Булыгой - партийная кличка будущего писателя Александра Фадеева в пору его партизанской юности.

Поздно вечером генерал Строкач собрал первую готовую к вылету группу диверсионной бригады. Он был немногословен.

- Если будет благоприятствовать плохая погода, - сказал генерал, - в районе боевых действий вы должны появиться завтра. Главное ваше оружие - внезапность. Ваш ближайший союзник - бураны, метели. Синопти-

ки обещают их вам. Для вас ничего не может быть лучше плохой погоды. Помните - и от ваших усилий зависит судьба Сталинграда. Там очень трудно. Вместе с выюгами вы должны пройти в тыл врага, не оставляя после себя ничего, кроме опустошения. Пусть эти белые выюги станут саваном для врага. У меня все. Я не прощаюсь.

Из дневника:

17 января.

В 7 часов мы вылетели в тыл к немцам. На нас надели парашюты, вещевые мешки, автоматы, на мне была рация. Вот наш самолет загудел и стал набирать скорость. Потом оторвался от земли... Летчик вел самолет плавно, хорошо. Я и еще со мной был человек, комиссар нашего отряда Валя Есипенко, сидели на грузовых мешках. Летели без всяких приключений 3 часа 30 минут. Один раз, правда, обстреляли.

Самолет пошел на спускание, мы стояли около раскрытой двери, готовые к выброске. Было страшновато, но я решила: что будет, того не минувать. Присутствие духа не теряла. Смотрим вниз и видим: костры горят, бросают ракеты. Команда прыгать. Есипенко и я за ним полетели в пространство. Сердце замерло, потом толчок - это раскрылся парашют, и я пошла медленно к земле. Самолет был уже далеко, и меня отпустило от костров. Внизу близко земля, я приготовилась к приземлению, толчок на правую ногу, и я упала на снег, парашют некоторое время тащил меня по земле... Я оглянулась и вижу: упала между двух лесов, к моему счастью, в болото. Начала расстегивать перемычки, замерзли руки, поморозила пальцы, но не расстегнулась, - так было туго затянуто. Кое-как перевернулась на спину, достала нож и хотела разрезать ремень, но пришел Валя и помог мне выпутаться - он упал метрах в 100 от меня.

Зарыли все свои вещи и пошли на костры: там нас встречали партизаны. Брели по снегу долго. Заметили подводу, оказалось, ищут грузовые парашюты. Они привезли нас к кострам. Спустилось нас 7 человек, командир и начальник штаба приземлились на деревья. Остальные благополучно.

Переночевали в деревне Водянка. Потом утром уехали к партизанам в лес. Встретили замечательно, как представителей с Большой земли.

28 января.

Из леса, из землянок мы переехали в село Пограничное. Из 32 дворов осталось 10. 22 двора спалили немцы. Девчат этого села всех изнасиловали, забрали все, даже пуговицы и брошки. В соседних селах от мала до велика сожгли и повырезали... Ужасно пострадало население.

6 февраля.

Находимся в 17 километрах от Сум. Сегодня ночью был бой, который длился до утра...

Интересно устроена жизнь, которая дается один раз человеку... Сволочи, зачем они идут воевать? Они забиты и напуганы, но воюют против нас, хотя сами говорят, что Гитлеру капут.

Сегодня переезжали шлях Сумы - Суджиса, по которому двигаются отступающие немцы. Идут большими партиями «до дому». Только успели проскочить, показалась огромная партия немцев. Идут вперевалочку. Наши пулеметчики ушли далеко вперед, а то бы их всех перебили.

Очень много захватили трофеев - пулеметов, виштовок, лошадей и др... 8 февраля.

В седьмом часу вечера Володя - начальник связи - приказал собираться, сам пошел в штаб получить указания. В штабе сказали, что остаемся почевать. Мы снова разложислись. Вдруг залпы. Что такое? Получили указание запрягать лошадей и ехать в лес. Минута - все было готово. В лесу остановились. Харьковский и, наверное, половина нашего отряда остались в селе. Стреляли, много положили фрицев. Из нашего отряда пять человек убитых. Убит комиссар - молодой парень, пулеметчик, разведчик и двух я не знаю. Из харьковчан четверо убитых и двое раненых. Убили Валю, с ним я прыгала с парашютом. Хороший парень. Вечная ему память. Бой окончился нашей победой, побили фрицев порядком, человек 70.

До двух часов ночи стояли в деревне наготове, потом расположислись по квартирам. Устроили вокруг деревни усиленные посты. Утром положили еще фрицев, попрятавшихся в хатах. Интересно, что они трусы все - «я жить хочу». Наших убитых похоронили в огороде у нашей хозяйки.

Насчет себя. Мне было, правда, страшно и боязно за свою жизнь, но я не теряла присутствия духа.

Сейчас пока сидим в селе Сенное. Оно надолго запомнится.

13 февраля.

Деревня Ревки, южнее Сум километров на 40. Ехали всю ночь. Ужасно замерзли. Такой был холод, ветер ужасный. Промерзли здорово...

Держали связь с Москвой. Еще не успели кончить работать, около четырех часов дня, как поднялась стрельба. Оказывается, на нас наступили «чистокровные арийцы», приехавшие из Лебедина. В Лебедин же по телефону сообщила сбежавшая из этого хутора полиция. Их чуть не всех перебили, захватили трофеи...

15 февраля.

Село Великий Истоп.

Было дело днем. Мы освободили из лагеря военнопленных, а немцев побили. Освободили человек 700.

... Много пришлось мне работать по шифровке, а Владимиру по передаче. Давали отчет Строчаку о своей проделанной работе, а также передавали радиোগраммы о нагрозждении. Я тоже есть в списках, хотя

наградить орденом Красной Звезды, Володю - орденом Красного Знамени...

По радио все время передают хорошие вести, Красная Армия продвигается вперед...

Интересно, что в Ревках мы вели бой с «чистокровными» фрицами, посланными из Лебединя с аэродрома. Это были зенитчики. Тот же, додумались, кого посылать: квалифицированных! Мы их перебили - так пусть они сейчас новых обучают.

16 февраля.

Село Межанка.

Сейчас мы находимся в 70 километрах от Сум. Сегодня работы тот же много, так как мы вчера не успели передать все.

17 февраля.

Село Межанка.

Ох, вчера и пришлось поработать, но так до конца все и не передали. В этой радиограмме говорится обо мне. Комбриг ходатайствует, чтобы мне присвоили звание младшего лейтенанта. Интересно.

18 февраля.

Село Межанка.

Сегодня с самого утра начала шифровать и кончила только к пяти вечера. Много, ужасно много работы, но я не чувствую усталости, и нет у меня этого нытья. Я рада за себя. Сегодня поедем в поход. По радио казис-дый день хорошие вести. Сейчас мы находимся в 50 километрах от фронта. Вот наши и торопятся идти вглубь, на запад, а то, позисалуй, попадем в «плен» к Красной Армии...

19 февраля.

Х. Вертыки.

Устроились там замечательно. Хозяйка такая гостеприимная, компот сделала, водки достала. Отдохнули после холодной ночи и опять в путь... Переезжали большой шлях, по которому не только днем, но и ночью ходят машины. Мы уничтожили пять машин, одна из них броневая... Едем ночью, а ночь-то какая светлая, все видно, как днем.

4 марта.

Районный центр Борисовка.

Случилось со мной очень большое несчастье - меня тяжисело ранили. Да же теперь врачи удивляются, как я осталась жива и как хорошо себя чувствую. Ведь только подумать, прострелили навывлет левую половину груди, легкие продырявили. Сначала было ужасно тяжисело дышать, сейчас да же писать могу немного.

Опишу все по порядку. 20 февраля вечером, как всегда, пошли в поход и уже к 10 вечера подъезжали к жс-д ст. Решетиловка Полтавской области. Там была большая охрана, которую наши уничтожили. Там было два жсе-

лезноторожных моста. Под одним из них мы проехали, а под второй подложили мины. В то время, когда мы переезжали, шли один за другим два эшелона с войсками СС. Первый взорвался и пошел под откос. Второй занял оборону и открыл по нам такой ураганный огонь, что ужас! Половина отрядов переехала, а мы еще остались на этой стороне, и нам под ужасным огнем пришлось заворачивать лошадей и гнать обратно. О, это было что-то ужасное...

Вдруг меня осыгло в грудь и сделалось очень больно. Я закричала и застонала. Сколько крови я потеряла, ужас. Не могла пошевелить пальцем... Все думали, что я умру от потери крови, и к тому мне было тяжело дышать, воздух со свистом выходил из раны.

В ночь на 24 февраля мы соединились с частями Красной Армии, а именно с 309-й гвардейской дивизией. 23 числа нам пришлось трудно, бились с немцами, попали в лесу в окружение, но ночью соединились с красными, так что все обошлось благополучно.

Меня представили ко второй награде...

Из писем к родным:

14 марта 1943 года.

Острогожск,

Воронежская область.

Здравствуйте, дорогие мои!

О чем буду писать, не очень унывайте. Начинаю без обид, так как надеюсь на вашу сильную волю. Меня тяжело ранило в грудь нагнет, немного повыше сердца, прострелило легкое. Сначала мое положение было неважное, все думали, что умру, но теперь я себя хорошо чувствую, уже хожу, кушаю понемногу. Рана заживает.

Пишу кратко, ибо ужасно тороплюсь.

Наш отряд соединился с частями Красной Армии. Красота, правда! После выздоровления приеду к вам в гости. Ждите.

Крепко целую.

Ваша дочь Вера»

Это Вера в своих дневниках рассказала о себе. А вот что о ней рассказывают ее боевые товарищи.

В. А. Леписивицкий, начальник связи Кировоградского партизанского отряда:

«... Я попросил комбрига Семенчука, чтобы вторым радистом в нашу группу зачислили мужчину. Но вот 7 января 1943 года ко мне подошла Вера Бирюкова и сообщила, что ее назначили в наш отряд. Первое мое впечатление о ней - слишком молода, изнежена - такое создание не для партизанской борьбы - это я так подумал (пишу правду, как было). Да еще мой друг, с которым вместе кончали школу, радист Александр Медя-

ник подлил масла в огонь, сообщив мне, что Вера барского воспитания и с характером.

Я объяснил ей, что задание, поставленное перед нашей группой, невероятно тяжелое. Нам предстояло пройти по степям Кировоградской области, местность открытая, насыщена регулярными войсками немцев. Мы все время будем двигаться с боями... Гарантии на успешный проход никакой.

Рассказав ей о предстоящих трудностях, я спросил, знала ли она об этом, когда давала согласие на зачисление в нашу группу? Вера ответила, что знала, что она дала партизанскую присягу и будет сражаться с врагом наравне с нами, мужчинами. Такой ответ мне понравился, но мысль о том, что лучше бы второй радист был мужчина, не покидала меня. Я еще раз посоветовал Вере, что ей лучше вылететь в «партизанский край», где более безопасно.

Но оказалось, что я ошибся. В этом меня убедили первые случаи в нашей партизанской жизни. В селе Ревки на нас наступили немцы из Лебедина - батальон аэродромного обслуживания, жандармерия и полиция. Мы залегли к концу огородов возле плетня. Немцы палили по селу из минометов, автоматов, пулеметов. Потом поднялись во весь рост и бегом, с криком помчались на нас, очевидно, рассчитывая сделать следующую лежку возле плетня. А мы получили приказ подпустить немцев поближе и стрелять только прицельным огнем. И вот выдержать эту психическую атаку, когда движется дикая лавина, было нелегко.

На мгновение я оторвал взгляд от немцев и посмотрел на Веру. Она лежала рядом со мной. Страх у нее я не обнаружил. Она пристально-сосредоточенно смотрела на врага и с нетерпением ожидала команды. Когда немцы подбежали метров на пятьдесят, Вера вела прицельный огонь без суеты и волнения. С этого момента я окончательно убедился, что Вера Бирюкова - отважная патриотка...»

С. Б. Тростянецкий, командир батальона Кировоградского партизанского отряда:

«Вера была девушка высокого роста, носила ватный костюм, теплую меховую куртку, ушанку, рукавицы на тесемке, продернутой через рукава. Выглядела по-детски смешно. Лицо круглое, с легким румянцем, нос короткий, вздернутый. А самое главное, на лице и на носу были веснушки, довольно обильно рассыпанные, глаза светились вопрошающе, и таилась в них какая-то смешинка. По натуре она была мягкой, доброй, веселой и общительной.

В минуты отдыха на марше мы с ней часто разговаривали о музыке, о книгах и, конечно, о Москве, которую, как и я, она знала неплохо... Особенно она любила, когда я вполголоса пел арию Тореедо-

ра из оперы «Кармен» или арию Игоря «О, дайте, дайте мне свободу...». Конечно, я не оперный певец, любитель и пел вполголоса. Она часто вспоминала дом, маму, родных. Жалела их, что они беспокоятся, как, мол, там Вера, где она...»

Партизанский рейд, в котором участвовала Вера Бирюкова, вошел в историю Великой Отечественной войны под названием Степного. Он был проведен согласно плану, утвержденному ЦК КП(б) Украины 12 ноября 1942 года. В документах указывалось:

«С целью разъяснения местному населению положения Советского Союза, наступательной мощи Красной Армии и успехов ее на фронтах Отечественной войны, а также поднятия патриотов Родины на борьбу против немецких оккупантов в тылу противника провести рейды: по территории Ровенской области - отряду Иванова, Житомирской - соединению Сабурова, Сумской - Мельника, Щебетуна, Наумова... , Кировоградской - Семенчука».

Вера была радисткой Кировоградского отряда.

Выполняя это задание, соединение, в которое входил Кировоградский партизанский отряд, совершило глубинный рейд по южным степям Украины, с тем чтобы парализовать железнодорожное сообщение противника на линии Сумы - Харьков, Сумы - Курск.

Ведя непрерывные бои, отряд прошел по тылам врага около тысячи километров - от Хинельских лесов до Полтавы, неся по городам и селам пламенное большевистское слово правды, вселяя в людей веру в победу, вызывая к жизни новые партизанские группы, и наконец 24 февраля 1943 года в результате тяжелых боев соединился с 40-й армией генерала К. С. Москаленко. За мужество и отвагу, проявленные в боях, многие партизаны были представлены к правительственным наградам.

Как мы уже знаем, в наградном списке стояло имя и радистки Веры Бирюковой. Командование ходатайствовало о награждении ее вторым орденом - орденом Отечественной войны. Во время всего пройденного Кировоградским отрядом пути по тылам врага, как писалось в донесении, радистка Вера Бирюкова самоотверженно работала на рации, передавала ценные сведения и с автоматом в руках выполняла свой боевой долг перед Родиной. Будучи радисткой, переводчицей, связисткой и разведчицей отряда, она мужественно переносила всю тяжесть боев.

После госпиталя в мае 1943 года Вера приехала на десять дней в отпуск в Березники.

Чувствовала она себя неважно - болела рана, а десять дней пролегли незаметно. Мать Веры - Елизавета Михайловна говорила ей:

- Вера, ты мне зубы не заговаривай, я ходила к твоему врачу.

- Ну и что?

- А то, что ты еще больна и только хорохоришься. Врачиха сказала, что тебе нужно продлить отпуск.

- Это, мама, исключено.

- Продли отпуск, доченька.

- О чем вы говорите? Меня же специально готовили воевать в тылу врага.

- Доченька, опомнись, ты свою кровушку пролила, хватит, пусть идут и другие.

- Мама, другие тоже ранены. Не раненных уже нет, а воевать надо. Представьте себе, что все раненные захотели бы остаться в тылу.

- Чует мое сердце - я вижу тебя в последний раз - ой, чует!

- Ну что Вы, мама!

- Сон нехороший видела, снилось, что ты выходишь замуж. Не к добру сон, не к добру.

После отпуска Вера отбыла в Саратов, в офицерское училище. А 13 января 1944 года самолет снова уносил ее далеко за линию фронта, на Буковину. Судьба десантников сложилась трагически. Мела пурга. Сильный ветер предательски занес грузовой парашют на окраину села и развесил его на сливовом дереве. В ту ночь с 13 на 14 января в селе праздновали Новый год по старому стилю, так называемый щедрый вечер. В хатах ярко горели огни. Подростки, парни и девчата, ходили по селу и пели под окнами щедровницы, получая за это угощения - орехи, яблоки, конфеты. По улицам ходили ряженные. Взаполночь, в самый разгар новогоднего веселья ветер и развесил на сливе бело-оранжевый парашют с грузом - боеприпасами, продуктами питания. Диковинный предмет на сливе был замечен, к нему постепенно стали собираться люди. И, как назло, в ту ночь, застигнутые пургой, в селе заночевали румынские жандармы. К рассвету они-то и успели стянуть к месту высадки десанта большие силы.

За давностью времени трудно восстановить все подробности боя, но местные жители рассказывают, что он длился целый день, им тогда казалось, что десантников бог знает сколько.

При попытке прорвать кольцо был тяжело ранен комиссар отряда Василий Бутенко. Придя в себя, он дополз до соседней деревни, но там был схвачен жандармами. Погибли Иван Козлов, Зоя Задорова. Остались двое - Вера и командир десанта Иван Примах. А дальше, по версии жителей села Романковцы Сокирянского района Черновицкой области, события в лесу происходили так или примерно так. Найдя надежное укрытие, Вера и командир продержались до вечера, надеясь, что ночь им поможет выйти из окружения. Но вскоре и эта надежда рухнула. К вечеру смертельно ранило командира. Вера перевязала ему раны.

Вполне возможно, что Примаке предлагал ей уйти в горы одной, а он ее прикроет. Они ведь еще не знали, что комиссар Василий Бутенко не сумел выйти из кольца, ибо был приказ - пробираться по одному - любой ценой сохранить группу и выполнить задание.

Не исключено, что командир предостерегал Веру: при столкновении ни в коем случае не подавать голоса. А то услышат, что женщина, обнаглеют и полезут напролом. Как станет видно чуть позже, так оно и случилось.

Отступая в глубину леса, Вера переносила тяжело раненного командира. И вдруг она замечает, как голова Примака бессильно склонилась набок. Вера бросается к нему, трясет его:

- Товарищ командир! Да вы что? Вы жить должны, слышите! Как же я одна без вас? Слышите, Иван Кузьмич, миленький, что же вы?

И вот представим себе, как Вера опускает безжизненное тело командира на снег, забирает у него из кобуры пистолет, захватывает его и свой автоматы. Затем замечает радиопередатчик, берет его за ремень и ударяет им несколько раз о дерево, чтобы привести рацию в негодность. После жандармы подберут вещественные доказательства Вериных действий - разбитый вдребезги передатчик, привезут его в жандармерию.

Вера взводит затвор автомата и, напряженно вглядываясь в пространство леса, начинает понимать, что никакой глубины у леса нет, что это не лес, а всего-навсего сколок посаженного дубового леска и уже видна его опушка, и на нее с учебными винтовками наперевес несмело вступают деревенские подростки. За ними на расстоянии нескольких шагов идут жандармы. Подпустив их совсем близко, Вера крикнула:

- Хлопцы, ложись, стрелять буду!

Подростки падают в снег. Шеф жандармов командует:

- Встань, трусливое быдло! Там баба!

И тут автоматная очередь Веры подкашивает нескольких жандармов и в том числе их шефа, после чего румынские вояки долго лежат, боясь оторваться от земли. А Вера тем временем оглядывается и постигает всю горечь своего положения. Она в изумлении смотрит на свои окровавленные руки. Шевелит плечом и морщится от боли, понимая куда ее ранило. От головокружения она закрывает рукой глаза и, возможно, прислоняется к дереву.

Слышен треск сучьев под ногами жандармов. Шум приближается и нарастает. Вера нажимает спусковой крючок, но выстрела не происходит - кончились патроны. Бросив оружие в сторону, она возвращается на обжитое место, где лежит мертвый командир, и здесь решается на последний шаг. Вера отцепляет от пояса две гранаты, надевает их кольца себе на пальцы и ложится подальше от командира - тело командира

должно убедить жандармов, что и второй десантник им не опасен. Она закрывает голову полущубком, словно собирается уснуть.

Треск сучьев приближается уже со всех сторон. К Вере осторожно подкрадываются несколько жандармов, один из них с опаской трогает ее прикладом автомата. Вера не подает признаков жизни. Подходят другие жандармы. И тут раздается оглушительный взрыв. Смертельный вопль жандармов. Воцаряется долгая-долгая тишина.

Из показаний жителя районного центра Сокиряны Черновицкой области Ярчука Василия Марковича, 1886 года рождения: «13 января я заступил на дежурство в примарии (*районная управа - примеч. автора*) в качестве посыльного. ... На второй день моего дежурства в примарию привезли двух убитых партизан. Один из них молодой, второй постарше, черный, похож на киргиза ... На следующий день привезли еще двух убитых...

... Жители села Романковцы, привезшие убитых, рассказывали о храбрости девушки-партизанки, которую привезли в примарию... О Бирюковой говорил мне ездовой старик, что она была вместе с тяжело раненым партизаном, которого переносила и вела бой. Целый день подразделение фашистов охотилось за партизанкой и никак не могло ее взять. Уничтожив 8 фашистов и ранив четырех, у партизанки не осталось ни одного патрона, и она была тяжело ранена. Фашисты набросились на нее, что бы взять в плен. Партизанка выхватила гранату у фашиста и подорвала себя и трех фашистов...» (*Партархив Черновицкого обкома КП Украины ф.3538, оп.3ед. хр.6 л. 5-7*).

В районном центре Сокиряны на братской могиле, где похоронена Вера и ее друзья, стоит памятник, каких много на нашей земле. Солдат, склонив голову, замер в молчаливой скорби, в руках его прощальный венок. А у ног солдата, на постаменте, всегда лежат цветы. Помнят местные жители отважных десантников и свято чтут их память. А о Вере сочинили здесь песню. Вместе с песней живет в этом краю и легенда, в которой с годами появляются все новые подробности о подвиге смелой уральской девушки.

А на родной земле, в Березниках, Вера Бирюкова ожила на сцене Березниковского государственного драматического театра в документальной пьесе «Белые вьюги». Достоверные факты всегда подкупают своей подлинностью, имеют гораздо большую воспитательную силу, чем вымысел. Построенная на документальной основе, пьеса вызвала повышенный интерес у березниковцев. На премьеру спектакля, проделав неблизкий путь в разгар учебного года, прибыли лучшие ученики двух средних школ районного центра Сокиряны, где погибла главная героиня пьесы.

Вот что писала о спектакле газета «Молодая гвардия»: «После премьеры в театре разыгралось, можно сказать, третье действие пьесы - совершенно не предусмотренное, «написанное» самой жизнью. На сцену поднялась школьная подруга В. Бирюковой. Она обняла артистку (роль разведчицы сыграла выпускница Свердловского театрального училища Светлана Орлова) и сказала: «Спасибо, Верочка!». А племянница Бирюковой, тоже Вера, произнесла: «Наконец-то я увидела свою тетю». У многих в зале были слезы на глазах».

А позже в зале пели песню из спектакля. «Песню о невидимках». Слова ее написал поэт Алексей Решетов, а музыку - композитор Горбенко.

*Зимняя ночь. Настороженный лес.
Звезды, как тусклые льдинки.
Вот опустились на землю с небес
Мы - невидимки.*

*Все-то вчера еще виделось нам
В радостной, розовой дымке.
Разве мы знали, что впишет война
Нас в невидимки?*

*Сдать фотографии, сдать адреса.
Взять пистолеты и фишки.
Ждут вас, ребята, глухие леса.
Вы - невидимки.*

*Мы невидимки. На каждом шагу
Ждут нас бои-поединки.
Не разрешим разгуляться врагу
Мы - невидимки.*

*Может быть, вдруг оборвется наш путь.
И без цветов и поминок,
Милая Родина, не забудь
Нас, невидимок.*

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

НАУМОВ

М. Наумов

Михаил Иванович Наумов родился 3 октября 1908 года в селе Большая Сосновка, ныне Большесосновского района Пермской области, в семье крестьянина-бедняка. Трудовую деятельность начал слесарем-трубопроводчиком на угольной шахте в городе Кизел. Здесь же в 1928 году стал коммунистом.

В 1930 году начал воинскую службу, которой затем посвятил всю жизнь. Сначала был курсантом школы младших командиров 23-го полка ОГПУ в городе Шестка, затем курсантом химшколы в Гомеле. После окончания Высшей школы пограничных войск в 1938 году был назна-

чен командиром роты 4-го Краснознаменного мотострелкового полка имени Ф. Э. Дзержинского внутренних войск НКВД в Киеве, а затем служил в частях пограничных войск на различных командно-штабных должностях.

Великую Отечественную войну капитан Наумов встретил на западной границе. После первых схваток с фашистами в ущельях Карпат, после жаркого боя за переправу на Днестре он с группой бойцов и командиров оказался в тылу противника. Был ранен. С июля 1941 года, подлечившись, начал пробираться в Хинельские леса.

С января 1942 года активно включился в партизанскую борьбу. Сначала был бойцом, затем командиром группы Эсманского (Червонного) партизанского отряда Сумской области, а с октября 1942 года - начальником штаба оперативной группы партизанских отрядов Сумской области. С января 1943 года назначается командиром партизанского кавалерийского соединения.

По заданию ЦК КП(б)У и в соответствии с приказом Украинского штаба партизанского движения соединение под командованием М. И. Наумова совершило три рейда (Степной, Киевский, Западный) по оккупированной территории Курской, Сумской, Полтавской, Кировоградской, Одесской, Винницкой, Киевской, Житомирской областей и Западной Украине, в ходе которых прошло по тылам врага свыше 10 тысяч километров и провело 336 боев, нанеся противнику большой урон. В ходе этих рейдов ярко проявился командирский талант М. И. Наумова, его личные качества как человека беспримерной отваги и мужества.

За заслуги перед Родиной в деле организации партизанского движения на Украине Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1943 года Михаил Иванович Наумов был удостоен звания Героя Советского Союза.

За успешное проведение Степного рейда ему в апреле 1943 года было присвоено воинское звание «генерал-майор».

С июля 1944 года по август 1945 года М. И. Наумов являлся слушателем Высших академических курсов при Военной академии Генштаба, которые окончил с отличием и был назначен на должность заместителя командира дивизии.

В 1946-1953 годах находился на руководящей работе в аппарате МВД Украинской ССР и УВД ряда областей, а с 1953 года в течение семи лет командовал внутренними войсками МВД Украины. В 1960 году по состоянию здоровья ушел в запас на заслуженный отдых.

М. И. Наумов является автором книг «Хинельские походы», «Степной рейд» и «Западный рейд».

Он награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого I степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

8 февраля 1974 года Михаила Ивановича Наумова не стало. Но живет память о нем. Имя генерала Наумова носят одна из улиц Киева и военный катер, охраняющий мирный труд советских людей. В ряде школ его именем названы пионерские отряды, созданы музеи о партизанах-наумовцах.

Ему посвящена и кинолента «Где вместе сражались», выпущенная Киевской студией хроникально-документальных фильмов.

Документы и личные вещи М. И. Наумова экспонируются в Украинском государственном музее Великой Отечественной войны, в Центральном музее внутренних войск МВД СССР и его филиалах. Он всегда с нами, в памяти народной.

КАВАЛЕРИЕЙ НА... «ВЕРВОЛЬФ»

В истории Великой Отечественной есть имена-символы, одно звучание которых вызывает в памяти ассоциации с тем или иным событием, либо целым явлением: Георгий Жуков - маршал Победы, Николай Кузнецов - разведчик-легенда.. В череде этих имен нет генерала Наумова, командира кавалерийского партизанского соединения, нашего, кстати, земляка - уроженца Большой Сосновы. Так уж случилось, что при упоминании о партизанах нам чаще слышатся Ковпак и Заслонов, Медведев или Федоров. А ведь то, что делало в тылу врага соединение Михаила Ивановича Наумова, не сумел никто ни до, ни после. Даже западные военные историки, не всегда склонные к объективности и восхищению, вынуждены были признать, анализируя одну из операций: «Этот рейд генерала Наумова является образцом ведения оперативной партизанской войны».

Трудно, практически невозможно однозначно определить, как человек обычной вроде бы судьбы становится личностью, талантом. Сегодня можно говорить, что на характер М. И. Наумова повлияли и многотрудное крестьянское детство, и шахтерские будни в Кизеле, и учеба в военных училищах. Наверное, не вызовет возражений и вывод о том, что Урал - край людей немногословных и основательных, тоже, что называется,

*Хинельские леса. М. И. Наумов (второй слева в первом ряду)
среди бойцов Чувашского полка.*

приложил руку. А служба в пограничных частях, когда от быстроты и правильности решения зависит подчас не только жизнь подчиненных, но, если хотите, судьба Отечества!

Словом, довоенные годы М. И. Наумова - это школа, знания в которой он получил прочные. Какой он был? Никто, наверное, не скажет о командире лучше, чем однополчане, боевые соратники:

«Наумов из тех людей, которые в самом трудном положении не теряют присутствия духа».

«Его отряды немцы никогда не могли зажать в кулак, они как сухой песок между пальцами просачивались, а потом сами в неожиданном месте наносили удар».

«Выдержка потрясающая. Идет бой, мы в кольце, все ждут командирского решения. Уже снаряды возле штабной избы рвутся. У него жилка на лице не дрогнет. Потом скамандует: «Карту!» Наметит маршрут, и мы все по азимуту выйдем, на немцев не наткнемся. Такая была интуиция».

«Он был очень добрым...»

Война для него началась с первых дней. И сразу - с окружения. Выходя из вражеского кольца с поредевшим отрядом, прошагал тогда от Карпат до Брянских лесов. Здесь и произошла встреча с партизанами, определившая всю его фронтовую биографию. И стремительный взлет военной карьеры тоже. Скажите, кто знает еще такой случай, когда капитан, пусть даже совершивший необыкновенный подвиг, не только удостоивался Золотой Звезды Героя Советского Союза, но и был произведен сразу в генералы? Оценка велика, но велико и деяние.

1 февраля 1943 года соединение М. И. Наумова (650 конников) из Хинельских лесов, что в 80 километрах северо-западнее Львова, выступило в рейд. За 65 ходовых дней партизаны прошли по территории Курской, Сумской, Полтавской, Кировоградской, Одесской, Винницкой и Житомирской областей Украины и Полесской области Белоруссии, совершив марш в 2500 километров. Было форсировано 18 рек, проведено 47 боевых операций. Уже на третий день рейда на шоссе Белолалье - Сумы наумовцы вступили в бой, уничтожив 284 гитлеровца, 16 автомашин, 3 автобуса и 130 парных повозок. А сколько их было, этих боев? Поистине это был фронт без флангов. Сзади практически до Днепра наседали эсэсовский полк «Бранденбург», так и не сумевший приостановить продвижение партизан и понесший тяжелые потери. Спереди тоже постоянные бои с неприятелем. Командование вермахта, встревоженное сообщениями о дерзком рейде и о тех печальных для немецких частей его последствиях, решило, что в тылах действует не иначе как 15-тысячная казачья дивизия. Против «казаков» были срочно подтянуты резервы ставки, в первый эшелон которых входили два арtpолка, румынские части и мото-

ризованная дивизия. В соединении Наумова было чуть больше... тысячи человек. Похоже, права пословица: «У страха глаза велики». Правда, страх фашистов очень быстро перешел в панический ужас. И под Станиславчиком, на границе с Одесской областью, немцы развернули против наумовцев 200 танков и 50 автомашин с пехотой. Войска, предназначенные для фронта, ожесточенно дрались в своем глубоком тылу. Тогда партизаны М. И. Наумова тоже потеряли немало бойцов. Но из кольца все же ушли.

Дерзость их достойна изумления. Одна из групп соединения попыталась даже напасть на ставку Гитлера «Вервольф», что в районе Винницы. Фюреру на личном самолете пришлось спастись в Восточную Пруссию.

Партизанский генерал П. П. Вершигора об этом степном рейде наумовцев сказал так: «Рейд, каких никто из нас не совершал. Нешуточное дело - ураганом пронестись по тылам группы войск Манштейна, выйти к Днепропетровску, подойти к Кременчугу, петлять две недели по Кировоградской и Одесской областям, где не было ни одного партизанского леска, где кишмя кишели не только полицейские гарнизоны, но и... стратегические резервы Гитлера, прекрасно понимавшего, что Красная Армия уже приближается к Днепру! И потом стремительно взвиться на север, замахнуться наотмашь партизанской саблей! На кого? На саму полевую ставку Гитлера замахнулась партизанская сабля бывшего пограничника Наумова!»

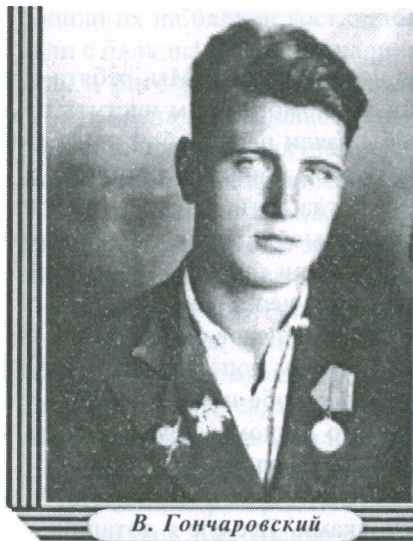
А в июле 1943-го начался новый рейд. На этот раз по Киевской и Житомирской областям с выходом под Киев. И вновь 2500 километров хода. И вновь бои. Разгромлено 47 вражеских гарнизонов, пущены под откос десятки эшелонов.

Третий рейд, Западный, начался в январе 44-го. За 45 дней - 20 боевых операций, уничтожено 4700 солдат и офицеров противника, 16 танков, 2 броне- и 102 автомашины, подорвано 24 паровоза, 227 вагонов, 2 железнодорожных моста, 2 электростанции...

Каждый бой мог быть последним. Маленькое соединение, которому и помощи-то ждать было неоткуда, дралось так, что неизменно выходило победителем. Говорят, смелость города берет. Ну как тут не вспомнить слова старика Суворова о везении в бою и умении воевать. Наумов воевать умел!

Это был человек необыкновенного дарования. Его тактика ведения партизанской войны еще ждет своего серьезного, умного исследователя. А сегодня мы просто должны вспомнить генерала Наумова, вспомнить с благодарностью и гордостью за Урал, за Родину, за народ.

ПАРТИЗАНСКИЕ РЕЙДЫ

Владимен Дмитриевич Гончаровский в годы Великой Отечественной войны воевал в прославленном соединении Героя Советского Союза генерал-майора М. И. Наумова, был участником Степного, Киевского и Западного кавалерийских рейдов.

За героизм, проявленный в годы войны, В. Д. Гончаровский награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалями.

Тысячи километров прошли партизаны-наумовцы по украинской земле, много раз они вступали в бой с фашистами и их пособниками, громили вражеские гарнизоны, пускали под откос эшелоны, собирали и передавали в центр разведданные о войсках противника. Все это прошел и Владимир Дмитриевич. Не все сохранилось в памяти, но наиболее значимые и трудные эпизоды вспоминаются вновь и вновь.

- Морозным февральским вечером 1943 года в наше село Пришиб Полтавской области ворвались партизаны. Весь народ от мала до велика выбежал на улицу, чтобы приветствовать народных мстителей. Я сразу же подбежал к молодым партизанам и стал проситься, чтобы меня взяли с собой.

- Мы не решаем. Пойдем к комиссару отряда Будашу.

Так произошла моя первая встреча с конотопскими партизанами из отряда «Смерть фашизму» Колей Стрельцовым и Мишей Немолод - будущими боевыми товарищами.

С комиссаром отряда Будашем разговор был обстоятельным. Он расспрашивал меня обо всем - где родился, о родителях, как думаю воевать, боюсь ли я трудностей, рассказывал о боевых операциях отряда. А когда комиссар понял, что я веду разговор серьезно, сказал: «Что ж, принимаем тебя в отряд».

Так я стал партизаном.

Я проживал в поселке Безлюдовка, под Харьковом. В тот же день, когда началась война, мы вместе со школьным товарищем Назаром Левицким прибежали в райком комсомола. Просьба была одна:

- Отправьте нас воевать с фашистами.
- Сколько вам лет? - спросили в райкоме.
- Много! Каждому по шестнадцать.
- Рано вам еще воевать.

А война разгоралась. Вскоре ушел на фронт отец. Мы, ребята, все время крутились около красноармейцев - помогали им чистить оружие, купали лошадей, просились, чтобы взяли нас с собой на фронт. Они обещали, но, переночевав, ранним утром покидали поселок.

Так было и в один из осенних дней, когда артиллеристы, заверившие, что зачислят меня в свою батарею, ночью под покровом темноты ушли на восток. В поселке остались только три сапера во главе с лейтенантом. Им было приказано взорвать мост через реку.

Мы видели, как под пулеметным огнем фашистов они ползли к мосту и затем сами потянулись им вслед. Саперам доползти до моста не удалось - двое из них были убиты, ранило в обе ноги и лейтенанта. Подхватив его под руки, мы дотащили его до дома, помогли сесть в седло, и он, преодолевая боль, поскакал догонять своих.

После этого фашисты открыли по поселку огонь из миномета. Моего приятеля сразу же изрешетило осколками. Еле-еле я дотащил его до погреба, где прятались наши матери и ребятишки. В погребе поднялся плач. Матери жалели и ругали нас за то, что лезли под пули.

Вскоре обстрел прекратился, и в поселок ворвались вражеские солдаты.

- Рус! Хенде хох! - кричали они нам. Увидев, что мы не красноармейцы, залопотали:

- Матка, яйки, млеко, брот!

И сразу же ввалились в нашу квартиру, стали рыться в комоде, в сундуке. Увидев на окне отцовские часы, один солдат со словами: «Ка-рош машина», положил их к себе в карман.

Переловив и перестреляв кур, фашистские солдаты, надавав нам подзатыльников, пошли грабить соседние дома.

Оккупанты стали наводить «новый порядок» - ввели комендантский час, регистрацию всех членов партии и комсомольцев, сдачу различных вещей. За неисполнение - расстрел.

Жить стало страшно тяжело. Есть было нечего. Тогда мать решила: «Езжай, сынок, в Пришиб. Там у тетки с дядей как-нибудь перебьешься».

На дорогу взял лепешек, печеных желудей, два последних куса хозяйственного мыла, чтобы обменять их на продукты. Пошел через Харьков. По Павловскому мосту вышел на улицу Свердлова и увидел людей, которых пригнали к гостинице «Спартак» фашистские солдаты. Здесь началась публичная казнь троих советских граждан, на груди которых висели фанерные доски с надписью «Партизан». Палачи выводили их на балкон гостиницы, надевали на их шеи петли и сталкивали с балкона. Люди стонали, плакали, а фашисты, довольные, хохотали и фотографировали повешенных.

Эта казнь запомнилась мне на всю жизнь. У меня еще больше возросла ненависть к оккупантам, жажда мести, и я очень жалел, что не ушел вместе с отходящими нашими частями.

Разными способами, где пешком, где в тендере паровоза добрался я до тетки с дядей. Но и здесь, в селе, жизнь была тяжелая. Фашистские власти забирали у населения продукты, скот, отправляли молодежь в Германию. Но я всячески уходил от регистрации.

И вот теперь я стал партизаном. Ехал вместе с комиссаром Будашем в головном отряде. Только пересекли железнодорожную магистраль Полтава-Киев, как послышался шум подходящего поезда, а затем раздался взрыв. Это партизаны взорвали вражеский эшелон, полный солдат. Уцелевшие фашисты начали отстреливаться.

Партизаны рассредоточились с обеих сторон железной дороги и приняли бой. Как только началась стрельба, комиссар Будаш убежал к партизанам. Я, безоружный, остался с обозом. К утру бой закончился, почти все гитлеровцы были уничтожены. Колонна стала двигаться в сторону села Байрак, где соединение должно было остановиться на дневку. Я нигде не мог найти комиссара Будаша и решил сесть на одну из подвод. Но так как я был без оружия, да и вид у меня был не партизанский, ездовые прогнали меня из саней. Мне никто не верил, что я партизан и говорили: «Мотай, парень, домой пока цел». Но все же одного из ездовых мне удалось убедить, что я тоже партизан, назвав ему фамилию комиссара Будаша.

В селе Байрак мне все же удалось найти Будаша, который рекомендовал меня принять в партизаны. В штабе отряда «Смерть фашизму» были сделаны все формальности по моему зачислению, я получил венгерскую винтовку и восемь патронов к ней.

В этот же вечер наше отделение было назначено на заставу охранять дорогу со стороны станции Сагайдак. Командир отделения определил меня и еще одного «молодого» партизана дядю Мишу (ему было уже под 50) в патруль.

Патрулировали мы с дядей Мишей очень добросовестно и вдруг

увидели на снежном поле темные движущиеся точки. Мы их приняли за наступающих немцев и подняли тревогу. Однако, когда точки приблизились, то оказалось, что это лошади, которые разбежались во время боя и двигались за нашей колонной. За бдительность нас похвалили, но сказали, что лошадей от немцев надо отличать. Так началась моя партизанская жизнь.

Соединение двигалось к Днепру, чтобы успеть до ледохода форсировать его и выйти в южные степные области Украины. Перед самым подходом к реке меня назначили командиром отделения. Со мной в нем было девять человек - Стрельцов, дядя Миша, Тася Дроздова и еще пятеро партизан разных возрастов.

После форсирования Днепра следующая стоянка - в селе Вороновка. Село большое, с северной стороны окруженное песчаными дюнами, поросшими лозняком.

Мое отделение вновь попало в заставу в полукилометре от села. Мы разместились в отдельно стоящем домике у самых дюн. Задача одна - в село пропускать всех, а из села никого не выпускать.

Я выставил наблюдателей, а сам ускорил в сторону дюн. Там маячили две фигуры. К нам не приближались и не уходили. Это оказались двое ребят. Они сообщили, что из Новогеоргиевска в сторону Вороновки выехали человек сто полицаев ловить каких-то партизан.

Связного с ребятами отправили в штаб, а сами приготовились к обороне. Вскоре из штаба прискакал Стрельцов и передал приказ обороняться, подпустив полицаев вплотную.

Часа через два вдаль показалось много черных точек, которые двигались цепью. Точки приближались, и мы стали различать черные шинели и серые воротнички. Полицаи шли свободно, не остерегаясь. Они, видимо, предполагали, что партизан горстка и они быстро с ними расправятся или же, выгнав на лед Днепра, перестреляют и потопят.

Левый фланг полицейской цепи двигался прямо на нашу хату. Мы начали нервничать, так как находились от основных наших сил в полукилометре, и полицаи могли нас отрезать от отряда и уничтожить. До цепи оставалось уже менее ста метров, и тут мы не выдержали. Стрельцов дал длинную очередь из ручного пулемета. Полицаи залегли. И в это время послышалось громкое «Ура!» и «Бей фашистских прихвостней!». Это две роты отряда «Смерть фашизму» обошли с правого фланга полицаев и, пропустив их вперед, ударили с фланга и тыла. Мы тоже поднялись и пошли в атаку. Бой длился недолго, и ни один изменник не ушел живым. У нас потерь не было, если не считать нескольких раненых.

В Чигиринском районе мы простояли несколько дней. Должны были разыскать отряды, которые отстали от нас на станции Сагай-

дак, организовать отправку раненых в Москву, получить боеприпасы и топографические карты. Подготовив аэродром, мы два дня жгли костры, но самолетов не было. На третью ночь немцы обнаружили нас и стали обстреливать из дальнобойных орудий. Нас преследовал отдельный полк СС «Бранденбург», подкрепленный бомбардировщиками.

Наконец пришла радиограмма, что отрезанные наши отряды соединились с фронтом под Ахтыркой. Соединение двинулось на юг, чтобы оторваться от эсэсовцев. Ночь двигаемся, а днем бой. И так несколько дней подряд. К утру сон валит с ног. Удастся поспать минут 40-60, начинается бой, эсэсовцы насаждают со всех сторон. Методично, через определенные интервалы налетают самолеты. И так весь день. Раненых прибавляется, обоз увеличивается, боеприпасы тают. К ночи вырываемся из кольца и движемся дальше. И все же у немцев больше потерь, чем у нас.

Подробных карт нет, и это затрудняет маневрирование. Основные маршруты прокладывает разведка.

Рано утром останавливаемся в селе Шляховая. Дальше двигаться нельзя. Кругом степь и светло, а эсэсовцы - на пятках. Село - в 200 хат, разделенных оврагом. Занимаем круговую оборону. Не прошло и часа, появились самолеты, сбросили бомбы на окраину, прилегающую к роше, и на бреющем полете стали обстреливать село. Через некоторое время появились цепи эсэсовцев, и начался обстрел из минометов. Комиссар Будаш дает команду подпускать ближе, не стреляя. Миша Немолод, Стрельцов и я лежим на окраине села против эсэсовцев. Нам уже слышны их голоса. Сто пятьдесят метров до гитлеровцев, и в это время застрочил пулемет «Универсал» Турова. За ним включились и остальные пулеметы и автоматы. Первая цепь немцев залегла. Командир роты Галушка поднимается с криком: «За мной! Ура!». Мы все бросаемся в атаку. Наши бронебойщики зажгли фашистский броневик, три других повернули назад. В селе вспыхнули пожары, горят хаты, сараи. Лошади, испугавшись самолетов и взрывов бомб, мчат повозки с ранеными в поле, прямо на немцев и спасти их нет никакой возможности. Заработал шестиствольный миномет. Крики детей и женщин в погребах. Пришлось отойти назад от горящих хат. Немцы насаждают. Поредевшие цепи партизан с «Интернационалом» на устах идут в очередную атаку. Немцы дрогнули и побежали, но в открытом поле их догоняли партизанские пули.

Начало смеркаться, фашисты прекратили огонь. Мы возвращались к горевшей Шляховой, подбирая убитых партизан. Их немало - 18-летний Вася Богдашко из Сумской области, Гвоздев и Сотников - москвичи, Митя Марков из Горького, Скрябин Михаил из Кировской

области и другие. Много мы потеряли товарищей, но врагов уничтожено в несколько раз больше.

После боя у нас увеличился обоз с ранеными, а, следовательно, и ухудшилась маневренность соединения. Поздно вечером выступили из Шляховой, чтобы за ночь оторваться от гитлеровцев и получить хоть один день отдыха. Уже около 15 дней мы дремали урывками в седлах лошадей, а то и стоя или на ходу.

Соединение двигалось и ночью, и днем, чтобы выйти в Одесскую область, наладить связь с подпольем и местными партизанами, подыскать поляну для приема самолетов. Чтобы быстрее достичь Голованевских лесов, весь следующий день двигались по степи без привала. И весь день нас бомбили самолеты.

Перед рассветом вошли в Голованевский лес, но штаб с комендантской охраной остались в селе Станиславчик. Только стали обосновываться в лесу, как внезапно в село ворвались фашистские солдаты. Командир соединения М. И. Наумов, его адъютант Митя Самодов, комиссар Анисименко и сорок автоматчиков заняли оборону. Завязался неравный бой.

Через час на оборонявшихся двинулись танки. Капитан Дмитриев бросился к ближайшему и противотанковой гранатой подорвал ему гусеницу. Под другой танк бросил гранату Баранников и поджег его.

Редели ряды оборонявшихся, а гитлеровцы все наседали. Они отеснили группу партизан за последнюю хату и стали забрасывать их гранатами. Но вот загорелся и последний дом, за которым укрылись партизаны. Это оказалось спасением - дым от горящей хаты потянулся в поле к лесу и под его прикрытием оставшиеся в живых Наумов, Анисименко, Инчин, Самодов и еще несколько человек добрались до леса.

Комиссар Анисименко был ранен. Мите Самодову повредило руку, но, несмотря на это, он здоровой рукой помогал раненым Анисименко и Наумову добраться до спасительного леса, который уже успели окружить немецкие и румынские войска, подтянутые из Винницы и Гайворова. На всех перелесках и дорогах немцами были выставлены заставы.

Наступила ночь, но немцы не прекращали обстрела леса из орудий и минометов. В полночь появились наши самолеты. Командование их вызвало еще утром. Самолеты кружились над лесом, пускали сигнальные ракеты, но мы им ответить не могли. Летчики, очевидно, определили наше положение по взрывам артиллерийских снарядов и пулеметных трасс, сбросили груз на парашютах и улетели. В лес попал только один мешок с почтой.

Положение наше было очень тяжелым. И вот перед рассветом, когда задремали вражеские наблюдатели, партизаны Забияка и Петрикей с разведчиками нащупали спасительную тропу, на которой не было вражеского заслона. Мы бесшумно покинули лес.

Как потом выяснилось, гитлеровцы считали, что в Голованевском лесу было сосредоточено до 15 тысяч партизан. Нас же было в десять раз меньше. Для уничтожения наших отрядов были брошены пехотная дивизия, два румынских артполка, бронетанковые батальоны, минометные, саперные части и резервные формирования.

О том, что партизанские отряды из села Станиславчик введены в Голованевский лес, а в селе остался наш штаб с М. И. Наумовым и комендантский взвод, врагу сообщил предатель Кусачев. Он даже указал, в какой хате находится штаб. Поэтому на ней и была сосредоточена вся сила удара.

Впоследствии стало известно, что гитлеровцы еще трое суток обстреливали лес из орудий и минометов, и только после этого решились прочесать его, но мы были уже далеко.

Стало также известно, что в бою, в котором гитлеровцы хотели захватить партизанский штаб, погиб от партизанской гранаты гитлеровский генерал - представитель главной квартиры.

Чтобы оторваться от противника, мы двигались между населенными пунктами без дорог день и ночь. Под утро остановились на хуторе. Когда рассвело, увидели, что расположились у самого шоссе, по которому двигались вражеские машины с солдатами. Они шли весь день. Мы насчитали их более девятисот.

К концу дня, объезжая колонну машин, в рощу заехал мотоциклист. Увидев нашу повозку с ранеными, резко развернулся, но винтовочный выстрел одного из партизан сразил его. Убитый оказался офицером связи Гитлера. Он вез пакет с директивой о свертывании Голованевской операции и переброске войск в район Винницы в «Вервольф» - к засекреченной ставке Гитлера. Очевидно, какой-то из наших отбившихся отрядов налетел на «Вервольф», и немцы срочно стягивали туда войска.

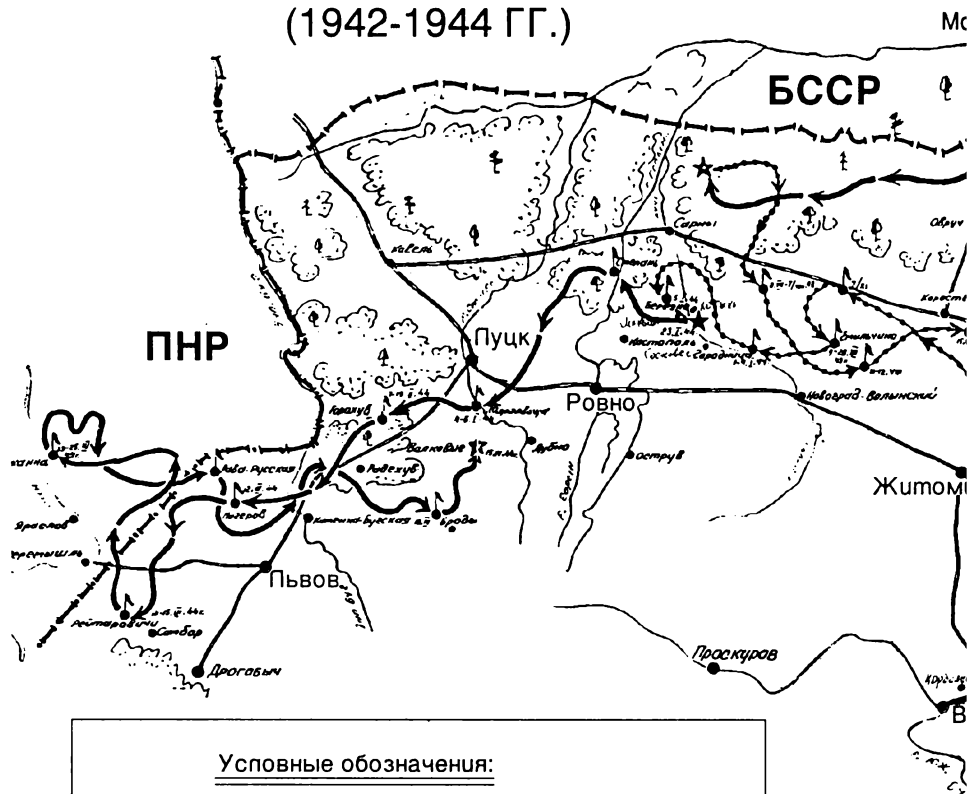
Много лет спустя было выяснено, что на «Вервольф» напала группа партизан Червоного отряда нашего соединения под командованием Ивана Алферова. Вся группа в неравном бою с охраной ставки погибла.

У нас были большие потери, отсутствовала связь с Москвой. После выхода из окружения отряды переформировались. Я был назначен в разведку.

Разведывательно-диверсионное подразделение («главразведка», как называли его партизаны соединения), в которое я был определен, под-

КАРТА-СХЕМА

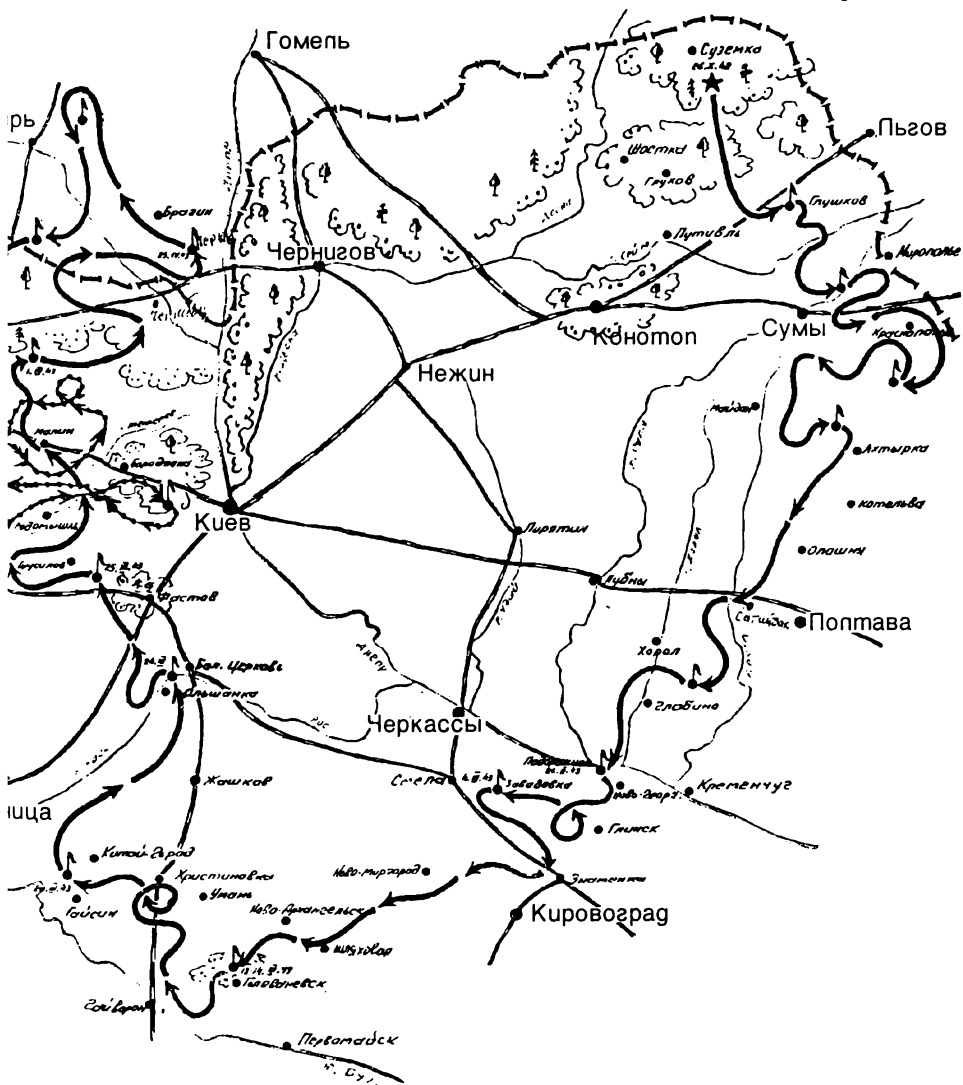
РЕЙДОВ ПАРТИЗАНСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО СОЕДИНЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА М. И. НАУМОВА (1942-1944 ГГ.)

Условные обозначения:

- Маршрут соединения в I-м степном рейде;
- Маршрут соединения во II-м рейде по Житомирской и Киевской обл.;
- Маршрут соединения в III-м Западном рейде;
- Начало и конец рейда;
- Основные стоянки штаба соединения.

PCΦCP

чинялось только командиру соединения М. И. Наумову и действовало по его непосредственным указаниям.

В задачи подразделения входили разведка маршрутов движения на несколько десятков километров вперед и по флангам, уничтожение средств связи немцев между населенными пунктами, а по флангам - уничтожение мостов, по которым противник мог переправлять карателей для преследования партизан. Во время стоянок соединения разведка велась вокруг расположения партизан на многие километры. Разведчики связывались с подпольными группами, с местным населением, получали от них информацию. От разведки во многом зависела судьба отряда. Необходимы были точные сведения о противнике. Это давалось нелегко. Бывали случаи, когда разведчики не спали по 5-6 суток, не слезая с седла. Вздремнуть удавалось урывками в седле, склонившись на шею лошади. Такое могли выдержать только молодые и крепкие партизаны. И, естественно, «главразведка» должна была обеспечивать сбор сведений о противнике по заданию Москвы. Часто это приходилось делать с большим риском.

Задания из центра поступали довольно часто. Во время Степного рейда много сил и времени было потрачено на разведку так называемого «днепровского вала». Стали поступать сведения о том, что немцы создают мощные укрепления вдоль Днепра, что неприступность их превосходит все до сих пор воздвигавшиеся линии обороны. Якобы все население от Днепропетровска до Кременчуга выселено из прибрежных сел и хуторов.

«Главразведке» пришлось пройти сотни километров вдоль Днепра. Специальных укреплений мы не обнаружили, однако установили, что в населенных пунктах вдоль реки стояли мощные немецкие гарнизоны и особенно - вдоль магистрали Киев-Днепропетровск-Ростов. После этого поступило задание изучить движение по этой магистрали. Для изучения был определен железнодорожный узел Знаменка. Наша «главразведка» в течение нескольких дней вела наблюдение за этим узлом. Мы собирали данные об интенсивности движения, какая техника перевозилась на восток, сколько эшелонов с личным составом и так далее. Вся эта информация была передана в Центр.

Степной рейд, длившийся 65 дней, закончился в апреле 1943 года. После изнурительного похода почти с ежедневными боями мы подошли к реке Припять.

Нам повезло, успели к последнему рейсу партизанского парома, сооруженного ковпаковцами. К вечеру переправились на левый берег в Лельчинский район. Насколько сложным был рейд, можно судить по тому, что через Припять переправилось около 300 человек. В начале рейда было

2000 партизан. Часть групп отстала от основных наших сил, многие были ранены и отправлены в тыл, немало было и погибших.

Как только перебрались через реку, сон сковал людей, валились где попало, прямо на землю. А спать можно было, так как оказались в партизанском крае. Почти весь Лельчинский район был партизанским. Здесь располагались соединения Ковпака, Сабурова, Федорова и теперь наше. На территории района был партизанский аэродром, на который прибывали самолеты с вооружением, боеприпасами и увозили раненых.

Летом 1943 года наша разведывательно-диверсионная группа под командованием старшего лейтенанта Величко получила задание разведать шоссе Киев - Варшава под городом Новгород-Волынском. Двадцать шесть конников с автоматами и одним ручным пулеметом вышли в почти 100-километровый поход от расположения основных сил партизанского соединения. В нескольких километрах от Новгород-Волынка группа проехала через село домов в пятьдесят с одной улицей. С одной стороны к селу примыкал лес, с другой - луг с небольшой рекой. Мы проехали село и остановились в трехстах метрах от него на хуторе из пяти хат, чтобы накормить и напоить лошадей.

Не успели расположиться, как в селе послышались выстрелы. Мы подумали, что кто-то из наших задержался в селе и втроем - Андрей Лях, черкес Ивашев и я - поскакали на выстрелы. Когда мы въехали в село, по нам была выпущена пулеметная очередь. Лях и Ивашев развернули лошадей через дворы и огородами поскакали в лес к своим. Я тоже завернул свою серую и галопом к хутору. Только лошадь набрала ход, послышалась вторая пулеметная очередь, и моя серая со всего маху упала в кювет и придавила мне ногу. И лошадь не может встать, и я не могу вытащить ногу. В общем, я оказался как в капкане. Оглянувшись, смотрю, метрах в 150-ти в копне сена два пулеметчика. Они увидели, что я барахтаюсь, поднялись и смотрят в мою сторону, как бы собираясь подойти ко мне. У меня такое состояние - хоть стреляйся, иначе они возьмут меня, как подбитую куропатку. И тут откуда-то взялась неимоверная сила. Я выдернул ногу из-под лошади, но без сапога и сначала ползком, а затем перебежками добрался до кустарника. Пулеметчики опомнились, когда я им был плохо виден, и следующая очередь меня не задела.

Я добежал до хуторка. Здесь уже все были готовы принять бой. Величко рассредоточил группу вдоль леса и скомандовал своим громким голосом: «Первая рота справа, вторая рота слева в атаку! Ура!!!» Все двадцать пять автоматов и ручной пулемет открыли огонь.

Противник, а им оказалась рота мадьяр в количестве 120 человек, при-

Здравствуй дорогая Мама!

Шлю тебе боевой партизанский привет.

Мама сегодня у меня день радости. Я сразу
получил от тебя четыре письма.

Мне принесли их когда только я улыбаясь.

Ребята сказали что я должен танцевать.

Я догадался в. им дело и стал кричать,
как пятилетний ребенок зовя папю минут.

Мама сейчас мы находимся на отдыхе
в лесном селе возле г. Дудно.

Я побывал уже на немецкой территории
и был там немцев лучше как на своей.

Все пови тутда наш горячо-любимый
полководец Герой Советского Союза генерал-майор

Ваушов, чтобы показать знания партизанской
бравды народам Германии.

Мама объезди я уже много. Был в
Карпатах и под Варшавой. Приеду домой
расскажу все подробнее.

Мама пиши как ты живешь как
работал, пиши по почте.

Я отдохну сейчас очень мало. Часто смотрю
фильмы.

Мама к тебе придет наша землячка,
которую отпустили домой, и тебе все расскажет
фамилия ее, Козлова Вера.

А пока до свидания. с любовью ~~Лена~~ Лена.

2/IV-44г.

ехавших разграбить и сжечь партизанское село, не выдержал и побежал, успев зажечь несколько хат и захватить с собой несколько коров.

Когда мы въехали в село, жители, которые во время боя прятались в погребах и в лесу, выходили нам навстречу, обнимали нас и благодарили за спасение. Хуторок, в котором мы останавливались, назвали Наумовским.

Моя серая осталась жива, но была «прошита» по ногам. Седло с нее успели снять мадьяры, и мне пришлось доставать новую лошадь, а вместо седла приспособить перовую подушку и веревку вместо стремян.

К ночи группа прибыла в лесной массив, прилегающий к шоссе западнее Новгород-Волынска. Личный состав расположился в стороне от шоссе у небольшого лесного ручья.

Величко выставил два наблюдательных поста по три человека вдоль шоссе. Была поставлена задача вести наблюдение за передвижением живой силы и техники по шоссе. Вели мы его в течение трех дней.

Перед тем, как уйти из этого района, мы нарушили линии связи и заложили фугас под один из мостов. Результата взрыва не пришлось увидеть, так как он произошел, когда мы были уже далеко от шоссе.

По результатам наблюдения были подготовлены сведения для передачи в Центр.

Особенно запомнилось выполнение задания по встрече отдельной роты армянского легиона, действовавшего на стороне противника.

Гитлеровцы пытались привлечь на свою сторону представителей кавказских народов. Они создавали армянские, азербайджанские, грузинские легионы: вот, мол, сыны Кавказа идут вместе с фашистской армией.

Во время Киевского рейда в сентябре 1943 года через агентурные каналы были получены данные, что одна рота из армянского легиона, располагавшаяся в местечке Потиевка Житомирской области, намерена перейти на сторону партизан.

При первой попытке переход на нашу сторону не удался, так как при встрече мы обстреляли друг друга. Правда, не без помощи немцев, которые следили за армянами.

И вот через несколько дней опять договорились встретиться. Чтобы привести армян в расположение части, послали Андрея Ляха, Тасю Дроздову и меня. Мы прибыли в назначенное место и стали ждать. Через некоторое время на дороге показалась колонна в немецкой форме с полным вооружением.

Нам стало не по себе, когда мы их увидели. Мы ведь привыкли встречаться с немцами только в бою. Но делать нечего, надо встречать, будь,

что будет. И мы галопом подскакали к колонне. Что тут было! Строй сразу рассыпался. Поднялся невероятный шум. Нас буквально стащили с лошадей. Обнимают, целуют и каждый хочет пообщаться, а нас всего трое.

Кое-как уgomонились и двинулись в расположение части в село Дерманка.

На базе нас уже ждали. Было выстроено все соединение. Состоялся митинг, на котором Наумов обратился к армянам и спросил, помнят ли они присягу на верность Родине. А если помнят, то должны этой ночью разбить немецкий гарнизон и взять Потиевку. К утру Потиевка в рукопашном бою была взята, и соединение остановилось в ней на отдых.

После этого рота армян была преобразована в партизанский отряд имени Микояна. Командиром отряда был назначен бывший командир этой роты Осипян, а комиссар, начальник штаба и помпохоз определены из состава соединения.

Личный состав отряда участвовал в Западном рейде соединения по Западной Украине и Польше, в тяжелых боях искупил свою вину перед Родиной.

Западный рейд был не менее сложным, чем два предыдущих. За 45 дней было проведено 20 боевых операций, уничтожено значительное количество живой силы и техники противника.

В особенно трудном положении соединение оказалось вблизи Львова, где скопилось большое количество фашистских войск. Мы были окружены. Пришлось прорываться из кольца, ведя бой с превосходящими силами противника. Все, кто мог держать оружие, участвовали в этом бою, даже тяжелораненые стреляли, находясь на повозках. В атаку на прорыв повел партизан сам командир Наумов.

Этим сражением завершился в марте 1944 года боевой путь нашего партизанского соединения, мы встретились с регулярными войсками Советской Армии.

Соединение было расформировано, наиболее опытные партизаны направлены в Словакию для помощи в организации партизанской борьбы на словацкой территории. Большинство партизан влилось в состав армейских подразделений, а нам, молодым, кто пришел в партизаны со школьной скамьи, по приказу Наумова был предоставлен сокращенный отпуск. После отпуска нас направили на учебу.

Так я стал курсантом Пермского военного училища, после окончания которого служил в армии на различных офицерских должностях.

ЗАКОН ПОГРАНИЧЬЯ

П. Курганов

В ложине лежал слег. Много намело его за долгую полярную зиму. Конец июня - а все еще не тают снежные языки, белеют среди ярко-зеленых тундровых болот на фоне серых причудливых валунов, оставленных здесь проползшим в незапамятные времена ледником. На южных и западных склонах каменистых гряд, цепляясь корнями за скудную, неласковую землю, коряво стоят малорослые карельские березы. Спешат подставить узкие ладошки листьев солнечным лучам. Заполярье! Июнь - еще не лето, июль - уже не лето.

Петр Курганов - заместитель политрука первой заставы - залег

с винтовкой в середине цепи из сорока пограничников. Там, за снежной ложниной - враг. Если фашисты пойдут через границу, ложины им не миновать: южнее - озеро Титовское, севернее - непроходимые болота, скальные надолбы, настоящий противотанковый рубеж, созданный самой природой. А фашисты должны пойти: через заставу лежит кратчайшая дорога на Мурманск.

Уже неделю гремели бои, немцы танковыми клиньями ломились вглубь страны. А здесь, на севере Кольского полуострова, стояла относительная тишина. Перебежчики с финской стороны предупреждали пограничников, что фашисты готовят удар в ночь на 29 июня. А вчера Петр Курганов и сержант Киселев с нарядом из трех человек обнаружили на советской территории, примерно в километре от государственной границы, четырех вооруженных автоматами нарушителей. В перестрелке троих уничтожили, одного, раненого, задержали.

Им оказался немец в звании обер-лейтенанта, штабной офицер 6-й горно-егерской дивизии. На допросе он вел себя заносчиво, не

скрывал, что выполнял разведывательное задание - выявить огневые точки, прикрывающие дорогу на Мурманск.

- Чего мне скрывать, - убежденно басил немец, - когда первого июля мы уже будем в Мурманске! А вы, господа, будете нашими пленными...

- Повалился кувшин по воду ходить - там ему и голову сложить, - сказал начальник заставы старший лейтенант Дронов, когда политрук Иванцов перевел речь фашиста. - Прочитай, что у него в документах.

- Часть нам известная - горные егеря дивизии генерала Дитла. А вот это интересно. Пригласительный билет. Командование приглашает господ офицеров вермахта в мурманский ресторан «Арктика» на торжественный банкет по случаю доблестного захвата Мурманска «на третий день с начала наступления».

- Ишь ты, на банкет! Как же - «герои Нарвика и Крита». У нас тут не Крит, охолонут маленько. Дронов запечатал пакет и передал его Курганову:

- Срочно доставьте командиру полка, а на словах передайте, что немцы попрут, скорее всего, в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое. Показания перебежчиков косвенно подтверждаются.

Оседлав единственного на заставе коня - зимой пограничникам приходилось больше ездить на собаках и неприхотливых оленях, - Курганов поскакал в штаб 95-го стрелкового полка 14-й стрелковой дивизии, дислоцировавшегося восточнее реки Титовка в тылу у пограничников.

В 11 часов вечера, едва солнце коснулось горизонта, пограничники скрытно покинули казарму и двинулись к границе на высоту «202», заняли рубеж вдоль заснеженной ложины. Сорок человек с гранатами и стрелковым оружием - против многотысячной, вышколенной, вознесенной геббельсовской пропагандой до небес дивизии горных егерей, против пушек, минометов, авиации... «Ночь» полярным днем - полчаса светлых сумерек - промелькнула быстро, как тень совы. Пограничники разложили в ниши гранаты, запасные диски и обоймы. «Хорошо хоть к «трехлинейкам» в мае пришло подкрепление - самозарядные винтовки Токарева и пистолеты-пулеметы Дегтярева. Ведь уже тогда на границе пахло порохом: чуть ли не каждый день нарушения - и на земле, и в небе», - думал Курганов, привалившись спиной к валуну. Посмотрел вперед, на заснеженную ложину, глянул вокруг. Хмурый пейзаж! Невысокие каменистые сопки с чахлой растительностью, болота, серое небо нагоняли тоску. С особой остротой вспомнился дом, родная деревушка Лямпино посреди весело зеленеющей пармы.

Гадал ли он тогда, в детстве, что придется ему стрелять в лю-

дей? Нет, конечно. Петр мечтал стать учителем. Как большинство физически сильных людей, был он добродушен, не любил ссор. Да и с кем ссориться? Почитай, вся деревня - родня, у всех фамилии - Кургановы. Есть еще, правда, Вавилин, да и тот - зять Кургановых, женился на старшей сестре Петра.

А силенок Петр набрался в деле, с четырнадцати лет пахал. В пятнадцать закончил ШКМ - школу колхозной молодежи, как звалась тогда сельская семилетка, поступил в Кудымкарское педучилище. Славная была жизнь, хоть и голодная. Стипендия - пятьдесят рублей, а килограмм хлеба стоил почти рубль, килограмм сахара - четыре пятьдесят. И еще надо одеться, обуться. Зато какое пиршество - после стипендии пойти в «настоящую» столовую, подкрепиться более существенным, чем каша да чай! Правда, официанты обслуживали учащуюся братию весьма неохотно, зато стремглав бросались на щелчок пальцами заезжих шоферов, те на «деньгу» не скупились.

В 39-м году Петра Курганова как выпускника направили на длительную педагогическую практику, а в сентябре 40-го призвали в пограничные войска. Петр не думал становиться профессиональным военным, хоть и был соблазн. Перед окончанием училища пришел к ним в общежитие офицер из военкомата, весь в скрипучих ремнях, в блестящих сапогах чистого хрома. Петру предложили поступить учиться в Свердловское пехотное училище. Отговорил его зять, тот самый единственный в селе Вавилин. Был он уважаемым в колхозе человеком, партийцем. «В селе учитель - больше чем учитель. Так что, Петр, отслужи лучше срочную да возвращайся, учи ребятишек добру...».

Так и сделал бы Курганов, если б не фашисты, если б не война. Нет, не думал он стрелять в людей. А скольких уже нашли его пули здесь, на границе, с той поры, как служит он в Мурманском пограничном округе войск НКВД, на первой, самой северной на Кольском полуострове заставе? Свято выполнял он главный закон пограничья: быть бдительным, смело вступать в поединок с врагом, не жалеть своей крови и даже жизни ради своего народа, своей родины. Настоящий, чекистский закон. И не в людей он стрелял, а в нарушителей, в шпионов и диверсантов, не желавших сдаваться. И не в людей он будет стрелять сегодня, а в смертельных врагов, фашистов.

Курганов потянулся к винтовке, еще раз примериваясь, удобно ли будет целиться, и в этот миг страшно громынуло на западе, над головами пограничников с воем понеслись снаряды, мины. Фашисты ударили по заставе и по тылам, где располагался 95-й стрелковый полк. Как молот по наковальне, долбила и долбила по скалам фашистская артиллерия. Когда первый одуряющий страх, заставляю-

щий инстинктивно прижиматься к земле, немного отпустил, Петр приподнял голову. По склону лощины спускались с той, западной стороны плотные цепи горных егерей в серо-зеленых мышинных мундирах.

Атакующие враги достигли белой кромки лощины. Пьяно горланя - егеря укрепляли свою храбрость шнапсом, - фашисты бежали по рыхлому снегу, проваливаясь и беспорядочно строча перед собой из «шмайссеров». Перекрывая треск автоматных очередей, старший лейтенант Дронов крикнул: «Огонь!»

Каждый метр лощины был давно пристрелян пограничниками. Их встречный огонь был точен. Отчетливо, зло били винтовки, в центре рокотали ППД - знаменитые «дегтяря», с флангов косили врага два станковых пулемета - самая мощная «артиллерия» заставы. Трупы в мышинных мундирах испятнали белый снег. Оставшиеся в живых отступили. Застава выдержала первый натиск егерей. В течение дня пограничники отбили восемь атак озверевших врагов. Патронов наши бойцы не жалели: арсенал заставы пополнялся ежедневно в году, да и запас продуктов привозился разом на весь год. И сделано это было недавно, полмесяца назад.

Несколько раз фашисты предпринимали артналеты на позиции пограничников, дважды вызывали авиацию, но сбить оборону так и не смогли. Здесь, среди вековых валунов, разрывы снарядов и бомб были малоэффективны, смертью грозило лишь прямое попадание. Именно от прямого попадания авиабомбы погиб старшина заставы, подвозивший товарищам боеприпасы. Бомба в щепки разнесла повозку с патронными ящиками и гранатами, осколками ранило лошадь, и она стонала буквально по-человечески, пока Дронов не приказал кому-то из бойцов добить ее.

К вечеру наблюдатели с левого фланга доложили, что фашисты взорвали скалу у озера, разровняли дорогу и в обход цепи пограничников пустили танки.

- Приказываю отходить! - скомандовал Дронов. - Взять максимально возможное количество боеприпасов и продовольствия, остальное вместе со зданием заставы сжечь!

Неохотно выполнили приказ начальника пограничники. Дронов понимал их, а потому и объяснил свои действия политруку заставы Иванцову:

- Задачу свою мы, Николай Матвеевич, выполнили. Нужно было продержаться восемь часов, а мы тут - без малого сутки. Егерей накрошили - снега в лощине не видать. А на танки идти с голыми кулаками - не резон. Так и растолкуй бойцам: отходим на укрепленные позиции девяносто пятого полка. Вместе будем воевать. У пехотинцев есть и пушки противотанковые, и гранаты...

Сто километров, отделявшие Мурманск от линии государственной границы, фашисты намеревались пройти за три дня. Почти два месяца потребовалось им, чтобы одолеть сорок километров от Титовки до реки Западная Лица. 95-й стрелковый полк и влившиеся в него пограничники отступали, заставляя врага платить большой кровью за каждый куст и камень, за каждый метр советской земли.

Уже 29 июня командование 82-го погранотряда потеряло связь с первой заставой. Ее сочли погибшей. Родственникам личного состава в конце июля послали похоронки. Пришла казенная бумага и в деревню Лямпино Коми-Пермяцкого округа родителям Петра Курганова.

И какова же была радость командования погранотряда и друзей-пограничников, когда застава - почти без потерь! - в августе форсировала Западную Лицу и вместе с подразделениями 95-го полка заняла оборону на ее восточном берегу! Получив подкрепление, на этом рубеже советские части стояли насмерть. До Мурманска - нашего заполярного незамерзающего порта - фашистам оставалось пройти еще шестьдесят километров, но они не смогли продвинуться уже ни на шаг. Здесь сложили головы многие егеря дивизии генерала Дитла, здесь похоронена ее «непобедимость». Не зря долину Лицы в годы войны окрестили Долиной Смерти, а после победного мая - Долиной Славы.

Пропали пригласительные билеты командования германского вермахта на банкет в ресторан «Арктика». Фашисты могли попасть в Мурманск только в одном качестве - в качестве пленных! Мишуровская дорога от пограничной заставы № 1, от Титовского озера до Мурманска оказалась для горных егерей непроходимой.

Когда линия фронта на Западной Лице стабилизировалась, командование 82-го погранотряда отозвало пограничников из стрелковых частей. Из уцелевшего, крепко обстрелянного личного состава разных застав сформировали чекистский диверсионно-разведывательный отряд. Заставу старшего лейтенанта Дронова поделили на две диверсионно-разведывательные группы. В группу, которую он возглавил сам, Дронов включил и Петра Курганова как сообразительного разведчика, меткого стрелка, человека большой физической силы, да к тому же владеющего боевыми приемами рукопашной схватки.

Рейды пограничников во вражеский тыл отличались дерзостью и стремительностью: они действовали в хорошо знакомых им районах своих бывших застав, знали каждый камень, склон, ложбинку, болото.

- Дома стены помогают, а мы - дома! - не раз говаривал Дронов.

...Их группа возвращалась из глубокого рейда по фашистским

тылам. В белесой мгле полярной ночи, в белых маскхалатах скользили пограничники на лыжах по белым снегам, выявляя расположение вражеских подкреплений, коммуникации противника, штабы, узлы связи. Спали прямо на снегу, подостлав ветки карельской березы, костров не разводили, питались стылыми консервами, кое-как размороженными на синеватом пламени таблеток сухого спирта, жевали каменные сухари.

- Да, с такой пищи ходить будешь, но медленно, если ветра не будет, - пытался шутить Курганов.

- Ничего, возвращаться - не в пекло лезть, - старательно передвигая лыжи, ответил Дронов. - Смотри, наша ложбина. Интересно, закопали егеря своих тут или так и замело снегом?

- Кто его знает? Попробуй, вройся в камень... Стой! - идущие след в след по лыжне разведчики остановились. - Чего там? Фрицы?

- Дозорный дал сигнал фонарем, - Дронов и Курганов поспешили вперед, к дозору.

- Что случилось?

- Слева, где наша застава, кто-то воет. А впереди - в метрах трехстах от нас, в низине, похоже, походные немецкие палатки.

- Проверим!

Проверить, понять непонятное, грозящее возможной опасностью - закон пограничья. И Дронов свернул с лыжни влево, к заставе. Вернулся он буквально через две минуты.

- И смех, и грех, - сказал он, отдуваясь. - Это же наша печь на заставе воет! Узнала своих, вот и подает сигнал.

Мысленно Петр Курганов тотчас представил большую круглую печь из красного кирпича, обитую крашеным железом. Как уютно стояла она в центре родной казармы, а вокруг теснились тридцать пять солдатских коек. Как хорошо горели и потрескивали не поддающиеся топору стволы карельской березы. Вспомнился повар Василий Тельцов, прекрасно пекший хлеб, правда, в другой печи, поменьше. Тельцов погиб в августе на Западной Лице.

- Да, заставу свою сожгли: стены сгорели, а печь стоит, воет, как баба по покойнику, - не обращаясь ни к кому, сказал дозорный.

- Ничего - они нам за все наши беды заплатят. Заставим, - убежденно сказал Дронов. - Так, говоришь, впереди палатки фашистские? Может, тоже померещилось, если вой ветра в печной трубе за страшную опасность принял?

Не померещилось...

В низине, на пути пограничников, стояли большие палатки, в каждой, должно быть, пятнадцать-двадцать фашистов.

- Двенадцать палаток, - вынырнув из темноты, доложил Дронову Петр. - Спят как сурки. Без охранения.

Обычной задачей диверсионно-разведывательных групп было уничтожение живой силы и техники врага, наведение паники в его тылах, захват «языков». На этот раз группа Дронова выполняла чисто разведывательное задание, можно было обойти неприятельский гарнизон, не рисковать - благо собран необходимый материал. Но велико было искушение.

- Часовых нет. Чувствуют себя в безопасности: до линии фронта сорок километров. Ничего, мы их расшевелим, боекомплект у нас не истрачен. Окружаем и в два ноль-ноль, без «ура» и шумовых эффектов, забрасываем гранатами.

Соотношение сил было не в пользу пограничников, но на их стороне - внезапность, дерзость, вера в свою правоту и полярная ночь...

Забросав палатки гранатами, разрядив автоматные диски в обезумевших врагов, пограничники растворились во тьме, прихватив на всякий случай «языка».

Конечно, не все операции проходили столь же успешно. В одном из дальних рейдов, в котором участвовали совместно три группы, пограничники Дронова ушли из базового лагеря в фашистском тылу громить коммуникации врага. Две другие группы, вернувшиеся с задания, измотанные и смертельно усталые, расположились на отдых. Тоже в низине, за ветром, только не в палатках, а на снегу. Приняли с устатку и для согрева «сто наркомовских граммов» - и уснули. Трех дозорных тоже сморил сон. Каратели из СС - не без помощи белофиннов - бесшумно сняли спящих дозорных, а остальных расстреляли в упор. Из сорока наших бойцов уцелел один, раненый. Он-то и рассказал, как фашисты ножами добивали людей, уродовали лица мертвых.

Страшное зрелище предстало глазам пограничников группы Дронова, вернувшейся на базу. Отныне ни капли жалости не оставалось у бойцов к лютomu зверю-врагу.

- Эх, ребята! - сдернув ушанку, только и мог сказать Дронов. Скорбно помолчав, добавил: - Забыли главный закон пограничья, утратили бдительность. Мы отомстим за вас...

Не с тех ли пор сделались неуловимые чекистские группы грозой и кошмаром оккупантов? Такой факт: когда в октябре 1941 года диверсионно-разведывательный отряд реорганизовали в 181-й погранбатальон, его командиром стал подполковник Михайлов. О бойцах батальона, оправдывая свою беспомощность, фашистское командование распространило легенду: «Погранич-

ники Михайлова дерзки, неуловимы и беспощадны. Бороться с ними невозможно».

В Заполярье Петр Курганов сражался до ноября 1942 года. Потом его вместе со многими товарищами-пограничниками посадили в воинский эшелон и повезли на Урал. Прогромыхали за открытой дверью теплушки знакомые станции: Верещагино, Менделеево, Пермь II... До дому, казалось, рукой подать.

Однако на самом деле до дому оставалось еще больше двух лет войны, борьба с националистами всех мастей, учеба в школе контрразведки СМЕРШ.

Когда с полковником Петром Абрамовичем Кургановым мы «читали» полесскую страницу его фронтовой биографии, я не удержался, спросил, знаком ли он с романом В. Богомолова «Момент истины». Ведь и время совпадает - август 44-го, и место - Барановичи, Шиловичи, Лида, и операция по освобождению Белоруссии - «Цитадель»!

- Ну, мы-то от Лиды далековато были, - усмехнулся Петр Абрамович. - Что же касается романа, то героев его автор честно написал, мало чего, так сказать, преувеличил. Розыскная работа контрразведчиков в лесах будто с натуры списана. Малые группы, внезапные огневые стычки...

- А Таманцев? Стрельба «по-македонски» из двух наганов, сверхвыносливость и сверхловкость - супермен, да и только.

- Война всему научит. Были у нас такие оперативники, действительно «схорохваты». Алехин мне нравится, но, признаться, профессионально не верю ему в заключительных эпизодах: вряд ли буквально в минуты можно нормальному человеку, даже с тренированной памятью, «прокачать» все те ориентировки и приметы возможных диверсантов, чтобы выявить Мищенко.

- Давно читали роман?

- Лет двенадцать назад. В журнале. Тогда он назывался «В августе сорок четвертого»...

- А помните всех героев.

- Как не помнить! Я с этими героями в молодость свою вернулся. Тогда-то, в сорок четвертом, стукнуло мне всего двадцать два года. И ничего я, кроме крови, грязи, пота, снова крови, тогда еще не видал на белом свете. Спаленные деревни, развалины городов и трупы, трупы, трупы...

Петр Абрамович помолчал, задумался, провел ладонью по лицу.

- Честно говоря, у тех, кто прочтет роман Богомолова, может сложиться впечатление, будто части СМЕРШ лишь тылы охраняли.

Нет, доводилось нам выполнять и многие другие задачи. В сентябре 1943 года наш 118-й отряд получил боевую задачу: переправиться на западный берег Сожа и захватить плацдарм. И удерживать его, оттягивая на себя фашистов, пока основные силы 65-й армии генерал-лейтенанта Батова не форсируют Днепр в районе Лоева. Отряд из трехсот чекистов разбили на пять групп, чтобы каждая могла удерживать участок более широкий по фронту, поскольку вторая половина задачи - отбить возможный фланговый удар гитлеровцев по наступающей армии. Сентябрьской ночью переправились через Сож. Наша группа вышибла фашистов из прибрежной деревушки, захватила плацдарм, окопалась. Десять суток непрерывного боя. Ночью подвозили еду, патроны. Выстояли. Медаль «За отвагу» - как раз за тот плацдарм. А друга моего, Николая Овсянкина из Красноярска, тоже пограничника, подкараулил вражеский снайпер. Пуля под срез каски вошла, меж бровей...

Ненавидеть всяческое зло и бороться с ним научился Петр Курганов и служа на границе, и сражаясь на фронте. Дороги войны вели его от Заполярья через Курскую дугу, Украину, белорусское Полесье, Польшу, Германию. 69-я Севская дивизия, куда в августе 1944 года был направлен старшина войск НКВД Курганов командиром разведывательного отделения, с боями шла от Севска - самой западной точки Курского выступа - до Померании, через Росток к Варнемюнде. Там, на берегу Балтики, смывал фронтовые пот, копоть и кровь с лица Петр Курганов, смывал соленой, как слезы, балтийской водой.

Но с победным маем война для него не закончилась. После учебы в школе контрразведки он продолжал сражаться с бывшими фашистскими пособниками, полициями, бандитами из националистских формирований, продажными, платными агентами иностранных разведок, другими тайными и явными врагами государства.

Почти 38 лет отдал службе Родине Петр Абрамович Курганов, после войны работал в Пермском управлении КГБ на различных, в том числе с 1951 года руководящих должностях. В 1978 году в звании полковника с должности начальника подразделения вышел на пенсию. Его боевой и трудовой путь отмечен орденами Славы III степени, Знак Почета, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и многими другими медалями.

С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

А. Ожигihin

Встреча была случайной. Анатолий Федорович шел к источнику Нафтуси, чтобы выполнить обычный ритуал по приему целебной воды.

Парк санатория «Трускавец» с его ровными рядами зелени, чистыми дорожками почему-то вызывал воспоминания о родных местах. Вспоминалась уральская природа вокруг его родного села Кашкара в Осинском районе Пермской области. Там до войны прошло его детство и юношество. Как наяву виделись леса, раскинувшиеся на пологих склонах, поля, примыкающие к огородам, извилистая речка, пруд и мельница, у которой с друзьями ловили когда-то рыбу.

В раздумье Анатолий Федорович не сразу обратил внимание на встречного мужчину. Они разминулись, но что-то заставило оглянуться. Мужчина тоже оглянулся и воскликнул:

- Это ты, «инженер»?

Так мог назвать его только однополчанин. Анатолий Федорович узнал его и в свою очередь спросил:

- А это ты, комэск?

С командиром эскадрильи Иваном Васильевичем Морозовым они не виделись более двадцати лет.

После восклицаний и объятий пошли взаимные расспросы:

- Кто и как ты теперь?

- А ты - где и что?

Их связывала фронтовая дружба. Бывали случаи, когда вместе приходилось, как говорится, «смерти смотреть в лицо».

Узнав о такой встрече, даже лечащий врач Мария Адамовна разрешила двум друзьям нарушить санаторный запрет на спиртное.

Фронтовые сто грамм вызвали много воспоминаний. Когда выяс-

нили, что встретились двадцать лет спустя два майора, один - Ожгихин Анатолий Федорович, майор государственной безопасности из управления КГБ по Пермской области, другой - Морозов Иван Васильевич, майор милиции, работник ОБХСС из Волгограда, беседа, естественно, перешла на фронтовые дела.

Было это в марте 1945 года под городом Цеханов. Стрелок-радист Николай Дунаев из экипажа командира 2-й эскадрильи И. В. Морозова был ранен и, как нередко бывало, вместо него полетел на задание техник авиазвена Анатолий Ожгихин. Над линией фронта, проходившей по реке Висле, их самолет был поражен термическим снарядом. Броня не выдержала, из пробитого картера хлестало масло, движок «зачихал». Самолет, теряя скорость и высоту, резко пошел на снижение. Командир не растерялся, успел аварийно сбросить бомбы и развернуть машину по направлению к своим. Дымящийся самолет падал на лес. Страшный треск, удар и тишина. Очнувшись, пилот и техник начали выбираться из кабины. Фонарь ее оказался открытым. Кто из двоих его открыл, выяснять было некогда. Надо было побыстрее отойти, мог последовать взрыв.

Экипаж не был уверен, что приземлился (точнее, свалился) на своей территории. Осмотревшись, Ожгихин и Морозов увидели, что в их сторону бегут люди. Издалека не видно было, свои или враги, приготовили пистолеты. Но стрелять не пришлось: прибежали наши солдаты из пехотного полка.

На следующий день Морозова и Ожгихина отвезли в авиационный полк, который базировался в шестидесяти километрах от места падения. Встреча была бурной. Их считали погибшими. Эскадрилья летела на выполнение задания в полном составе, в девять самолетов. Все видели, что машина командира задыхалась и упала. Заместитель командира взял управление на себя, боевое задание было выполнено, однако все переживали за товарищей.

И вдруг они явились целыми и невредимыми. Командир полка Андрей Яковлевич Лизогуб был растроган и очень рад их возвращению. Тем более были взволнованы Ожгихин и Морозов: они снова в строю.

Для Анатолия Федоровича долгий и трудный путь к завершающему этапу войны начался в ноябре 1941 года. Война нарушила ритм жизни в его родном селе, районе. В трудных фронтовых условиях Ожгихину часто вспоминались родные места, те радости, которыми было наполнено мирное время.

Трагические события периода коллективизации не очень-то коснулись кашкаровцев. Раскулачены были только несколько семей хуторян. На Урале коллективизация проводилась позже, чем в централь-

ных районах страны, поэтому не успели добраться до середняков. Появилась работа И. В. Сталина «Головокружение от успехов». После ее выхода некоторые раскулаченные возвращались домой буквально с дороги в ссылку. Средняки же, обладая крестьянской смекалкой, решили не испытывать судьбу и вступили в колхозы. В результате в колхозах оказались работающие люди. К концу тридцатых годов колхоз «Свобода», где бригадиром был отец Анатолия Федоровича, жил безбедно. Молодежь была довольна, ей нравилась коллективная работа, часто, особенно летом, на поле ехали с песнями, по вечерам веселились.

В селе работал клуб, построили новую школу. Толя Ожгихин в 1935 году окончил учебу в Кашкаринской начальной школе. В четвертом классе учитель Иван Петрович Цаплин, отлучаясь, оставлял Анатолия вместо себя. Тому это нравилось. Вместе с учениками своего класса он разбирал новый материал, а вот со второклашками Толя работал как учитель. И вполне естественным было его поступление в 1939 году в Осинское педучилище.

Учеба давалась легко, успевал заниматься спортом. В каникулы косил сено, работал на жатке.

Война все сломала.

Ребята третьего курса училища обратились в райвоенкомат с просьбой отправить их добровольцами на фронт. Из 18 обратившихся десять молодых людей были признаны годными для военной службы, в том числе и Анатолий Ожгихин.

19 ноября 1941 года Анна Семеновна провожала на фронт сразу троих: мужа Федора Степановича, сына Анатолия и дочь Таисью. С отцом Анатолий расстался на сборном пункте в Перми. Федор Степанович воевал под Сталинградом, был ранен, по ранению демобилизован, в 1943 году вернулся домой. Сестра всю войну работала в военном госпитале в Оханске.

Анатолия на сборном пункте определили в авиацию и направили в Яновскую авиатехническую школу в город Котельнич Кировской области. Первое время пришлось жить в недостроенных, плохо обогреваемых помещениях, питание было плохим, а нагрузка большая, надо было осваивать программу в сжатые сроки. Некоторые не выдерживали, среди курсантов были факты умышленного обморожения. Пермяки, бывшие вместе с Ожгихиным, выстояли.

К февралю 1942 года обстановка в школе нормализовалась, жить стали в теплой казарме, питались значительно лучше. В конце 1942 года школу закончили, двухгодичную программу освоили за один год, стали авиамеханиками. Затем прошли стажировку на заводе в Куйбышеве, где пришлось переучиваться с устаревших СБ (средних бомбар-

дивовщигов) на самолеты ИЛ-2. Это был настоящий воздушный танк, прекрасная для того времени машина с отличным двигателем пермского авиаконструктора А. Д. Швецова, мощным вооружением: двумя 23-миллиметровыми пушками, тремя пулеметами, восемью реактивными снарядами ЗР-32 и бомбовой нагрузкой в шестьсот килограммов.

В начале 1943 года на аэродроме Кряж под Куйбышевом молодые авиатехники были распределены по воинским частям. Анатолий оказался в 569-м авиационном полку, входившем в состав корпуса, которым командовал прославленный летчик, Герой Советского Союза генерал-майор Георгий Филиппович Байдуков.

Как потом вспоминал Морозов, там, при распределении, он обратил внимание на бравого сержанта Ожгихина, с которым впоследствии пришлось воевать до победы.

Боевое крещение выпускники школы приняли на Брянском фронте, при взятии городов Почеп и Брянск. Особенно запомнилось участие в подготовке первого боевого вылета. Авиамеханики все тщательно проверили и с волнением провожали своих пилотов на боевое задание, а затем с нетерпением ожидали их возвращения.

Самолеты частенько возвращались со значительными повреждениями. Не обошлось и без людских потерь. Был смертельно ранен стрелок-радист Михаил Медведев. Мощная машина ИЛ-2 имела один недостаток - стрелок не был защищен броней. Особую опасность представляли термитные снаряды, которые немцы начали применять в 1943 году. Такой снаряд и угодил под сиденье Михаила, пробив фюзеляж, парашют, сжег часть тела радиста. Не придя в сознание, Медведев скончался.

Были потери и в последующих боях, однако первая утрата запомнилась особенно.

После августовских боев в 1943 году под Брянском 569-му полку в составе 4-й воздушной армии предстояло участие во многих боевых операциях.

«Летающие танки» полка своим мощным огнем уничтожали бронетехнику, артиллерию, живую силу противника. Особенно напряженными были бои на территории Белоруссии. В операции «Багратион» полк принимал самое активное участие. Обычно штурмовики взаимодействовали с сухопутными войсками, а при благоприятных условиях действовали самостоятельно. В июне 1944 года 569-й буквально разгромил скопление фашистских войск в районе реки Березина. Вылетевший на разведку штурман полка майор Ларин обнаружил колонну войск противника, разбомбил мост на ее пути

и сообщил об этом командованию корпуса. По приказу Байдукова полк был поднят по тревоге и в полном составе принял участие в уничтожении вражеских солдат и техники.

Во второй половине 1944 года полк воевал уже на польской земле. Всем запомнилась битва у крепости Осовец. Фашистские войска оказали ожесточенное сопротивление. В этих боях полк потерял шесть самолетов, но задачи, поставленные перед ним, выполнил и заслужил особое название - Осовецкий.

Не менее упорными были сражения и на Кенигсбергском направлении. По три-четыре вылета в день делали летчики. В этих боях погибли два Героя Советского Союза, капитаны Осипов и Чебоненко.

На последнем этапе войны в 1945 году полк действовал на территории Германии. Последний боевой аэродром был вблизи города Рехлин, западнее Берлина.

За образцовое выполнение заданий, овладение городами Остероде, Дейч-Эйлау полк был награжден орденом Красного Знамени.

За помощь пехотным частям при взятии Штеттина, Гарца, Казеноза, Шведта и проявленные при этом доблесть и мужество в апреле 1945 года полк был награжден орденом Суворова. С этого времени он стал именоваться 569-м штурмовым авиационным Осовецким Краснознаменным ордена Суворова полком.

Столь громкое имя полк заслужил, безусловно, прежде всего благодаря самоотверженности летчиков, среди которых было несколько Героев Советского Союза, в том числе и Иван Васильевич Морозов. Велика была и заслуга техников - авиамехаников, мотористов, оружейников, прибористов. Анатолий Федорович вначале был авиамехаником, а затем его назначили техником звена.

Звену, насчитывающему около 20 специалистов, приходилось работать и днем и ночью: латать пробоины, устранять неисправности в машинах. Все это делалось в сложных полевых условиях, под открытым небом, в любую погоду, часто под бомбежками вражеской авиации или под артиллерийским обстрелом. На территории Восточной Пруссии техники дежурили за пулеметом в задних кабинах самолетов, стоявших на аэродромах и при необходимости отбивали нападения немецких «партизан».

Из наградного листа на старшину Анатолия Федоровича Ожгихина: «Тов. Ожгихин участвует в Отечественной войне по разгрому немецко-фашистских захватчиков с августа месяца 1943 года на Брянском, 2-м Прибалтийском, 1-м и 2-м Белорусском фронтах. За время боевых действий обслужил 460 успешных боевых вылетов в должно-

сти техника звена, без единого отказа материальной части по вине технического состава. Ранее за обслуживание 210 боевых вылетов награжден медалью «За боевые заслуги».

После награждения тов. Ожгихин обслужил еще 250 успешных боевых вылетов.

Имея богатый опыт эксплуатации материальной части, умело организует работу технического состава в звене. Случаев отказа материальной части по вине технического состава не было. Работает очень много, не считаясь с трудностями. Качественно и быстро организует ремонт материальной части, прибывающей с боевых заданий.

15.02.45 года один самолет возвратился поврежденным огнем ЗА противника. Тов. Ожгихин мобилизовал технический состав звена и, правильно расставив силы, за одну ночь восстановил самолет. Утром самолет был выпущен на боевое задание.

Выводы: за умелую организацию боевой работы звена, которое обслужило 250 успешных боевых вылетов, после первой правительственной награды, достоин второй правительственной награды - ордена Красной Звезды.

Командир полка подполковник Лизогуб. Май 1945 г.»

Война сплотила людей. 569-й полк действовал как единый организм. Все верили в победу, с нетерпением ждали ее и делали все возможное, чтобы приблизить.

Ждали победу и в тылу, в городах и селах. Из дома Анатолию Федоровичу писали ободряющие письма, но по отдельным фразам можно было судить, как трудно приходится сельчанам. Отец, Федор Степанович, после возвращения с фронта был назначен бригадиром в колхозе. А в бригаде - женщины, старики да дети. Техники никакой. Колхозницы на своих буренках пахали, перевозили грузы. Младший брат Петр в свои 14 лет тоже работал в колхозе. Находилось дело и одиннадцатилетней Людмиле - нянчилась с братишкой Славой.

Долгожданную победу Анатолий Федорович встретил в шестидесяти километрах от Берлина.

9 мая 1945 года полк, как обычно, готовился к боевым вылетам. Вдруг в небо взлетели три зеленые ракеты - срочный сбор всего личного состава. Полк был построен с развернутым знаменем. Командир дивизии объявил об окончании войны и поздравил всех с победой. После этого творилось что-то невероятное: стрельба, крики, объятия, всеобщее ликование.

На торжество в этот день прибыли гости из бомбардировочного полка под командованием Героя Советского Союза Марины Михай-

ловны Расковой. Среди тостов, которые произносились тогда, особенно запомнились два - «За смелых» и «За отдавших жизнь ради Победы».

Война закончилась, но служба продолжалась. Анатолий Федорович не сразу демобилизовался, в июле 1945 года ему был предоставлен отпуск. После долгого пути из Германии наконец-то он оказался в родном селе. Первым встретил его пес Бобрик, несмотря на долгую разлуку - узнал. По-своему выражал радость, прыгая и повизгивая.

А вот Анна Семеновна не сразу признала сына. Когда он постучал в дверь и сказал, что это он, Анатолий, произошло непонятное. Вместо того, чтобы отворить, мать ушла. На повторный стук вышел отец. Анатолий Федорович повторил, что это он, их сын, приехал в отпуск.

- Ты разве живой?

Родители в конце войны получили похоронку на однофамильца с такими же инициалами. Письмо, написанное после победы, почему-то не пришло. Анна Семеновна оплакала сына, даже отпела в церкви. Не сразу поверила, что ее Толя жив.

После отпуска служба продолжалась на Кавказе, на границе с Турцией. Окончательно он вернулся в родные края в марте 1948 года. И снова в школу, учителем. Повидавший виды фронтовик первое время с

волнением входил в класс, особенно к малышам. Служба в качестве авиамеханика и техника звена требовала большого внимания и ответственности. Но в армии была техника, а в школе надо было работать с маленькими людьми. Это было посложнее.

Школьники сороковых годов отличались от школьников тридцатых. Беднее одетые, не такие жизнерадостные, а некоторые просто голодные. Анатолий Федорович собрал ребят. Вместе обработали огород, посадили картофель и овощи. Это, и еще помощь колхоза, позволило ввести бесплатные обеды для всех учеников школы. Вскоре учитель-фронтовик за-

*А. Ожгихин у развернутого
боевого знамени части*

воевал авторитет среди самых объективных ценителей - детей.

Только год проработал Ожгихин учителем. Обстановка в районе, в основном сельскохозяйственном, в конце сороковых годов была сложной. Война подорвала как коллективные хозяйства, так и личные подворья: все шло для фронта. Такое же положение сохранилось и после победы: надо было восстанавливать пострадавшие районы страны. Продукцию сдавали государству по низким закупочным ценам. На развитие производства и личное потребление оставались крохи.

В ту пору все строилось не на материальной заинтересованности, а на агитации, на убеждении. Поэтому укреплялся партийный аппарат. В 1949 году коммуниста Ожгихина пригласили в районный комитет партии заведующим парткабинетом. Тут он и привлек внимание органов госбезопасности. Его боевой характер, смелость, настойчивость, общительность, добросовестность были теми качествами, которые необходимы для оперативного работника. С сентября 1950 года он снова на службе, но уже в качестве оперуполномоченного Осинского районного отделения МГБ СССР по Пермской области.

Через некоторое время молодой сотрудник органов госбезопасности лейтенант Ожгихин приходит к секретарю райкома Александру Васильевичу Сокурову, чтобы поставить его в известность о намечаемом аресте некоего Гусева.

- Мы разве тебя за этим направляли в органы, чтобы ты арестовывал наших лучших механизаторов? Ты знаешь, что Гусев недавно награжден орденом за хорошую работу? - негодовал Сокуров.

Анатолий Федорович тоже не предполагал, что ему придется заводить дело на Гусева. Даже получив материалы на него как на скрывающегося преступника, он долго сомневался, не ошибка ли это? Необходимо было проверить, опровергнуть или подтвердить имеющиеся подозрения. Прежде всего выяснить, почему Гусев оказался в Осинском районе, почему уехал из Кизела, где раньше работал на шахте. Было получено подтверждение, что Гусев направлен для укрепления сельского хозяйства, как и многие другие. Однако последующей проверкой были вскрыты факты, относящиеся к периоду войны. Гусев был на стороне врага. Нашлись и люди, подтвердившие его пособничество оккупантам. При отступлении наших войск он убил тракториста и организовал пробку на дороге. Скопившиеся войска попали под бомбежку противника. Во время оккупации был старостой села, отличался жестокостью. После окончания войны бежал на Урал.

Вспоминая фронтовые дела, рассказывая о себе, Анатолий Федорович интересовался и послевоенной судьбой своего боевого товарища -

Ивана Васильевича. Морозов демобилизовался раньше, почти сразу же после войны, работал пилотом гражданской авиации. По состоянию здоровья был вынужден оставить любимое дело. Принял предложение работать в милиции. На этом сложном направлении фронтовая закалка помогла противостоять попыткам давления и даже подкупа.

Самоотверженно сражаясь на фронтах, работая по восстановлению народного хозяйства после войны, советские люди надеялись на облегчение, мечтали о свободе. Однако порядки, сложившиеся в военное время, сохранились и в 50-е годы. Люди работали на государство, часто не получая достойного вознаграждения за труд. Все это сказывалось на положении дел, особенно в коллективных хозяйствах, где было много недостатков и нарушений.

Агитация и призывы во многих случаях не действовали. И тогда усиливались репрессивные меры. Не избежала такой участи и семья Анатолия Федоровича. Его отец, Федор Степанович, заместитель председателя колхоза «Свобода», в 1951 году был привлечен к уголовной ответственности. Формально судили за недостатки, имевшие место в хозяйстве. Поводом же явилось якобы хищение социалистической собственности: на ферме были израсходованы, минуя бухгалтерию, закупленные Федором Степановичем для колхоза 136 килограммов соли и 30 литров керосина. Этого оказалось достаточно, чтобы суд определил ему 8 лет лишения свободы.

Анатолий Федорович в то время работал в Осинском районном отделении УМГБ по Пермской области. Сын в этом отделении, а отец под арестом по соседству, в Осинском отделе милиции. По просьбе сына, знакомый милиционер привел к нему арестанта-отца.

Разговор начался с вопроса:

- Что ты, старик, наделал?

- Ничего не наделал, - был ответ. - Если у вас такие законы, судите. За что меня судить? Соль и керосин колхозные, а колхозники знают, что я их не присваивал.

Осуждение отца не повлияло на судьбу сына, работники кадров управления объективно оценили происшедшее. В то же время члены семьи Ожгихиных остро переживали и обращались в различные инстанции о пересмотре дела. В марте 1953 года, после смерти Сталина, Федор Степанович был освобожден из заключения со снятием судимости.

Работая в органах госбезопасности, Анатолий Федорович никогда не забывал случившееся с отцом и, будучи непримиримым к преступникам, всегда защищал интересы честных людей.

Познавшие войну особенно стремились обеспечить мирную спокойную жизнь в стране и, как и на фронте, вступали в схватку с преступниками.

Так было в 1952 году в городе Александровске, куда Анатолий Федорович был переведен из Осы. В отделение УМГБ поступила ориентировка, что в Александровске может появиться опасный преступник Уткин, который совершил побег из колонии, убил милиционера и завладел его пистолетом. В ориентировке предписывалось совместно с милицией установить Уткина и задержать его. Через некоторое время было получено сообщение, что Уткин действительно находится в Александровске, и его видели в районе кинотеатра. Ожгихин вместе с Алексеем Турициным направились к кинотеатру и вскоре увидели того, кого искали. Пытаясь уйти от погони, Уткин выбежал на свободную от людей улицу. После предупреждения Анатолий Федорович несколько раз выстрелил, однако промахнулся. В тот раз Уткину удалось скрыться. Предположили, что он мог убежать в сторону совхоза «Александровский». На подходе к совхозному поселку увидели, как из крайнего дома вышел мужчина, одетый не так, как преступник. Он нес чемодан и направлялся на станцию. Оперативники знали, что это время никакой поезд через Александровск не проходит, и потому решили проверить незнакомца. Уткин, а это был он, поняв, что переодевание ему не помогло, спрятался за дерево и приготовился к стрельбе. Анатолий Федорович видел, как в его сторону направляется ствол пистолета, и, прежде чем прозвучал выстрел, отпрянул в сторону, лег и, тщательно прицелившись, тоже выстрелил в перебегающего к другому дереву Уткина. Пуля достигла цели, преступник был смертельно ранен.

Принимая меры по задержанию вооруженного бандита, Ожгихин не думал об опасности, он как всегда самоотверженно выполнял свой долг. И не его вина, что задержание закончилось таким исходом.

Дальнейшая служба Анатолия Федоровича в органах государственной безопасности проходила без стрельбы и погонь. К концу пятидесятых годов порядок в стране в основном был наведен, обстановка стала более спокойной. Изменилась и обстановка в мире. Прежние наши союзники теперь стали противниками. Органы госбезопасности вынуждены были противостоять разведкам стран НАТО.

Пришедший в 1950 году в управление МГБ по Пермской области Анатолий Федорович Ожгихин, прослужил до 1987 года, работал в Александровске, Кизеле и затем в Перми. Принимал активное участие во многих контрразведывательных операциях. Имеет более тридцати поощрений. К боевым наградам - ордену Красной Звезды, медалям «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» добавились орден Отечественной войны II степени, одиннадцать медалей, а также многие благодарности, грамоты

и денежные премии. Стал он полковником, начальником отдела, почетным сотрудником органов государственной безопасности.

Из представления к награждению знаком «Почетный сотрудник госбезопасности»:

«Тов. Ожгихин А.Ф., дисциплинированный офицер, исполнительный и инициативный работник, умелый руководитель, внес существенный вклад в дело совершенствования работы подразделения, лично участвует в проведении сложных мероприятий, проявляет разумный риск и поддержку, смелость и решительность. Много сил и энергии отдает созданию необходимых условий для успешной работы сотрудников.

Его отличает деловитость, принципиальность, высокое чувство ответственности.

Свой опыт он умело передает сотрудникам, уделяет должное внимание обучению и воспитанию. Правильно строит взаимоотношения в коллективе, пользуется уважением. Требователен к себе и подчиненным, проявляет заботу о сотрудниках, чуток и отзывчив ...»

Активная натура Анатолия Федоровича проявляется и сейчас, когда он на пенсии. Возглавляя Совет ветеранов управления, он много времени посвящает оказанию помощи пенсионерам, участвует в воспитании молодого поколения.

ЖИЗНЬ ТАКАЯ КОРОТКАЯ

В. Федоров

Поднимаясь по лестнице на четвертый этаж, Федоров рассматривал конверт с недоумением: отправлен из Куйбышева, но почерк чужой, ни о чем не говорящий. Нахлынуло необъяснимое беспокойство. Войдя в квартиру, Владимир Иванович сразу распечатал письмо и принялся читать.

- Ух ты! - вырвалось у него так громко, что Анна Николаевна вышла на восклицание мужа.

- Что, Володя, случилось?- спросила она.

- Венька Ломакин умер! - ответил потрясенный Владимир Иванович.

- Да ты что? - изумилась она.

- Вот, письмо пришло от его жены.

Вениамин Ломакин - самый близкий фронтовой друг Владимира Федорова. С 41-го и до 46-го были неразлучны. Всю войну прошли вместе. Звания одинаковые, награды одинаковые, оба были командирами расчета. Когда закончилась война, договорились в шутку, что женятся через два года после демобилизации, что дети появятся через год, и у обоих будет по сыну и по дочери. Так все и вышло.

Нет больше Вени Ломакина. «Володя, берегите друг друга, жизнь такая короткая, - писала Нина, его вдова, - и как тяжело остаться одной в старости. Это не объяснишь. Очень тяжело».

У Владимира Ивановича сдавило сердце: Нина дважды повторяла в письме пронзительные слова - жизнь такая короткая. В эту минуту он ощутил истинность этих обжигающих слов, аж трепет прошел по телу.

- Мы с Веней были как родные братья! - проговорил скорбно Федоров. - Надо сегодня же отослать деньги на венок. Пусть Нина купит и повесит на памятник от нас.

Он достал водку, налил сто граммов, как на войне, «наркомовских», и помянул друга.

Бывает, худо, мрачно станет на душе, и тогда Владимир Иванович берет неказистый фронтовой альбомчик с пожелтевшими тонкими листками и начинает рассматривать фотографии, и отмякнет душа от воспоминаний, в которые уносит его память. Эта трофейная тетрадка с непонятным готическим словом, вытисненным на толстых корках, попалась Федорову в немецком городе Ратиборе. С бумагой на фронте было трудно, подчас на письма шла серая прокладочная из ящиков с крупнокалиберными патронами.

За войну появилось у него несколько фотографий, число которых стало быстро множиться после Победы. Снимались на память трофейными фотоаппаратами. И сделав в листках тетради прорези, он вставил в них уголками эти фотокарточки. Так начался альбом, который за 45-й, 46-й годы заполнился снимками фронтовых друзей и подробными подписями к ним.

Он достал фотоальбом, раскрыл его.

Вот они с Веней Ломакиным возле своего крупнокалиберного зенитного пулемета. Сколько Федоров за войну выпустил из него пуль по самолетам врага и по разным наземным целям, если от Сталинграда до Праги сменил два ствола, износившихся в боях, а с третьим довоевал до Победы. Не достанут ли до Луны все его очереди, если вытянуть их в одну трассу?

Перелистывая альбом, Федоров перебирал в памяти события войны. Он помнил все подробности более чем полувековой давности. Да и как их забыть, если в окопах остались его самые цветущие годы. Сколько они, солдаты, вынесли и вытерпели всего, сколько хлебнули на фронте страданий, разве забудешь! Война его, пацана, попавшего на нее со школьной скамьи, вылепила на свой лад. Шесть лет, считая с 41-го, отдал он армии. Но дело даже не в годах, как начал он понимать через много-много лет, а в том, ЧТО происходило там с их душами молодыми. Приобретая опыт, который был страшен своей противоестественностью, переходящей в обыденность, душа очень незаметно ломалась. Все, что он видел, чувствовал, думал, все это и сформировало в его восприимчивой натуре особый механизм памяти человека, видящего смерть и сеющего смерть.

В Тамбовской губернии был уездный город Козлов, который в 1932-ом году переименовали в Мичуринск. В нем-то 10 ноября 1923 года и увидел Федоров свет. Здесь он был крещен, рос, учился. Семья состоя-

ла из пяти человек: отца с матерью и троих детей. Володя был старшим, за ним шли Алексей и Октябрина.

В те годы самой престижной считалась профессия летчика. Легендарные авиаторы Чкалов, Громов, Леваневский, Гризодубова, Осипенко и многие другие были кумирами молодежи, создавали атмосферу заразительного энтузиазма. Недаром Володя Федоров и трое его товарищей, учась в 10-м, параллельно поступили в аэроклуб.

В их классе было 7 парней и 19 девушек. Выпускной отпраздновали 17 июня, война началась через четыре дня, а уже 8 августа четверо вчерашних школьников оказались в армии. На базе аэроклуба была создана 9-я военно-авиационная школа пилотов с дислокацией в городе Кирсанове. И вскоре недавние одноклассники Володя Федоров и Юра Кочергин повели туда самостоятельно свои аэроклубовские машины. В Кирсанове и познакомился Федоров с Веней Ломакиным.

В октябре 41-го ребята очутились в Шадринске, оттуда их перебросили в Бугуруслан. Здесь в мае 42-го они и закончили авиашколу первоначального обучения и были направлены в школу истребителей в город Нововязники Владимирской области, где полтора месяца летали на учебно-тренировочных самолетах УТ-2.

Но началось наступление немцев на Сталинград, и группа самых отчаянных курсантов числом около полусотни попала в Тесницкие лагеря под Москвой и была зачислена в 198-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. «Ну что ж, не удалось летать, будем сбивать!» - шутили курсанты-летчики. В первых числах сентября 42-го дивизион, вооруженный лишь трехлинейными винтовками, оказался в составе 95-й стрелковой дивизии под Сталинградом.

Молодым бойцам выдали разом двойную норму «наркомовской» водки, а ребята ее не пивали. Впервые Федоров попробовал 100 граммов этого зелья с разрешения отца в день проводов на войну. А тут получили, считай, по целому стакану, и не выпить стыдно, солдат все же. Да многовато оказалось для Федорова, всю ночь его мучило с этой водки... После были такие бои, жизнь в таких нечеловеческих условиях, когда без водки невозможно было выжить.

Богата война непредсказуемыми событиями. Под Калачом-на-Дону немцы разбили 223-й зенитно-артиллерийский полк, он потерял материальную часть и почти весь личный состав, однако честь свою - зная - сберег. И под Сталинградом срочно приступил к формированию, получив зенитные пушки калибра 37 мм и крупнокалиберные зенитные пулеметы ДШК 12,7 мм. Проблема была с личным составом, требующим обучения.

Все решил случай. Один из комбатов 223-го зенитно-артиллерийского полка оказался в расположении 198-го дивизиона зенитчиков, вооруженных винтовками. Увидев петлицы авиаторов, он удивился, а как узнал, что ребята разбираются в зенитном прицеле, обрадовался находке. Через несколько часов приказом по фронту они были зачислены в 223-й этот полк. Рядовой Федоров - наводчиком пулемета ДШК.

Первое время полк охранял штаб фронта в районе Ахтубы, а через месяц был передислоцирован за Волгу. Зенитно-пулеметная рота, в которой находился Федоров, заняла позиции в пригороде Сталинграда, на станции Сарепта. Патронов с трассирующими пулями не было, невозможно было определить, куда идут пули. Эффективность такого огня невысока. Тем более что трехмоторные «юнкерсы» таскались на большой высоте, снабжая окруженную группировку Паулюса боеприпасами, продуктами, медикаментами и вывозя раненых.

На станции Сарепта наводчик Федоров в декабре 42-го сбил первый самолет. Только что получили патроны с трассирующими пулями, снарядили ими ленты, каждый третий патрон с трассером. В тот сумрачный и тусклый день стояла плотная и низкая облачность. Понимался гул «юнкерса», идет не высоко, но не видать. Федоров повел ствол по звуку, ожидая, не покажется ли в разрывах туч. Выскочила цель из-за тучи буквально в 300-350 метрах и оказалась точно в прицеле. Федоров дал длинную очередь и увидел, как трасса прошла левый и центральный моторы. «Юнкерс» задымил и потянулся к земле... За этот самолет наводчик Федоров получил первую медаль «За отвагу».

Памятным было стояние в Сарепте. Морозы доходили до 25 градусов, да еще с ветерком, а у солдат на ногах сапоги, на теле ватники, шинели. Спали в щели, прикрытой сверху от снега. Здесь Федоров обморозил руки и ноги.

Зато жаркими выдались для зенитчиков бои весной 43-го под Ростовом-на-Дону, в Батайске. Немцы были заинтересованы в уничтожении этой узловой железнодорожной станции, и полк поставили на ее охрану.

Военная специфика зенитчиков такова, что при налетах авиации они не могут прятаться, как другие, в укрытия, обязаны биться с самолетами врага, которые осыпают их бомбами. Налеты на Батайск длились по нескольку часов: за это время станцию обрабатывали от 100 до 300 самолетов, которые накатывались волнами. От взрывов земля ходила ходуном. Стволы от стрельбы раскалялись до такой степени, что пулемет терял боевые свойства, начиная «плевать». Напряжение нервов страшное.

Одного такого налета достаточно, чтоб сотню раз убитым быть, да, знать, родился Федоров в рубашке, если только в Батайске он пережил их шесть. Кто в этом аду оставался живым, тот после боя закопчен, как черт в адской кочегарке.

В таком бою Владимир Иванович не только не думал о смерти, но и себя не помнил. Пока бежишь к своему пулемету, успеваешь оценить обстановку, и нет даже мысли, что убьют, а уж когда упоры пулемета на плечах, тут уж про все на свете забываешь.

Здесь Федоров сбил второй самолет. «Какой ты молодец!» - похвалил он свой пулемет и в порыве погладил его благодарно по стволу. Но перекалившийся «молодец» так припек кожу, что на руке остался след ожога.

Расчет пулемета ДШК - три человека: командир, наводчик (первый номер) и заряжающий. Но нередко бывало в расчете по двое. А чтоб оборудовать пулеметную точку и щель к ней, требуется два куба земли вырыть. Зимой, кроме того, надо за ночь выдолбить землянку, одну на два расчета, а иногда - и на четыре. К примеру, под Мелитополем в октябре 43-го за десять дней боев без продвижения вперед сменили позиции раз восемь. Копали землю каждую ночь. День отстреляли, и снова на другое место. В Батайске, правда, точки были неглубокие, вода близко. И когда ахала бомба, то земля качалась под ногами.

27 марта немецкие самолеты долбили Батайск часа четыре. Отстреляв очередную ленту, Федоров перевел ствол пулемета в горизонтальное положение, перезарядили ленту и только направил ствол обратно в небо, как получил такой удар в голову, что даже сел. Правый глаз мгновенно залило кровью. К счастью, осколочное ранение оказалось легким, товарищи по расчету тут же сделали перевязку, и минут через десять Федоров снова встал за пулемет.

Около 16 часов дали отбой. Но нельзя сказать, что все затихло: возбуждение после такой драки держится еще несколько часов. Бойцам принесли обед и почту. Федорову вручили письмо из дома, от мамы. Как не обрадуешься весточке в такой момент. Но стал читать, а родительница пишет, что умерла бабушка (мать отца), умер дядя Николай (брат отца) и другой дядя Николай (муж отцовой сестры). Пережив сильное потрясение в бою, когда соседний расчет погиб от прямого попадания, когда сам чуть не залетел на тот свет, Володя разорвал письмо в клочки и бросил. Не было желания есть, не лез кусок в рот при таком состоянии. Болела голова, тошнило. Когда немного отошел, опомнился, принялся собирать обрывки материнского письма, но где там найдешь их. Так и не удалось прочесть то письмо полностью.

Обычно о налетах врага узнавали заранее. Какими-то таинственными каналами, как их называли солдаты, ОБС (одна баба сказала), информация доходила до передовой и почти всегда была безошибочной. Если общала ОБС, что 20-го будет налет, то действительно он приходился на этот день. С 27 по 30 марта налетов не было. Чистили оружие, готовили патроны: слегка-слегка протирали их масляной тряпочкой и набивали ленты. Первого апреля должны были сниматься на новое место дислокации. ОБС ничего не доносила, налетов не ожидалось, и 31-го под вечер комбат отпустил бойцов прогуляться по... городу. Остался только дежурный расчет: командир Щербина и наводчик Федоров. Надвигались сумерки, но небо было еще светлым. И вдруг идут самолеты, на высоте более тысячи метров, и не понять сразу: то ли немецкие «хейнкели», то ли наши «пешки».

Федоров дал пару трасс. Самолеты «молчат», свои ответили бы опознавательной ракетой. Для уверенности дал еще - «молчат». Ленту выпустил. Новую зарядил и принялся поливать по самолетам. Тут по ним ударила уже вся зенитная артиллерия. Первая волна зашла бомбить. Те, кто был в отлучке, мгновенно сбежались. Комбат и сам был в городе. Прихватил где-то велосипед, да влетел на нем в колючую проволоку, кувыркнулся через нее, ввалился на точку с пистолетом в руке, сам не свой и кричит: «Огонь! Огонь!»

Немцы повешали «фонарей», штук шесть, а они минут по пятнадцать горят, хоть книжку читай, ослепляют, цели не видно. Бой длился часа четыре с половиной и кончился за полночь. Но все расчеты остались живы. После отбоя Костя Михайлов взялся за баян. Жителей собралось человек около сотни, и часов до трех ночи, впотьмах, солдаты давали им концерт, пели песни. А утром полк снялся. Перебросили его на охрану аэродрома истребителей.

С середины 43-го Федоров стал командиром расчета, но стрелять самому приходилось по-прежнему часто. Хотели было направить его в офицерское училище, но уходить с передовой не пожелал.

Боевой путь 223-го зенитно-артиллерийского полка не был прямым и легким, и 23 февраля 1944 года, в самый день рождения Красной Армии полк вторично оказался под Перекопом, на знаменитом Крымском перешейке. К этому месту немцы пристрелялись отлично и каждые пять минут клали снаряд прямо в ворота Турецкого вала, через которые полку надобно было переправиться, пока не рассеялась ночная тьма. Но на немецкую педантичность нашлась русская смекалка. За четыре с половиной минуты солдаты успевали заровнять воронку

так, чтоб прогнать какую-то часть техники, людей. За полминуты до разрыва очередного снаряда движение перекрывалось, а после разрыва возобновлялось.

Позиции полку определили сразу за Турецким валом, недалеко от ворот: тут же принялись их оборудовать. Здесь из четырех полков зенитной артиллерии была сформирована 76-я зенитно-артиллерийская дивизия.

К той поре на счету Федорова было уже три сбитых самолета и уничтоженный экипаж немецких мотоциклистов.

Готовились к наступлению, и перед городом Армянском, хорошо укрепленном немцами, было сконцентрировано большое количество артиллерийских стволов. Авиация врага прилетала с бомбовой нагрузкой регулярно в одни и те же часы. С появлением зенитчиков ситуация

Расчет В. Федорова на позициях в Праге.

изменилась. 24 февраля в 10 часов утра прилетели шесть «фокке-вульфов-190», а восвояси убралось на одного меньше. За два дня зенитчики спустили на землю четыре истребителя: по одному в каждый налет. Но двух оставшихся асов сбить никак не удавалось, и они портили нервы вплоть до освобождения Севастополя, два с половиной месяца.

После эффективной работы зенитчиков немецкая артиллерия засекла их и сразу нанесла массированный артналет. На небольшой пятючок минут за 15 было обрушено сотни четыре снарядов. Расчеты укрылись в щелях, их забрасывало землей от взрывов, солдаты выбирались из засыпи, щель все более мелела, лица людей были серыми, и не только от земли...

Таких артналетов взвод пережил несколько, но потерь, к счастью, не было. Лишь вдребезги разбило пушку в первой батарее. Жили в землянке. Однажды после налета вернулись бойцы в свою фронтową квартиру, а в потолке зияет дыра: снаряд пробил перекрытие и ушел в землю, не разорвавшись. Несколько дней боялись в землянку войти, но потом вернулись и жили в ней до 8 апреля, пока не началось наступление.

Первый день наши орудия молотили по обороне врага часа четыре. Только после этого пошла пехота. Мощной была оборона у немцев перед Армянском. Какой-то десяток километров до Ишуни войска преодолевали с боями пять дней.

Но за Ишунью немцам было уже не за что зацепиться. Да и со стороны Сиваша начали наши войска обходить врага, и он стал отступать. «Хлыстанул аж до самого Севастополя», - говорит Федоров. Под Ишунью пулеметчики-зенитчики сели на свои машины-полторки и уже без боев двигались до Севастополя. Путь лежал через Крымскую степь, безводье. А колодцы оказались отравленными. Несколько человек умерло от этой воды. Был отдан приказ, запрещающий пить воду из колодцев. Изнемогали от жажды, повара не могли приготовить пищу, пока не привезли воду аж из-под Перекопа.

Начались тяжелые бои за Севастополь. Позиции зенитчиков находились над долиной Бельбек. Задача была одна: «срубить» с хвостов наших «илих» немецкие самолеты. Когда штурмовики Ил-2, обработав вражеские позиции, уходили домой, «фоккеры» атаковали их сзади. Здесь-то и обнаружились вновь те два самолета, которых не удалось сбить под Перекопом. Зенитчики узнали их по почерку. Достать их так и не смогли. Однажды ждали самолет на обратном курсе, охотились, а он прошел по долине у самой земли на огромной скорости, по нему и стрелять-то невозможно.

Вызывала почтение под Севастополем и точность немецких артиллеристов. Небольшая халатность опытного уже вояки Федорова едва не стоила ему тогда жизни. Рассматривал немецкие позиции в бинокль против солнца, нарушив правила маскировки. Немецкий наблюдатель засек блики оптики, и тут же на позицию расчета прилетели три снаряда.

Иван Попов как-то ночью, завернув самокрутку толстенную, как гильзу, сидел на позиции и беспечно курил. Предупредили, что засечет его немец по огоньку сигарки. Не поверил вятский парень. А немец тут же, как по заказу, вплепил три снаряда. Осколком сорвало с Попова пилотку, срезало кожу на голове. Чуть на тот свет не отправился вятч. Война не прощает оплошностей и ротозейства ни солдату, ни генералу. Но и риск становится на войне делом привычки.

Что мы ленивы и нелюбопытны, А. С. Пушкин воскликнул в запальчивости. Да только с той поры закрепилась за русским человеком эта характеристика. Но именно из любопытства - поглядеть, как немцы жили - решил Федоров в третий день наступления под Армянском побывать в немецких окопах, откуда пехота уже выбила врага. Перед окопами на поверхности земли лежали мины, между собою они были соединены проводками. Стоит задеть такой проводок, и - взрыв. В солдатском обиходе эти мины называли «лягушками». Федоров не захотел искать проходы в минном поле, а, повесив автомат на грудь, отправился напрямик.

Осторожно ступая между проводками, он благополучно миновал роковое место, вышел к оборонительным сооружениям. И тут из немецкого крытого окопа послышался стон. Федоров изготавился к встрече с врагом, но оказалось, что в окоп заполз наш пехотинец, раненый в бою. У него была перебита нога выше колена. Он просил пить, Но воды у Федорова не было. Он выволок солдата на бруствер, взвалил раненого на спину и потащил. Донес до минного поля. Одному да с осторожностью пройти днем пара пустяков, а вдвоем... Малейшая оплошность - отправятся на тот свет. Солдат замолчал.

Каких-то десять саженей переступал с ним Федоров через проводочки, натянутые от мины к мине, а пот холодный катился со лба, как горох.

Пехота оставляла убитых либо позади, либо впереди, когда атака бывала неудачной. Федоров вышел с бойцом прямехонько на солдат из похоронной команды, которые подбирали трупы. Просит их: «Спасайте, братья славяне, раненого!» Похоронщики положили того на волюшу и повезли в санбат.

Довелось Федорову на фронте повидать смертей, даже к этому привы-

кает человек. Но невыносимо тяжело бывало на душе, когда случалось увидеть после боя мертвых девушек. Валяется на земле убитая, изуродованная русская девушка с рассыпавшимися волосами: чья-то дочь, невеста, которой не суждено стать ни женой, ни матерью. Как такое забыть?!

На войне смерть ближе рубашки. Может быть, потому и:

Жить без пищи можно сутки,

Можно больше, но порой

На войне одной минутки

Не прожить без прибаутки,

Шутки самой немудрой...

Поэмой А.Твардовского «Василий Теркин» зачитывались, знали наизусть. Теркин очень помогал воевать, а его автор имел среди солдат огромное уважение.

Взводу повезло, что всю войну был свой гармонист. Костя Михайлов, который игрой и песнями снимал напряжение, разгонял тоску и усталость, дух уныния, поднимал настроение.

5 мая под Севастополем началась артподготовка. Первый день по обороне противника сыпали «катюши». На второй день пошла авиация. Тут и Федорову с товарищами пришлось поработать: 36 лент расстрелял он по «фокке-вульфам», атакующим наши «илы».

7 мая «угощать» немцев принялась артиллерия и била до полудня. Казалось, живого места не должно остаться за три дня от разрывов снарядов и бомб. Но едва поднялись батальоны пехоты, обреченные немцы оказали яростное и жестокое сопротивление. Особенно у Сапун-Горы полегло много наших бойцов. Но остановить войска было уже невозможно. Очистили Севастополь быстро, немцев сбросили на Херсонесскую косу. И ни одной их барже не дали приблизиться. Был предъявлен ультиматум, и фашисты сдались со множеством вооружения и техники.

В освобожденном городе дали такой салют, который, вспоминает Федоров, не может сравнить даже с победным. Всю ночь над Севастополем висела огненная шапка. Это был солдатский салют. Свой автомат Федоров берег, но из немецкой винтовки за ночь рассобачил целый ящик трофейных трассирующих патронов.

Из Севастополя передислоцировались в Бахчисарай, на охрану железнодорожной станции, командование опасалось ночных налетов. Но их не было. Солдаты сразу оказались в глубоком тылу и месяц жили, как на курорте. Впервые за войну Федоров разделся до нижнего белья

и лег спать по-человечески. Ведь на войне выматывались так, что порой на битых кирпичах спали, как на перине. А тут... блаженство такое, что словами не выразить.

В Крыму бойцы получили вместо махорки листовой табак Дюбек. Резали его и курили. После махры - душа отрывается.

Брились солдаты и зимой и тем более летом. У Владимира Федорова имелась опасная бритва, подарок отца. Он пронес ее через всю войну. Многих солдат она побрила и до сих пор хранится как дорогая память о тех днях.

В Бахчисарае состоялся даже культпоход в ханский дворец-музей, сотрудники которого сумели поспрятать и сохранить экспонаты во время немецкой оккупации.

После освобождения Крыма началось, по приказу Сталина, массовое выселение татар. Сейчас депортация крымских татар расценивается как преступление тоталитарного режима. Судить прошлое очень легко, труднее в нем разобраться. В те дни солдаты акцию по выселению татар за их пособничество немцам воспринимали как меру законную и необходимую. Конечно, бойцы не знали агентурных данных, послуживших основанием для выселения, но отравление воды местным населением при наступлении наших войск - испытали на себе.

Занимались выселением оперативные группы НКГБ, к которым была привлечена и некоторая часть бойцов зенитного полка, использовался автотранспорт зенитчиков. Переселенцев свозили на сборные пункты, здесь грузили в товарняки и отправляли за пределы Крыма.

Из Бахчисарая полк перебросили в Житомир, где в течение месяца он пополнялся, отдыхал, обучался. А затем в составе 4-го Украинского фронта воевал в Западной Украине, Венгрии, Польше, Германии, Чехословакии. Позиционные действия по прикрытию объектов сменились на непосредственное сопровождение наступающих войск, теперь полк постоянно находился на острие удара пехоты или танковых ударных группировок.

За бои по освобождению польского города Горлице полку было присвоено наименование Горлицкого; за освобождение города Бельско полк награжден орденом Боевого Красного Знамени. За овладение городами Богумин, Фриштадт, Скочув, Чадца, Великая Битча полк награжден орденом Кутузова III степени. Трижды 76-я Перекопская зенитно-артиллерийская дивизия с боями пересекала Карпатский хребет. Самолетов теперь сбивали мало, немецкая авиация все реже появлялась в воздухе, помогали пехоте, танкам, артиллерии.

Недалеко от Бельско пехоту остановил сильный артиллерийский огонь. В небольшом селении на деревянной колокольне засел немецкий корректировщик. Как его уничтожить? Полевой артиллерии нет. По ложине подтянули к селению пару малокалиберных зенитных пушек и два расчета установленных на машинах крупнокалиберных пулеметов, командирами которых были друзья Вениамин Ломакин и Владимир Федоров. Теперь надо было из зарослей стремительно выдвинуться на открытое место, сделать разворот и в течение 40-45 секунд уничтожить наблюдателя огнем пушек, не отцепляя их от машин и пулеметов. Операция удалась. Колокольню срезали, она загорелась. А без корректировщика батарея становится «слепой» и ничего не может.

Под польским городом Струминем немцы, собрав небольшой бронированный кулак, 12 февраля 1945 года ударили во фланг наступающей колонны, которую зенитчики прикрывали. Когда «Фердинанды» обстреляли колонну, командир пулеметного расчета Федоров выскочил из машины, отбежал метров полсотни вперед, чтоб разобраться в обстановке, глянуть, что там происходит. В этот момент в его машину угодил снаряд, взрывом снесло боковой и задний борта, Шайкену Мустагелянову оторвало ногу возле бедра. В полевой госпиталь его доставили быстро, но спасти не удалось, умер, не приходя в сознание. Тогда вспомнилось Федорову, как три месяца назад, в ноябре 44-го, Шайкен сказал, что ему приснились часы. И проговорил с обреченностью, что не дожить ему до конца войны, сон нехороший, к смерти. И вот нашла она его за три месяца до Победы. Горевал взвод по этому спокойному, обстоятельному и хозяйственному человеку. На 27 году оборвалась его жизнь.

В том бою ранило шофера, ранило осколком и Вениамина Ломакина. А незадолго перед тем, 21 января 45-го, под Кросно, в Федорова едва не угодила пуля снайпера, спас комок мерзлой земли на бруствере, от которого пуля срикошетила. Этот же снайпер ранил командира взвода Александра Куликова, к счастью, легко.

Сколько раз косящая рука смерти тянулась к Федорову. Но везло ему. В Крыму, под Ишунью, поручили донесение отнести в полк. Пошел Федоров и в дороге слышит, как «заржал» по-ишачинному шестиствольный немецкий миномет. Слышит, на него, вроде, идут, навесные «гостинцы». Лег на бугорок. В такой ситуации, говорит Владимир Иванович, солдату надо тысячную долю секунды, чтобы оценить обстановку. Первый разрыв метрах в двадцати. В эту воронку Федоров попластунски юркнул быстрее ящерицы. Взрывы слева, взрывы справа. Из воронки оглянулся, а бугорка того и в помине нет.

Был случай, когда жизнь спас мешок с трофейной кожей. Разгромили немецкий обоз. А у Федорова сапог не было. Он и прихватил этот мешок, надеясь заказать обутку полковому сапожнику. И тут сзади разорвались две мины. Крупный осколок сбил Федорова с ног, но застрял в мешке с кожей.

А закончилась война для Федорова в Праге. Самый памятный день великой кампании был 8 мая 1945 года. Находились в 30-40 километрах от Праги. Сопровождали танкистов. На полуторке с закрепленным пулеметом ДШК приехали с замначштаба Бутушанским в штаб танкистов. Картина такая: все люки у танков распахнуты, и в них набились солдаты, как блохи в собаку. Федоров дивился, не понятно, что происходит. Но тут капитан Бутушанский выскочил из штаба, как пуля из ствола, и говорит, что по радиии открытым текстом передали: завтра немцы подпишут капитуляцию и будет объявлена победа.

Шофер Иван Гугочкин, сибиряк, погнал машину обратно в полк. Сообщили радостную весть. Что тут началось... Победа! Живы!

А на другой день около полудня вошли в освобожденную Прагу. Чехи встречали освободителей, как дорогих родственников, приходилось буквально продираться через ликующие толпы людей. Радости, объятьям и поцелуям, угощению не было никакого предела.

В 17 часов полк выстроился на берегу Влтавы и дал залп из всех огневых средств. Салютовали Победе. Это был последний боевой залп. По дорогам войны 76-ая Перекопская зенитно-артиллерийская дивизия отмахала 3287 км, начав боевой путь в Крыму, а 223-й полк и того больше.

В конце дня расчеты Владимира Федорова и Вениамина Ломакина затащил в гости немолодой чех. Он поднес победителям по рюмке-другой водки, сам выпил и неожиданно запел: «Ревела буря, дождь шумел, во мраке молнии летали...» Бойцы изумились, откуда чех знает песню о Ермаке. Оказалось, что в первую мировую этот человек был в русском плену. Солдаты подпели ему с удовольствием.

За боевые заслуги в Великой Отечественной войне Владимир Федоров был награжден двумя медалями «За отвагу», орденом Славы III степени, орденом Великой Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», чехословацкой «Дукельской памятной медалью», «За победу над Германией», значком «Отличник ПВО» и как комсорт роты - грамотой ЦК ВЛКСМ.

Но самой почетной наградой стало то, что старший сержант Федоров в составе трех человек от дивизии был направлен в Москву для участия в

Параде Победы на Красной площади, который состоялся 24 июня 1945 года.

Параду предшествовали дней двадцать муштры в знойной Москве, ноги в сапогах горели. За это время каждому участнику пошили индивидуальную форму. 24 июня подняли в 4 часа утра и в касках, с карабинами отправились пешком до Красной площади. Шел дождь, но улицы были запружены народом. Девчата, как с ума посходили - бросались к победителям целоваться.

Построились войска на Красной площади. Ровно в 10 часов из ворот Спасской башни выехал на белом коне легендарный маршал Г. К. Жуков. Трепет прошел. Командовал парадом маршал К. К. Рокоссовский, тоже на коне, но темной масти. Встретились они на середине площади. После доклада К. К. Рокоссовского, объехав войска, Г. К. Жуков спешился и поднялся на трибуну Мавзолея. Подали команду на прохождение. Видел Федоров и Сталина. Но что там разглядишь, шагая в столь ответственном строю, когда надо видеть грудь четвертого человека, чтоб держать равнение. Запомнилась только седина сталинских волос.

Следующий день был отдан участникам парада на отдых. И к Федорову пришла одноклассница Лелька Лоцман, с которой переписывались всю войну, она училась в Москве в нефтяном институте. Этот день они гуляли по столице и говорили, говорили, вспоминали.

Когда началась война, Володя Федоров был уверен, что дальше Смоленска немец не пройдет. Что победа будет скорой, думал не он один. Их школьный класс оказался счастливым: из семи парней только Юрий Кочергин погиб, будучи летчиком; двое вернулись инвалидами, трое здоровыми. Один лишь не был на фронте из-за слабого зрения. Федорову, как считает он сам, безумно повезло: прошел войну и остался в живых. Кто знает, как бы все обернулось, не попади он в зенитчики? Ведь 95-я стрелковая дивизия, в которой он был поначалу, почитай вся полегла под Сталинградом. Что интересно, в нем постоянно гнездилась уверенность, что не убьют. Уже в Польше одна старушка, в хате которой остановились на ночлег, поведала ему, что будет жить до 90 лет.

В 23 часа 25 июня участники Парада сели в поезд и отправились обратно в свои части. Демобилизовали старшину Федорова лишь в апреле 1947 года.

Паровозоремонтный завод, на котором работал отец Федорова, был в начале войны из Мичуринска эвакуирован в Пермь. Сюда и приехал демобилизованный.

Семья занимала комнату в общежитии. Владимир Иванович оказался здесь пятым. Совсем тесно стало, пришлось ютиться, как на передовой. А у него 23-летнего парня, энергии было, хоть отбавляй. В косогоре, по соседству, вырыл землянку, оборудовал, обустроил и лето жил в ней.

Если б судьбу, какая выпала в войну людям всех возрастов и профессий, сложить в одну зримую и охватную для человека картину жизни, то увидевший эту картину, наверное бы, сошел от ужаса с ума. Цена Победы оказалась невероятной - миллионы убитых отборных парней со всей России. Представить невозможно, как гибель их подорвала потенциал нации.

В 1948 году Владимира Федорова пригласили в управление МГБ, побеседовали, предложили работу в розыске. Согласился. Работа оказалась продолжением войны, ибо занимался Владимир Иванович розыском изменников Родины, лиц, прошедших обучение в разведшколах немецкой армии, военных преступников: старост, полицаев, расстрельщиков в немецких лагерях для военнопленных. В нашем крае во время войны немало осело таких людей: поменяв фамилии, придумав новые биографии, чтоб уйти от возмездия, они работали среди лесников, шахтеров.

Немцы из числа наших военнопленных вербовали кадры в разведшколы, готовили диверсионно-разведывательные тройки, забрасывали их на советскую территорию. Зачастую эти ребята сдавались с надеждой на помилование, иногда убивая в тройке того, кто сдаваться своим не хотел.

На сдавшихся диверсантов заводили следственные дела, подробно допрашивая, где, в какой разведшколе учился, с кем, когда и куда был заброшен, что знает о других. Фиксировались все полученные от них сведения.

Но и в разведшколах курсанты обучались не под своими фамилиями, именами, а только под кличками. От заброшенных и сдавшихся контрразведка узнавала клички других готовящихся к заброске, их приемы, особенности.

Те, кого контрразведка не нашла, числились и после войны в розыске по всему Союзу. Вот таких семь дел и дали Федорову. Искать предстояло, зацепившись за минимум данных. Это была кропотливая, нелегкая работа, вести которую приходилось попутно с основной оперативно-розыскной деятельностью. А «сверху» требовали результатов.

Владимир Иванович «перелопатил» много дел, составляя картотеку установочных данных на каждого упоминаемого в делах агента, выискивая своих. Его картотека содержала сведения на 300-400 человек,

к нему обращались с запросами из других областей. Нередко бывало так, что на поиски агента по кличке затрачивали годы, находили, а он, оказывается, сдался сразу после заброски, дело было заведено на его подлинную фамилию, он отбыл наказание и чист. Владимир Иванович тоже слал запросы в другие области. Разыскал пятерых бывших агентов, живых и здравствующих, но отбывших наказание.

В те годы довелось Федорову поколесить по районам области, особенно, когда в 1954 году были ликвидированы районные органы госбезопасности. Дай бог, десяток суток проводил в семье и вновь отправлялся то в Добрянку, то в Чермоз, Ильинское, Карагай, Осу, Елово, Барду.

За последние годы много вылило помоев на работников госбезопасности, сетует с горечью Владимир Иванович, но лично его никогда никто не принуждал врать в делах, заниматься фабрикациями. Ответчик ли он и ему подобные за дела НКВД - исполнителя репрессивной воли партбольшевистской верхушки? От него требовали одного - безукоризненной работы. Присяге он был верен и всегда разбирался, чтобы государству не был нанесен ущерб, чтобы человек не пострадал невинно.

Порой приходилось заниматься делами мелочными и неприятными. Сколько раз довелось разгрести такую грязь, как ложные доносы, оговоры. Бывали просто курьезные случаи. К примеру, такой вот помнится. Поступило анонимное письмо, в котором сообщалось, что бухгалтер одного леспромхоза занимается шпионажем, а в прошлом был активным белогвардейцем. Поручили Федорову провести розыск, который вывел его на автора письма - жительницу Кировской области. Глубоко уязвленная тем, что ее возлюбленный выбрал в жены другую, молодую, женщина хотела таким образом отомстить ему, никак не ожидая, что ее разыщут. Ну вызвали перепуганную грамотную интриганку в органы, побеседовали, да тем и дело кончилось. А случись подобное в злополучные 30-е годы, может автора письма никто искать не стал, а бедному бухгалтеру, наверное, не посчастливилось бы. На что она, человек времени, видимо, и рассчитывала.

Майор в отставке Владимир Иванович Федоров разменял в 1993 году восьмой десяток лет, но, к счастью, бодр, энергичен. Хотя ранение в голову напомнило о себе инвалидностью второй группы. В домашнем хозяйстве - мастер на все руки. С супругой Анной Николаевной - человеком прекрасной души - они всю жизнь прожили в двухкомнатной квартире в *Смоленской области. В Красной Армии с 23 июня 1941 года. Победу*

натной квартире на одной из улиц Мотовилихи. Когда въехали в нее, на кухне стояла печь. На четвертый этаж дрова таскали, чтобы пищу приготовить, титан в ванной нагреть. Позже обзавелись примусом, керогазом, а в 68-ом в доме установили газовые плиты. Теперь дом состарился вместе со своими обитателями и его, как людей, мучают недомогания и хвори.

Летом супруги Федоровы живут в деревне, занимаются огородом. Владимир Иванович любит порыбачить, покопаться в земле. К ней у него отношение особое, земля для него больше, чем кормилица. Полвека прошло, а живы в его памяти слова военного старшины Аношкина, что был родом из Подольска: «Учтите, славяне, земля вас спасает! Если вы будете к ней варварски относиться, она вас предаст!». Федоров знает, что это истина, выверенная кровавым опытом войны, и потому не переносит, если кто-то обращается с землей небрежно, безжалостно. А сейчас таких людей полно развелось в матушке-России даже среди крестьян.

Если Владимир Иванович увидит в небе клин пролетающих журавлей, то переживает трепетное состояние. И тогда звучит в его душе песня:

Летит, летит по небу клин усталый,
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня...

Федоров считает, что это не просто песня, это реквием, который надо исполнять над каждым уходящим из жизни ветераном Великой Отечественной. Слова-то какие - Великая Отечественная!

ГЛАВНЫЙ САЛЮТ

Леонид Никитич Харченков родился в 1922 году в Смоленской области. В Красной Армии с 23 июня 1941 года. Победу встретил в Кенигсберге. Участник Парада Победы 1945 года. В органах госбезопасности прослужил с 1946 по 1960 год. Уволился с должности начальника отдела в звании майора, после чего еще 30 лет проработал в народном хозяйстве. Все это время занимался активной общественной работой, в том числе по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

...Ленька проснулся от укола в глаз тоненького солнечного лучика, пробившегося сквозь дырявую крышу сарая. Открыв глаза, он увидел десятка два таких лучиков, пронзавших в разных направлениях густой воздух сеновала, и подумал, что с такой крышей, как ни ложись, утреннее солнышко достанет в любом углу... Где-то под ним звонко били о стенки подойника струйки молока - мама уже добралась до Милки - флегматичной однорогой коровы. Батя за этот рог в прошлом году торговал целых тридцать копеек, и Милка обошлась семье всего в шесть с полтиной, хотя доилась прекрасно. Денька представил здоровенную кружку с милкиным молоком, ломоть хлеба и настроение сразу улучшилось...

Спустя мгновение Ленька - политрук разведроты Леонид Харченков - скатился под нары, и через пару секунд вой приближающегося снаряда завершился ударом близкого взрыва. Сбрякали котелки, отовсюду посыпался песок, жаркий воздух блиндажа наполнился пылью. - Однако, рядом! - пробасил сибиряк Саша Баринов. - Плакал наш завтрак, - подхватил Шилкин.

Больше вопрос не обсуждался - всем и так было ясно, что снаряд угодила где-то в районе полковой кухни. «Какой сон испоганили, твари!» - подумал Ленька, но вслух ничего не сказал. Остальные обитатели блиндажа и не пытались укрыться - разведка строила свои укрытия на славу, и только прямое попадание немецкого крупнокалиберного могло их там достать. Ну, а этого тоже не боялись - экономя силы, яму под блиндаж рыли в самой большой воронке. А как водится, в одну и ту же воронку снаряд...

Скоро полтора месяца как педантичный фашист начинал свой плановый обстрел нашего «передка» ровно в 5.45 утра.

- Побудка началась; - смеялись бойцы. Впрочем, невесело смеялись: были еще и «обедня» в 13.30, и «вечерняя поверка» в 22.40. Редкий день эти обстрелы уносили чью-нибудь жизнь, но приятного мало. Потому давно все существование в районе смоленской деревеньки с грозным названием Марс была приспособлена под этот мрачный график.

Недовольный собой, Харченков вылез из-под нар, сердито отряхивая одежду от песка. Негоже прятаться неизвестно от чего, когда тебе целых девятнадцать лет, из которых ты почти год, как младший политрук Красной Армии! Украдкой выглядывая сквозь сумрак блиндажа усмешки бойцов, Ленька не спеша начал обуваться. Усмешек не наблюдалось - с кем не бывает! Все в роте знали, что первого врага их политрук увидел на второй день войны, когда колонну безоружных деревенских пареньков первого военного призыва встретил немецкий десант с кучкой местных предателей. Тогда десяток откормленных рослых иностранцев, весело гогоча «великодушно» постреляли в воздух, и хозяйским тоном приказали «войску» расходиться по домам. Большинство призывников так и сделали... До сих пор, ослепленный унижением того дня. Денька иногда скрипел зубами и украдкой кусал бушлат от ненависти к фашистам... и самому себе...

Посмотрев на трофейные швейцарские часы со светящимся циферблатом, Харченков подсчитал, что до конца обстрела осталось два-три взрыва. Так и есть - ровно в 6.05 «музыка» затихла. Вырвавшись на свежий утренний воздух, слегка отравленный снарядной гарью, Ленька зажмурился от низких утренних лучей. «Совсем, как во сне» - подумалось ему. В этот момент и попался на глаза ефрейтор Казаков - кубанский казачок, служивший посыльным при штабе дивизии, спешивший со стороны деревни в расположение роты. Один за другим выполнявшие из блиндажа бойцы столбенели от удивления - уже очень давно ни штаб полка, ни, тем более, дивизии не гоняли людей на передовую во время обстрела. Не иначе, что-то очень важное приключилось!

- Балашова и Харченкова срочно в штаб дивизии, - не доходя тридцати шагов, бледный, как мел, Казаков плюхнулся прямо на землю, жадно

хватая ртом воздух. За эти полтора месяца в районе штаба дивизии не упало ни одного снаряда или бомбы, поэтому разведчики живо представили, каково было ефрейтору в чистом поле несколько минут назад.

Ленька метнулся обратно в блиндаж за полевой сумкой и автоматом, а когда тут же вынырнул обратно, у входа, нетерпеливо поглядывая на часы, топтался умытый, побритый, подшитый и начищенный капитан Балашов.

В октябре сорок первого под Москвой Харченков и Балашов - такой же необстрелянный, но кадровый молодой лейтенант вместе принимали разведроту. Балашов был старше Харченкова всего на два года, и, хотя все их считали большими друзьями, для Леньки Балашов всегда был Командиром. Со студенческих лет и ранее, в своей комсомольской юности Харченков привык быть заводилой у сверстников. И здесь, для своих бойцов он тоже был настоящим командиром, но Балашов в каких-то неприемных мелочах всегда чуточку опережал Леонида. Вот и сейчас, именно в это утро Балашов проснулся и привел себя в порядок до «побудки», и наверняка уже успел проверить посты и все прочее немудрящее хозяйство разведроты.

Через полтора часа Ленька, волнуясь в ожидании чего-то необычного, стоя навтыжку перед НШ дивизии полковником Клемахиным, слушал четкий и бесстрастный доклад Балашова об их прибытии и, в очередной раз, завидовал его спокойствию и выдержке. В штабе дивизии, несмотря на длительное затишье, шла какая-то напряженная работа. «Неужели наступление?» - мелькнула мысль, тут же пресеченная приглашением Клемахина к его столу...

Заканчивался первый год войны. Никто на свете не знал, сколько их еще будет впереди. Кошмар того, что уже успело произойти, до сих пор не укладывался в ленькиной голове. Давно прошла эйфория от зимнего наступления под Москвой. Сколько бойцов потерял полк за этот год, а они практически не покидали родной Смоленщины. В полосе обороны ленькиной дивизии прямо напротив передовой его полка в руках у фрицев находилась станция Занозная.

- Заноза - она и есть заноза, - досадовали все - от кухонного ездоного, до комдива генерала Прокофьева: через эту станцию проходили все гитлеровские эшелоны. Но между передовыми тощей кишкой пролегло огромное непроходимое шестидесятикилометровое болото...

-... По агентурным данным, на Занозной дислоцируется штаб инженерной службы Группы армий «Центр», - голос Клемахина

приблизился к той черте, за которой, обычно, следует ПРИКАЗ.

- Задача! Захватить «языка» из числа офицеров, максимально приближенных к руководству штаба. Срок на подготовку - неделя, на выполнение задачи - четыре дня. Обоим принять личное участие в операции! Детали - у командира полка. Вопросы есть?

- Никак нет! - Балашов ответил почти мгновенно.

- Плохо, что нет! - Клемахин устало вдохнул. - Присядьте, ребята.

Только сейчас Харченков обратил внимание на осунувшееся лицо НШ, покрасневшие от бессонной ночи глаза.

- Часовые вокруг станции стоят на прямой видимости. На той стороне от самого болота до насыпи летчики насчитали до восьми траншей с фашистами. Потому-то вас с политруком сюда и позвал, что у меня у самого сплошные вопросы. - Клемахин отбросил карандаш и достал папиросу. - Разрешите выполнять? - поднялся со стула Балашов.

НШ хотел что-то ответить, но, внимательно посмотрев на разведчиков, только махнул рукой.

Трое суток рота утюжила болото в поисках прохода на ту сторону. За это время смогли углубиться только на пару километров. И то большую часть пути пришлось гатить. Ну, еще пару пройти можно, а дальше? Последние три - три с половиной километра укладывать лес на глазах у фрицев?

- Не стреляйте, Гансы дорогие, дайте до вас добраться! - прорняло даже невозмутимого командира. Обломок карандаша в повисшей тишине скатился с карты и ударился об пол в избе бабки Пелагеи.

- Ты чего имушество портишь, сынок? - кряхтя, старуха подняла обломок, - тебе, штоль, на ту сторону надо? Так ты Митрича с Засекино попытай! Он до войны кажну субботу через тое болото в Занозу за водкой бегал! - бабка зашаркала в свой угол.

В деревне, куда тоже иногда долетали фашистские снаряды, никто из полка не жил. Зато всякий командир норовил приспособить уцелевшие домишки под свой штаб. Крайний дом бабки Пелагеи делили комбат-1 и Балашов. Сама она, пока у нее ругались, курили, ели, пили - в общем, работали военные, часами сидела в своем углу, безучастная ко всему происходящему. И только изредка выбиралась, чтобы смести или подобрать какой-нибудь мусор. Большинство из посетителей ее дома даже не слышали голос хозяйки.

- Ну, ты, мать, даешь! - протянул командир второго взвода Саша Белобокин, - что же ты раньше молчала?

Старуха уселась в свой угол, не удостоив Сашу ответом.

Балашов поморщился от досады.

- Разведка! Всем ведь известно, ни в Марсе, ни в Засекино магази-

нов не было. За всяким товаром народ в район ездил. А русский мужик к водке всегда самую короткую дорогу найдет! Леонид, собирай делегацию к Митричу!

Через три часа Митрич - такого же неопределенного, как и бабка Пелагея возраста, дедок деловито топтался вдоль болота, весело матюгая фашистов. Было от чего повеселеть. Харченков без труда нашел Митрича в последней уцелевшей хате Засекино в единственной рваной рубашке без пуговиц, портках и лаптях на босу ногу, высохшим от голода. Теперь же дед, обутый и одетый в новехонькое солдатское обмундирование, сыто бормотал:

- Это ж надо ж - селедка! Вот имя-то чудное... А-а-а! Вот от этой рогатки я туда и топал!

Ленька, все еще не веря в удачу, поставил на карте жирную красную точку... Еще через два часа маршрут, начинавшийся от этой точки, был нанесен на карту дерганой красной кривой, оканчивающейся на вражеском берегу в нужном месте...

Полуденное солнце успело раскалить влажный болотный воздух. Терзавшее с утра комарье попряталось в тень, но ему на смену пришли полчища паутов и слепней, ежесекундно садившихся на мокрых, сверху - от пота, а снизу от болотной жижи, семерых бойцов. «Побудка» одиннадцатого июня застала их далеко от своего берега, но лишь спустя шесть часов группа добралась до твердой земли под соснячком, которая, как и обещал Митрич, в этом месте начиналась в километре от вражеского берега.

- Богато живут, сволочи! - восьмипудовая фигура Васи Зубкова, выросшего на воронежских хлебах, бесшумно перетекла из кустов к Балашову, разглядывавшему свежие коробки из-под печенья, консервные банки и бутылки с надписями на чужом языке.

Командир укоризненно посмотрел на богатыря. Васе многое прощалось в роте - по части добывания, а самое главное, доставке «языка» ему не было равных. С осени сорок первого, не один фриц прокатился на могучих васиных плечах в знаменитом грязном матрасе, сейчас плотно свернутым у него за спиной. При своем гигантском росте Зубков мог, как медведь, совершенно бесшумно скрадывать добычу. Но сейчас болтовня, даже вполголоса, могла закончиться пулеметной очередью гитлеровского секрета.

Вслушиваясь сквозь звон мухоты в звуки близкой станции, разведчики медленно продвигались вдоль узкой полоски твердой земли все ближе и ближе к врагу. Увешанные всевозможным стреляющим, рвущим, режущим железом, одетые в одинаковую форму без знаков различия, они безмолвной тенью скользили от куста к дере-

ву так, что ни одна из весело щебечущих птах не отозвалась тревожным вспорхом на звук треснувшего сучка.

Слева шла группа прикрытия, возглавляемая Харченковым. Вперед он выслал забайкальского таежника Шилкина. Парень, как потомственный промысловик-охотник, не только снайперски бил из своего карабина, но и как никто другой мог издалека обнаружить невидимого человека. Говорит, что по запаху! Врет, наверное. А, впрочем, кто его знает? На войне всякое возможно!

Позади себя Ленька, не слышал - чувствовал неотступный шаг пулеметчика Цыганкова. Зрелый мужик-мастеровой, типичный горожанин, отец троих дочерей Цыганков относился к каждому выходу за «языком», как токарь-лекальщик к изготовлению несложной детали - спокойно, деловито, без единого лишнего движения или слова. Ленька помнил, как Цыганков на своем первом выходе за линию фронта как-то совсем по-будничному ударом финки снял часового, а затем в одиночку выверенными пулеметными очередями сдерживал целую орду галдящих и стреляющих во все стороны гитлеровцев.

К вечеру группа, рыщущая по краю леса в поисках подхода к станции, уперлась в еле приметную лесную дорогу. Балашов вопросительно посмотрел на Баринова - тоже прекрасного следопыта-таежника, тот утвердительно кивнул: дорога, по которой, видимо, до войны жители Занозной ездили на лесные покосы, использовалась не далее, как сегодня утром. Словно, в подтверждение этому, из глубины леса раздался храп лошади. Бойцы мгновенно растворились в кустах...

Из-за поворота показалась подвода. Четыре, явно тылового вида, фрица дремали на лопатах, как попало сваленных на дне телеги. Топот лошади скрадывался густым ковром молодой июньской травы. Карабины, сваленные вперемежку с лопатами, свидетельствовали о том, что пассажиры подводы имели самое отдаленное отношение к строевой службе и не ожидали никакой опасности ни со стороны леса, ни со стороны болота.

- Всем - внимание! - из самого ближнего к дороге куста на секунду в немом приказе показалась поднятая рука Балашова

- Рассредоточиться! - рука описала в воздухе энергичный круг. В этот момент из дальнего конца березовой галереи послышались звуки губной гармошки, и показалась вторая подвода. На третьей помимо «тыловики» сидели два немца в касках с автоматами на шее - охрана! Вместо четвертой телеги через минуту-другую выкатил черный фаэтон, влекомый рослым мощным жеребцом. Последний нервно вскидывал голову и всхрапывал. «Почуял!» подумалось Леньке. Нет. Судя по сонному виду ездового, он привык к таким фокусам коня. Пассажирами

фаэтона оказались здоровенный пузатый немец лет пятидесяти с огромной шарообразной головой, в дорогом мундире с замысловатыми погонами и молодой щуплый офицерик - полная противоположность соседа - по-видимому, вестовой.

«Генерал! Ей-богу, генерал?» - Ленькино сердце готово было выпрыгнуть из груди, - «Ну что же ты, командир!» - Ленька чувствовал, как выросло напряжение в окрестных кустах, представил, как Зубков с развернутым матрасом приготовился прыгнуть на фаэтон, как другие бойцы разобрали цели...

Красная потная рожа «генерала», сдувающая комаров, медленно проплыла мимо последнего бойца группы. За фаэтоном с интервалом в одну-полторы минуты проскрипели еще три подводы с немецкими саперами и пехотинцами. Потом все стихло...

- Так, политрук, - голос Балашова был тих, но тверд. - Жирного будем брать завтра вечером! Если не появится - то у нас будет еще два дня. Но он появится!

- Появится! - уверенно подтвердил Баринов. Он, как и Балашов, успел разглядеть, что и до сегодняшнего дня дорогой пользовался тот же набор повозок. А главное - фаэтон. Следы его резиновых протекторов отпечатались на траве, по меньшей мере, шесть раз. - Ждем!

В начале девятого следующего утра вид черного фаэтона с «генералом» отозвался в ленкиной душе таким восторгом, что он на некоторое время отвлекся от своей главной задачи - сидя на дереве почти над дорогой, сосчитать всех до единого немцев и учесть все их вооружение. Еще сутки назад, когда Ленька с товарищами только начал углубляться в болото, он с пронзительной ясностью осознал, что если они не добудут нужного «языка», никто из них не вернется живым в родной полк. Догадка пришла после того, как их вышел провожать сам командир полка Бастрыкин и, вручив Харченкову две пары красных и зеленых патронов к ракетнице, выдохнул:

- Сынки! Будете возвращаться с немцем, если будет жарко - красная и зеленая - всей дивизией поддержим!

«Всей дивизией! Вот для этого ты, брат Ленька, и родился. И жил, и учился, и воевал. Нет тебе дороги назад без «языка!»» Ленька это понял не сразу. И никто не понял. Разве что - Балашов. И еще - Гусев. Гусев - давний напарник Васи Зубкова, немного ниже его и старше лет на семь, в разведроту попал рядовым прямо из кремлевской комендатуры, где успел дослужиться до капитана. Никто его не спрашивал, за какие такие грехи его разжаловали. Дальше расспросов вроде: «А ты Сталина часто видел?» дело не доходило, поскольку Гусев больше, чем двумя словами ни на какие вопросы не отвечал. И вообще, говорил боль-

ше по-немецки, и то только когда его задействовали как лучшего переводчика дивизии...

- Проклятые комары! Проклятое болото! Проклятая Россия! - начальник инженерной службы главного штаба Группы армий «Центр» полковник Фридрих Герхард фон Фогель с нескрываемым раздражением посмотрел на своего адъютанта младшего лейтенанта Затцеля. Последний - пришивший юнец, непригодный даже для того, чтобы таскать портфель оберста, тихонько повизгивая, непрерывно крутился, хлопая себя по всем частям тела.

«В маршевую роту сопляка!» - Фогель, в который раз пожалел, что дал согласие пристроить возле себя сына соседнего богатого бюргера, поклонившемуся высокородному соседу двумя прекрасными свиньями. Дело было даже не в свиньях! Перед этим, в сентябре сорок первого сам фельдмаршал фон Бок, представляя Фогеля своему штабу, отметил:

- Я счастлив приветствовать среди нас германского гения полевой фортификации полковника фон Фогеля, который, я уверен, через месяц будет прогуливаться по Москве в генеральских погонах!

После таких слов Фогелю некоторое время хотелось выглядеть среди окружающих добрым и великодушным. Тут-то как нельзя «кстати» подвернулся Затцель со своим отпрыском...

И где она, Москва? Где генеральские погоны?! Остался только тупой Затцель и это проклятое болото!

Неделю назад, когда Фогелю по секрету сообщили, что в эту компанию наступление будет развернуто гораздо южнее, и ему предстоит проторчать в этой дыре еще несколько месяцев, он решил убраться свой штаб подальше от станции, которую приноровились почти ежедневно и довольно успешно бомбить русские летчики. А такое важное дело, как планирование собственного штаба, Фриц Фогель никому доверить не мог! Да и заниматься подсчетом эшелонов с цементом, лесом и прочей дрянью в постоянном ожидании очередного авианалета куда как менее предпочтительно, чем попить французский коньяк в спокойном июньском лесу. Даже в компании с чертовыми комарами!

Сейчас лес кончится и «германскому гению полевой фортификации» до завтрашнего дня опять придется вдыхать угарный станционный воздух...

Фаэтон резко завалился набок от прыгнувшего на него страшного огромного человека. Вязкая темнота обрушилась на полковника. В диком ужасе, он хотел закричать, но воздуха на крик уже не осталось...

По команде Балашова группа захвата метнулась к коляске. Сам командир мгновенно сшиб с облучка ездового и занес над ним руку с

финкой, но, видя как тот, икая от страха, застыл в параличе, быстро сунул финку в ножны и бросился на помощь Гусеву. Боец, повиснув на поводьях огромного жеребца, пытался привязать его к дереву. Когда они вдвоем справились с этим зверем, Вася Зубков с непомерно раздувшимся матрасом на плечах мелким тяжелым шагом бежал в сторону группы Харченкова. За ним Баринов pinkами гнал перед собой шуплого ординарца с портфелем в обеих руках.

Слушая, как за спиной удаляются шаги группы захвата с пленными, Ленька, стараясь как можно медленнее, считал до ста. Пока он держал в прицеле автомата поворот дороги, за которым две минуты назад скрылась предшествующая фазтону подвода с охраной. Он знал, что чуть левее держат в прицелах другой поворот Цыганков и Шилкин. Они не считали. Они ждали команды Харченкова.

«...Семьдесят восемь, семьдесят девять, восемьдесят...» - со стороны левого поворота показалась следующая подвода...

«Доедут - не доедут?» - по ленькиным подсчетам, охрана должна заметить пустой фазтон на счет «сто».

«...Девяносто восемь, девяносто девять, сто!» - По взмаху руки ленькина команда по одному: Шилкин - Харченков - Цыганков, откатилась по намеченному пути метров на восемьдесят в сторону болота и вновь залегла. Сразу за этим раздались истошные вопли, хлестнули первые автоматные очереди, явно наугад.

«...восемнадцать, девятнадцать, двадцать!» - группа прикрытия в таком же порядке без выстрелов отступила к следующему рубежу. Здесь, на границе болота и узкого языка твердой земли, по которому уходили ребята, им предстояло пробыть десять минут. И, если понадобится, принять бой. Скорее всего последний в их жизни....

Десять минут тянулись часами. Пальба в лесу нарастала, расширялась, но не приближалась в их сторону. Напряжение спадало. Трусят гансы! Без подкрепления не сунутся.

Выждав еще пару минут сверх положенного, Ленька с товарищами, уже не оглядываясь, припустился бегом вслед Балашову...

Начальник инженерной службы Главного штаба Группы армий «Центр» полковник Фридрих Герхард фон Фогель пришел в себя, оказавшись на «пятой точке», погруженным по горло в вонючую болотную жижу.

- Херр оберст желает и дальше путешествовать в матрасе или предпочитает идти пешком?

Безукоризненный немецкий поначалу сбил Фогеля с толку... - Мне повторить свой вопрос? - склонившийся над ним огромный человек в

замызанной русской солдатской форме и интеллигентным лицом показался Фогелю порождением его бредового воображения. Но когда он увидел трясущегося Затцеля, с которого даже не потрудились снять нелепо большой, по сравнению с его субтильным телом пистолет, несостоявшийся генерал понял что пойдет с этими людьми, куда бы они не приказали...

За час до рассвета, когда до нашего берега было еще километра два, Ленька, оглушенный близкими разрывами немецких снарядов, вдруг подумал: «А ведь не дойти!» Минут через сорок после захвата фашисты начали утюжить болото всеми калибрами. Поначалу садили куда попало. Но постепенно гитлеровцы определили направление отхода наших разведчиков, и тяжелые снаряды стали ложиться все ближе и ближе...

Когда Леньку окатило ледяной грязью, выброшенной очередным близким разрывом, перед глазами вдруг встал комполка Бастрыкин:

«- Будете возвращаться с немцем, если будет жарко - красная, зеленая...»

- Братцы, мы же с немцем! - непослушными пальцами Ленька взвел курок ракетницы... Красная... Зеленая...

Не успели погаснуть разноцветные огни, как наша сторона отозвалась залпом всех двадцати пяти дивизионных «катюш». Противоположный берег всколыхнулся заревом разрывов...

Вот так поддерживали... Вся дивизия салютовала своим семерым бойцам! Впереди у Леньки будет еще много салютов. И даже тот самый - Салют Великой Победы, когда он, Ленька - капитан Харченков, кавалер ордена Боевого Красного Знамени, многих других орденов и медалей, пронесет по Красной Площади овечье-славой полковое знамя. Никто из семерых, кроме него, не доживет до этого Великого Салюта... Но этот салют, встреченный ими посреди бескрайнего смоленского болота, навсегда останется самым Главным Салютом Ленькиной жизни!

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Грин. «Это было в апреле»	7
Г. Сулейманов. «Агент следует поездом»	29
Н. Козьма. «Приказано служить Родине»	45
Г. Леонов, Н. Козьма. «Предписано - на восток»	49
Н. Гулин. «Заметки чекиста»	62
В. Сухарев. «Место службы - особый отдел»	89
Н. Козьма. «На земле, в небесах и на море...»	100
В. Пирожников. «Путь определила война»	103
Н. Козьма. «За храбрость, стойкость и мужество...»	110
И. Пышминцев. «Освобождая Белоруссию»	112
П. Курганов. «Десант за Днепр»	115
В. Турович. «Далекое эхо войны»	119
Н. Петров. «Кавалер «Красной Звезды»	123
О. Селянkin. «Ценою собственной жизни»	125
В. Кустов. «Прыжок в бессмертие»	140
А. Щербинина. «Должность - партизанский врач»	147
Л. Голланд, А. Беляев. «Послесловие к подвигу»	152
В. Михайлюк. «Ему полностью доверяли»	164
В. Михайлюк. «Белые вьюги»	174
В. Романцев. «Кавалерией на... «Вервольф»	190
В. Гончаровский. «Партизанские рейды»	193
М. Смородинов. «Закон пограничья»	208
Н. Козьма. «С верой в победу»	217
В. Богомолов. «Жизнь такая короткая»	228
П. Багимов. «Главный салют»	245

«И память хранить вечно...»
Исторические очерки о пермских чекистах.

Составитель — Н. П. Козьма.

Издатель — ООО «Раритет-Пермь» (лицензия ИД № 00820).

Генеральный директор — С. М. Барков.

Редактор — В. Н. Кадочников.

Дизайн, верстка — В. Е. Городов.

Ответственный за выпуск

от РУ ФСБ по Пермской области — М. Н. Парфирьева.

Корректора — Л. Н. Димченко, Л. И. Сенькина.

